

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
UNIVERSITY
BULLETIN

Moscow University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER THREE

MAY – JUNE

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2020

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 3

МАЙ – ИЮНЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — д. ф. н., проф. **М.Л. Ремнёва**

Зам. главного редактора по лингвистике — д. ф. н., проф. **И.М. Кобозева**

Зам. главного редактора по литературоведению — д. ф. н., проф. **В.М. Толмачёв**

Отв. секретарь по лингвистике — д. ф. н., проф. **С.В. Князев**

Отв. секретарь по литературоведению — д. ф. н., проф. **Г.В. Зыкова**

Оргсекретарь — к. п. н., доц. **И.Э. Стрелец**

Выпускающий редактор англ. версии — к. ф. н., доц. **Д.С. Мухортов**

Члены редколлегии:

д. ф. н., проф. **О.В. Александрова**; к. ф. н., доц. **А.Е. Беликов**; д. ф. н., проф. **Т.Д. Венедиктова**; д. ф. н., проф. **Д.П. Ивинский**; д. ф. н., проф. **А.И. Изотов**; д. ф. н., проф. **С.И. Кормилов**; д. ф. н., проф. **Н.Т. Пахсарьян**; д. ф. н., проф. **Е.В. Петрухина**; д. ф. н., проф. **А.И. Солопов**; д. ф. н., проф. **С.Г. Татевосов**; д. ф. н., ст. науч. сотр. **О.Е. Фролова**

ЧЛЕНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella AmatuZZi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); БЁМИГ Михаэла (Michaela Bohmig), PhD, профессор (Италия, Неаполитанский ун-т); БЕНТЦИНГЕР Рудольф (Rudolf Bentzinger), PhD, профессор, академик (Германия, Берлин-Бранденбургская академия наук); ВАВЖИНЬЧИК Ян (Jan Wawrzyńczyk), PhD, профессор (Польша, Варшавский ун-т); ВЕРЛИНСКИЙ Александр Леонардович, д.ф.н., профессор (Россия, СПбГУ); ВОЛЬФ Юрген (Jurgen Wolf), PhD, профессор (Германия, Марбургский ун-т); ГУГНИН Александр Александрович, д.ф.н., профессор (Беларусь, Полоцкий гос. ун-т); ДЕ ЛАНДШИР Кристл (Christ'l De Landtsheer), PhD, профессор (Бельгия, Антверпенский ун-т); ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); ДЁЙЧ-КОРНБЛАТТ Джудит (Judith Deutsch Kornblatt), PhD, профессор (США, ун-т Висконсина); ДЫБО Анна Владимировна, д.ф.н., профессор, член-корреспондент РАН (Россия, ИЯ РАН); ЗАБОТКИНА Вера Ивановна, д.ф.н., профессор (Россия, РГГУ); ЗОЛОТОВА Татьяна Аркадьевна, д.ф.н., профессор (Россия, Марийский гос. ун-т); ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна (Olga Inkova-Manzotti), д.ф.н., профессор (Швейцария, Женевский ун-т); ЙОВАНОВИЧ Томислав (Томислав Јовановић), PhD, профессор (Сербия, Белградский ун-т); ЛАШРЕ-ДЮЖУР Анн (Anne Lacheret-Dujour), PhD, профессор (Франция, ун-т Западный Париж — Нантер); ЛЕЙТИ Марли Куадрус (Marli Quadros Leite), PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); МЕДВЕДЕВА Галина Витальевна, д.ф.н., профессор (Россия, Иркутский гос. ун-т); МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна (Биљана Мирчевска-Бошева / Biljana Mirčevska-Boševa / Biljana Mirčevska-Boševa), PhD, профессор (Македония, ун-т Свв. Кирилла и Мефодия); МОТТИРОНИ Эжени (Eugénie Mottironi), PhD, профессор (Швейцария, Женевский ун-т); МУСТАЙОКИ Арто (Arto Samuel Mustajoki), PhD, профессор (Финляндия, Хельсинский ун-т); НЕМЕЦ-ИГНАШЕВА Диана Осиповна (Diane O. Nemec-Ignashev), PhD, профессор (США, Карлтон Колледж); НЕССЕЛЬРАТ Хайнц-Гюнтер (Heinz-Günther Nesselrath), PhD, профессор, академик (Германия, Геттингенский ун-т); НИВА Жорж (Georges Nivat), PhD, профессор (Франция, Европейская академия); КАВАЛЬЕРЕ Арлете Орландо (Arlete Orlando Cavaliere), PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); ПАЛМЕР Найджел Фентон (Nigel Fenton Palmer), PhD, профессор (Великобритания, Оксфордский ун-т); ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович, д.ф.н., профессор (Россия, ИМЛИ РАН); РАСКИНИ Элиза (Elisa Raschini), PhD, профессор (Франция, Эколь Нормаль); РОБЕРТС Джейн (Jane Roberts), PhD, профессор (Великобритания, ун-т Лондона); САРАНЦАЦРАЛ Цэрэнчимэдийн (TSérénchimediiin Sarantsatsral), д.ф.н., профессор (Монголия, Монгольский гос. ун-т); УХЛИК Младен (Mladen Uhlik), PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны)

Редактор *И.В. Луканина*

СОДЕРЖАНИЕ

К 75-летию ПОБЕДЫ

<i>Кормилов С.И.</i> Баталистика в «Василии Теркине» А.Т. Твардовского	9
<i>Иванова А.А.</i> Устные воспоминания о Великой Отечественной войне жителей оккупированных территорий	22
<i>Октябрьская О.С.</i> Поэзия А.Л. Барто и Е.А. Благиной о Великой Отечественной войне: типология основных мотивов и образов ..	37

Статьи

<i>Федорова О.В.</i> Референциальное развитие русскоязычных детей 10–12 лет.	47
<i>Дедова О.В., Ли Ян.</i> Состав и структура лексико-семантического поля «Межличностное общение в Интернете»	61
<i>Уржа А.В.</i> Интерпретация дейктиков в русских переводах романа Марка Твена «Приключения Тома Сойера»	73
<i>Борискина О.О., Картацев В.Н.</i> Границы скрытой глагольной реципрокальности в русском языке.	86
<i>Филатова Г.А.</i> Функциональный комплекс апелляций к читателю в фантастическом повествовании (на примере романа Р. Желязны “Creatures of Light and Darkness”).	101
<i>Стефанчиков И.В., Давыдов Т.Г.</i> Латинские эпитафии в аргентинских и уругвайских периодических изданиях 1800–1840-х годов. .	111
<i>Чжан Шучунь.</i> Состав и особенности образования русских существительных с суффиксом <i>-ость</i>	126
<i>Ярошенко П.В.</i> О типах синестезийных словосочетаний и моделях их перевода	135
<i>Харламова С.А.</i> Метод решения гомеровских проблем в «Поэтике» Аристотеля и “De audiendis poetis” Плутарха.	144
<i>Чеснокова Т.Г.</i> «Супружеская война», или «Угрошение строптивой»? Картина семейных нравов в комедии Дж. Колмана «Ревнивая жена»: традиции и литературный контекст	153
<i>Яковец А.Е.</i> Речевое самоисправление как фактор создания литературного текста у Томаса Бернхарда (повесть «Хождение»)	164
<i>Ничипоров И.Б.</i> Семья в эпоху перемен: романы Юрия Полякова рубежа XX–XXI вв.	174
<i>Ибадова Н.Э.</i> Роман Ю. Полякова «Козленок в молоке» как пародия на постмодернистский дискурс	182
<i>Соколинский Е.К.</i> Русская книга без границ (о проекте «Международный сводный каталог русской книги, 1918–1926»)	189

Рецензии

<i>Кульпина В.Г.</i> Современные проблемы авторской лексикографии: Сборник научных статей / Под общ. ред. Л.Л. Шестаковой. М.: Аквилон, 2018. 320 с.	199
---	-----

<i>Яковлев М.В.</i> Малыгина Н.М. Андрей Платонов и литературная Москва: А.К. Воронский, А.М. Горький, Б.А. Пильняк, Б.Л. Пастернак, Артем Веселый, С.Ф. Буданцев, В.С. Гроссман. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 592 с.; илл.	203
---	-----

Научная жизнь

<i>Ганина Н.А.</i> Международная научная конференция «Западноевропейские рукописи и документы от поздней античности до начала Нового времени в собраниях Санкт-Петербурга: изучение, каталогизация, цифровая публикация»	208
<i>Красильникова Л.В., Маркова В.А.</i> Международная конференция «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного» (28–30 ноября 2019 г.)	213
<i>Швец А.В.</i> Отчет о XXII Летней Международной гуманитарной школе «Национальная классика и глобальный транзит: новые задачи литературного образования», МГУ, 24–26 июня, 2019 г.	218

CONTENTS

Celebrating the 75th Victory Day

<i>Kormilov S.</i> Battlefield descriptions in <i>Vassily Terkin</i> by A. Tvardovsky . . .	9
<i>Ivanova A.</i> Reminiscences of the Great Patriotic War by Residents of Occupied Territories	22
<i>Oktyabrskaya O.</i> The Great Patriotic War in the Poems by Agnia Barto and Elena Blaginina: A Typology of Symbols and Motifs	37

Articles

<i>Fedorova O.</i> Referential development of Russian-speaking children aged 10–12	47
<i>Dedova O., Li Yang.</i> The composition and structure of the lexical-semantic field ‘interpersonal communication in the Internet’	61
<i>Urzha A.</i> Deictic Words in Russian Translations of Mark Twain’s <i>The Adventures of Tom Sawyer</i>	73
<i>Boriskina O., Kartavtsev V.</i> Limits of Covert Verbal Reciprocity in the Russian Language	86
<i>Filatova G.</i> Transformation of the Complex of Address to the Reader in Russian Translations of R. Zelazny’s <i>Creatures of Light and Darkness</i> . .	101
<i>Stefanchikov I., Davydov T.</i> Latin Epigraphs in Argentinian and Uruguayan Periodicals from the 1800’s to the 1840’s	111
<i>Zhang Shuchun.</i> Composition and Characteristics of Russian Nouns Formed with Suffix -ost’ a Case of the Corpus Database ‘Rsskiye Gazety Kontsa Dvadtsatogo Veka’	126
<i>Iaroshenko P.</i> The Synaesthesia in Literary Text and Its Translation Patterns: The Case of a Poem by A. Rimbaud	135
<i>Kharlamova S.</i> Tackling Homeric Problems in Aristotle’s ‘Poetics’ and Plutarch’s ‘How to Study Poetry’...	144
<i>Chesnokova T.</i> ‘Conjugal War’ or ‘The Taming of the Shrew’? The Picture of Family Mores in ‘The Jealous Wife’ by George Colman the Elder: Traditions and Literary Context	153
<i>Yakovets A.</i> Speech Repair in the Creation of Literary Text by Thomas Bernhard (“Walking”, 1971)	164
<i>Nichiporov I.</i> Family in the Era of Change: Novels by Yuri Polyakov at the turn of the 21st century (“I Devised an Escape...”, “The King of Mushrooms”)	174
<i>Ibadova N.</i> ‘A Goatling in the Milk’ as a Parody of Postmodern Discourse	182
<i>Sokolinskii E.</i> Russian Books without Borders	189

Reviews

<i>Kulpina V.</i> Current Problems of Author Lexicography: A Collection of Research Articles. L.L. Shestakova (ed.). Moscow: Aquilo-Press, 2018. 320 p.	199
---	-----

<i>Yakovlev M. Malygina N. M. Andrey Platonov and Literary Moscow: A. Voronsky, A. Gorky, B. Pilnyak, B. Pasternak, Artem Vesyoly, S. Budantsev, B. Grossman. Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018. 592 p.</i>	203
--	-----

Scientific Life

<i>Ganina N. The International Scientific Conference ‘West European Manuscripts and Charters from Late Antiquity to the Early Modern Period in Saint Petersburg Collections: Research, Catalogization, and Digitization’</i>	208
<i>Krasilnikova L., Markova V. VII International Scientific Conference ‘Text: Problems and Prospects. Aspects of Studying for the Purpose of Teaching Russian as a Foreign Language’</i>	213
<i>Shvets A. XXII Summer International School ‘National Classics and Global Transit: New Challenges of Literary Education’, Lomonosov Moscow State University, June 24–26, 2019</i>	218

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

С.И. Кормилов

БАТАЛИСТИКА В «ВАСИЛИИ ТЕРКИНЕ»

А.Т. ТВАРДОВСКОГО

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В «Книге про бойца» А.Т. Твардовского описываются далеко не одни бои. Показаны отступление и наступление, оборона представлена как длительное бездействие. Грандиозные сражения едва упоминаются, подробно показаны лишь бои местного значения, две рукопашных схватки. Страшнее в «Василии Теркине» бомбежки и артиллерийские обстрелы, когда жизнь или смерть зависят от случайности, а от тебя не зависит ничего. Страх и смерть на войне представлены больше, чем считал допустимым идеологический официоз. Парадная сторона армейской жизни практически не показана, Теркина, не награжденного за отличия в войне с Финляндией, не награждают и за подвиги в самый трудный первый период Отечественной войны. Жизнь солдат, в том числе участие в боях, — это прежде всего тяжелая «работа». Говорится об опасных ранениях, о мрачной перспективе для инвалидов, вопреки идеологической установке уравниваются «павшие» и «без вести пропавшие», признается, что человек может попасть под огонь не вражеских, а «своих» орудий. Все увидено глазами солдата-пехотинца (самый массовый род войск), хотя другие рода войск обсуждаются и командиры (но не выше генерал-майора) в действии участвуют. «Общечеловеческие» детали выписаны конкретно, а чисто армейские — обобщенно: самая частотная лексика относится к вооружению и оснащению армии, но ни одна система оружия не называется, сначала даже «ружья» предпочтительнее, чем «винтовки»; из амуниции выделены только гимнастерка и особенно шинель; награды — вообще «медаль» и «орден», слово «герой» не означает Героя Советского Союза. Обобщена также система персонажей кроме главного, не называются имена и фамилии, в том числе реальных участников войны. Сам Теркин в конце книги «растворился в массе». Патетики в его речах почти нет, у автора она минимальна.

Ключевые слова: война; бои; страх и смерть на войне; «общечеловеческая» и чисто армейская детализация; слава; художественное обобщение.

Кормилов Сергей Иванович — доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: profkormilov@mail.ru).

«Василий Теркин. Книга про бойца» (1942–1945) А.Т. Твардовского — произведение, синхронное Великой Отечественной войне и почти исключительно ей посвященное. Первая же строка поэмы — «На войне, в пыли походной» [Твардовский, 1978: 5]¹. Однако никакая война не состоит только из боев, перерывы между ними обычно более продолжительны. «Батальное содержание книги заранее постулируется в названиях многих глав: “В наступлении”, “Бой в болоте”, “Кто стрелял?” и др.» [Самоделова, 2005: 185]. Но «др.» — это «Переправа» (ясно, что военная), «О войне», «Теркин ранен», «Поединок», «Смерть и воин». В совокупности восемь глав из 30. «О потере» — не о боевых потерях, а о потере одним из бойцов киста, другое дело, что Теркин, упрекая товарища за слабость, допускает всякие потери, кроме одной: лишь «Россию, мать-старуху, // Нам терять нельзя никак» (10, 75). Вместе с тем о войне, конечно, так или иначе говорится практически во всех главах, упоминаются и сражения — наиболее грандиозные. Сталинград сначала, когда немцы до него еще не дошли, только подразумевается: «К Волге двинулась беда...» (15, 102), потом называется прямо: «Бился ль ты в горах Кавказа // Или пал за Сталинград <...>» (17, 119), «Кто за город пал великий, // Что один у всей страны; // Кто за гордую твердыню, // Что у Волги у реки <...>» (17, 127), причем перед этим упоминаются битвы несколько меньшего масштаба и вроде бы незначительный, но долгий и трудный бой, участникам которого «подарком из подарков» были не Ростов и не Харьков, а маленький и дотла сожженный «населенный пункт Борки» (17, 126). Наконец, в заключительной главе «От автора» поэт обращается к своему герою: «От Москвы, от Сталинграда // Неизменно ты со мной <...>» (30, 224). Но в действии Теркин участником сталинградской битвы не показан. О Курской дуге и «десяти сталинских ударах» речи нет. Глава «На Днепре» — не об освобождении Киева, имеются в виду смоленские верховья Днепра, где родные места автора и героя, но где эта река еще не та, что под киевскими горами. В этой главе сказано и обо всей огромной стране, в которой воевали разные люди: «Но война — ей все едино, // Все — хорошие края: // Что Кавказ, что Украина, // Что Смоленщина твоя» (17, 190). Наступающие бойцы

¹ Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках без обозначения источника. При цитатах из поэмы перед номером страницы указывается условный номер главы (Твардовским главы не пронумерованы): 1. От автора (1). 2. На привале. 3. Перед боем. 4. Переправа. 5. О войне. 6. Теркин ранен. 7. О награде. 8. Гармонь. 9. Два солдата. 10. О потере. 11. Поединок. 12. От автора (2). 13 «Кто стрелял?» 14. О герое. 15. Генерал. 16. О себе. 17. Бой в болоте. 18. О любви. 19. Отдых Теркина. 20. В наступлении. 21. Смерть и воин. 22. Теркин пишет. 23. Теркин — Теркин. 24. От автора (3). 25. Дед и баба. 26. На Днепре. 27. Про солдата-сироту. 28. По дороге на Берлин. 29. В бане. 30. От автора (4).

все — не один Теркин — освобождают территорию за территорией: «Шутки, что ли, сутки — город, // Двое суток — областной. <...> Белоруссия родная, // Украина золотая, // Здравствуй, пели, и прощай» (27, 202). Взятие немецкой столицы не показано, «по дороге на Берлин» исчезли березы, и автор обращается к этому русскому дереву: «С Волгой, с древнею Москвою // Как ты нынче далека!» (28, 206). Однако тут уже не имеются в виду отшумевшие сражения. Только упоминаются Тильзит (27, 203) и Кенигсберг (29, 215). «И на Одере едва ли // Вспомнят даже старики, // Как полгода с бою брали // Населенный пункт Борки» (27, 197) — это не столько о последних сражениях, сколько о стремительном продвижении наших войск.

Очевидно лишь участие Теркина в московской битве. Он сам слышал, как немцы издевательски пели, надеясь быстро захватить русскую столицу: «Москва моя». Прошло время после первой большой победы Красной Армии (Твардовским так и не показанной), и теперь Василий высмеивает врагов, но в данном случае не все одобряют его балагурство: «— Вот и смех тебе. Однако // Услыхал бы ты тогда // Эту песню, — ты б заплакал // От печали и стыда». Солдат-скептик будто даже сомневается в том, что рассказчик такую песню действительно слышал. Как бы то ни было, высмеивать ее теперь можно потому, что «Этой песни прошлогодней // Нынче немец не певец». Теркин, кажется, несколько растерялся (идеализации героя нет) и поддакивает: «— Не певец-то — это верно, // Это ясно, час не тот...» Но скептик его не жалеет и, вызывая тяжелый вздох у какого-то пожилого солдата (тот обращается к высказывающемуся со словом «сын»), возвращает слушателей к тяжелой действительности: «— А деревню-то, примерно, // Вот берем — не отдает» (17, 124–125). Перед этим некий солдат (точнее, солдат вообще) в атаке влил свой голос не в бодрый крик товарищей, а «в печальный // И протяжный стон: “Ура-а...”» (17, 119). Это в будущем Теркин или кто-то другой, который, в отличие от главного героя, мог погибнуть, «солдат мой поседельный, // Коль останется живой, // Вспомнит: то-то было дело, // Как сражались под Москвой...» Но во время войны действительно больше мечтали о счастливой послевоенной жизни, а не о всеобщем уважении к ветеранам: даже внуки выслушают рассказ деда, только «Если слушать захотят...» (20, 144). Тем более никак не выделялись фронтовики сразу после войны, когда их было еще много. К сожалению, Твардовский оставил в вариантах главы «Смерть и воин» издевку олицетворенной Смерти по поводу надежды Теркина, если он доживет до победы, на то, что он «накрасуется»: «Что не будет интересней // За любым тогда столом // Фронтовой жестокой песни // Иль рассказов о былом? // Что везде — такое

диво — // Будешь вроде жениха, // Что без очереди пива // Кружку выпросишь? Ха-ха!» Ведь «таких вас будет много, // Очень много — пруд пруди» (353–354). По-видимому, поэт во время продолжающихся ожесточенных боев решил «не сглазить» и не снижать цену пока не достигнутой победы. Но он учел, что имена не всех героев станут известны: «Столько сыщется героев, // Что — глядишь — один забыт» (20, 149). Еще за финскую войну Теркину «Не дали медали», а в тогдашних фельетонах тогдашний Вася совершал богатырские подвиги: «Может, в списке наградном // Вышла опечатка» (2, 14, 15). Учел Твардовский и тяжкую участь многочисленных инвалидов, которая не получила достаточного освещения ни тогда², ни в последующей литературе о войне. Смерть пугает раненого: «Вдруг придешь с одной рукой? // Иль еще каким калеккой, // Сам себе и то постыл...» (21, 155). Не только себе — дорогим людям тоже. «И лишь эта впрямь ужасная угроза стать обузой для них в тягостной и без того жизни устрасила Теркина» [Турков, 2012: 56]: «И со Смертью Человеку // Спорить стало свыше сил» (21, 155). Он попробовал уговорить страшную старуху отпустить его после победы хотя бы на один день. Ее отказ вернул ему моральные силы. Твардовский надеялся, что его и Теркина даже инвалид в пивнушке «Вспомнит после третьей кружки» (30, 225), т.е. дружески-неофициально.

Есть в книге, разумеется, и сцены гибели, в том числе жуткая: «Люди теплые, живые // Шли на дно, на дно, на дно...» (4, 29), и вид холодных мертвых тел, у которых снег «не тает в их глазницах // И пылью лежит на лицах — // Мертвым все равно» (4, 30), и включенные в действие солдаты похоронной команды, совсем забытые литературой люди [Гришунин, 1998: 26], добрейшие к живым товарищам-солдатам³, остроумные, но давно привыкшие к мертвым и равнодушные к ним, даже циничные (им нужны лопата и лом, чтобы зимой отдирать от земли примерзшие тела): «— А и то устали за день, // Доставай кисет, земляк. // На покойничке присядем // Да покурим натошак» (21, 156)⁴. Теркин признается старику, бывшему солдату: «На войне, отец, бывает — // Попадает по своим» (25, 184).

² «В каком другом советском произведении встречается сочувственное упоминание о ветеране Отечественной войны — “с рукавом пустым”, пребывающем “в пивнушке”?» [Гришунин, 1998: 26].

³ Таща в медсанбат тяжело раненного Теркина, они его «Берегут, несут с опаской» и не останавливаются отдохнуть, как предлагает самоотверженный Василий: «Потому несем живого, // Мертвый вдвое тяжелей» (21, 158). Здесь и стремление спасти человека, и привычное ощущение, что одеревеневшее тело тяжелеет.

⁴ Твардовский, однако, оставил в вариантах главы «На Днепре» упоминание залегавших мертвецов: «И несчастный, разоренный // Край лежал во все концы. // И команды похоронной // Поджидали мертвецы» (387). Видимо, не хотел допускать даже намека на натуралистичность.

Того же он боялся в захваченном им немецком дзоте. Вопреки официальной пропаганде автор на равных признает «Павших, без вести пропавших» (25, 178), а в вариантах назван и «батальон штрафной» (358). Был даже замысел о Теркине в плену [Гришунин, 1998: 40].

Таким образом, война показана разносторонне, хотя и на примере боев местного значения. Описаны две переправы под обстрелом, через неизвестную реку и Днепр, бой, в котором Василий сначала участвует как связист, а потом захватывает немецкий дзот и при этом ранен в плечо из пистолета офицером, которого заколол штыком (короткая рукопашная), «поединок» со здоровым вражеским солдатом (долгая рукопашная), бомбардировка фашистским самолетом, сбитым потом выстрелом Теркина, после не изображенного боя («Отдымился бой вчерашний» [13, 90]), затянувшийся «бой в болоте» за «населенный пункт Борки», бой «в наступлении», когда погиб командир взвода, «лейтенант щеголеватый» (20, 147), а Теркин возглавил атаку и снова был тяжело ранен. Другие бои, как уже было сказано, не описываются, а только упоминаются или подразумеваются, как тот, в котором главный герой был «задет осколком» (2, 15), и все сражения за пределами родины автора и героя (тут Твардовский прямо следует за автором «Войны и мира» и, вероятно, учитывает, что теперь «война — не та работа, // Ясно даже простаку, // Если по три самолета // В помощь придано штыку» [29, 218]⁵). В заключительных главах действует в основном солдат, который может быть Теркиным, а может им и не быть, но равен этому герою: другие солдаты, увидев его при всех наградах, дают ему оценку по ставшему привычным эталону: «— Ну, силен! // — Все равно что Теркин» (29, 221). «Незаметно для читателей, последний раз “видевших” Теркина воочию на Днепре, он влился в человеческое море, празднующее победу <...>», — писал исследователь [Турков, 2012: 89]. Это не совсем так, «по дороге на Берлин» Теркин с другими солдатами наделяет бабку, угнанную в Германию, живностью и бараклом вплоть до велосипеда, «реквизированными», ясно, у местных жителей (о подобных «реквизициях» советская литература тоже умалчивала), и советует использовать его имя как пропуск: «Мол, снабдил Василий Теркин, — // И тебе свободен путь» (28, 211). Но в боях он действительно как будто больше не участвует, хотя собирается добивать «немца» и рассчитывает на новые награды за это (29, 220).

Книга первоначально делилась на три части, предварявшиеся главами «От автора» (последняя, четвертая с таким названием — итоговая). Твардовский остановился было на двух частях, но в октябре

⁵ На последнем этапе войны Красная Армия имела над вермахтом многократное преимущество в живой силе и технике.

1943 г. передумал: «Сейчас, когда решил, что буду писать третью часть, мне уже ясно, что Теркин, такой, как он есть, вызывает уже чувство некоей незавершенности. Теркин без наступления. И свободный характер повествования, не позволяющий вдруг прервать себя. И многие просьбы о продолжении со стороны фронтовиков <...>. И радость возвращения к работе, которая все искупает, даже оценку ее официальным миром. Пусть иным будет все — страницы «Правды», премии, награды, а мне моя драгоценная радость рассказа для воюющих людей об их любимце <...>» [Твардовский, 2005: 196–197]⁶.

В поэме показаны отступление, оборона как затянувшееся бездействие и наступление⁷. У отступления для солдат имеется свое преимущество: «Есть войны закон не новый: // В отступленье — ешь ты вдоволь, // В обороне — так ли сяк, // В наступленье — натошак» (11, 78). Оттого и в рукопашной схватке с сытым немцем, грабившим русское население, Теркин, лишенный фельетонных черт богатыря Васи, знал, что «Он слабей: не те харчи» (там же). Но победил силой духа. А в наступлении бойцы не огорчаются тем, что «война пошла такая — // Кухни сзади, черт их где!» (27, 202). «Главы, составлявшие прежде первую часть, отмечены суровым и мрачным, трагическим колоритом (“Переправа”); вторая часть отражает напряженное противоборство переломного периода войны. Главы третьей части — “На Днепре”, “По дороге на Берлин”, “В бане” — наполнены бодростью и предпраздничным предпобедным весельем <...>», — констатировал А.Л. Гришунин (451). Это во многом верно, но не совсем. Конечно, даже в «Гармони» сцену «залихватской пляски <...> перебивает драматический мотив» [Турков, 2012: 28], отмечено, что «не время вспоминать, // Где и кто лежит убитый // И кому еще лежать» (8, 58–59), и сама гармонь переходит к Теркину от убитого командира танка; очень страшны описания бомбежек в двух первых частях — Твардовский «сам в первые дни войны едва не погиб под немецкими бомбами» [Турков, 2012: 32]; «умопомрачительных подвигов Василий — в отличие от Васи — не совершает. Схватка с немецким солдатом в главе “Поединок” дается ему крайне тяжело» [там же: 23], и награды за взятого «языка» он не получает, как и за то,

⁶ До присуждения законченной книге Сталинской премии (1946) ее официальные оценки довольно резко расходились с читательскими [Турков, 2012: 60–72, 81, 111–116].

⁷ «На войне сюжета нету» (12, 87). Эта «книга про бойца // Без начала, без конца. // Почему так — без начала? // Потому, что сроку мало // Начинать ее сначала. // Почему же без конца? // Просто жалко молодца» (1, 7). На самом деле есть и начало, и конец. «Известной заменой сюжета в “Книге про бойца” выступает хроника войны, ее перемены, ее ход», — писал А.Л. Гришунин в статье «“Василий Теркин” А. Твардовского» (451).

что в ноябре переплыл реку, чтобы передать сообщение от командира взвода, закрепившегося на правом берегу⁸, и за захват вражеского дзота («Теркин ранен»), впрочем, может быть, потому, что сразу попал в госпиталь, а не в свою часть: некому было представить его к награде; вообще он пока рассчитывает максимум на медаль, а не на орден («О награде»).

Но в целом, несмотря на трагизм, книга, герой которой, веселый балагур, сразу объявлен не подверженным смерти, вся оптимистична. На Твардовского еще и давил идеологический официоз. Так, «3 июня 1944 г. Мария Илларионовна сообщала мужу, что в Воениздате потребовали изъять из «Книги про бойца» несколько строф, где говорилось о гибели и смерти <...>» [Турков, 2012: 81], но автор от своего не отступал. Давление продолжалось и после войны. «Трагические главы “Смерть и воин” и “Про солдата-сироту” хотя и входили в полное издание “Книги про бойца”, но отдельно печатались редко, а по радио и телевидению почти не передавались. В меньшей степени это коснулось “Переправы”: выручал счастливый конец» [там же: 116]. Между тем «Смерть и воин» и «Про солдата-сироту» в отличие от «Переправы» находятся среди глав о наступлении⁹, во второй из них и предвещающей ее главе «На Днепре» солдаты плачут (после освобождения своих родных разоренных мест плачет, а не веселится и не веселит других сам Теркин), но окружают их «Дед и баба» со счастливым концом и мажорная «По дороге на Берлин». Однако даже в главе «На Днепре», где «автор обращается к описанию неудержимого наступления “рябого от пота” солдатского люда, этих усталых, но оживленных лиц “со страдальчески-счастливым, от жары открытым ртом”» [там же: 76], все-таки «Будет в воду сброшен взвод» (26, 193), а вместе с тем сама русская природа помогает своим: «<...> ребятам берег правый // Свесил на воду кусты» (там же) и «картина боя завершается и как бы разрезается комическим эпизодом» [Турков, 2012: 77] с «беспорточным» немцем, переплывшим реку, чтобы сдаться в плен (26, 195).

Таких, конечно, не «разрежений», а разрядок достаточно во всей книге. При первом обсуждении в ней боевых действий («сабантуев»)

⁸ Просит он всего только лишнюю стопку спирта. Орден ему дадут как раз за исключительное отличие, ведь «не каждый день сбивают // Из винтовки самолет» (15, 107). В неоконченном романе Шолохова «Они сражались за родину» Лопахин, имеющий медаль, что отмечается как редкий случай, тоже сбивает самолет, правда из противотанкового ружья, а не из винтовки с бронебойным патроном. До получения им более высокой награды лейтенант угощает его стопкой водки.

⁹ Глава «Смерть и воин» смущала догматических критиков не столько «трагичностью», сколько художественной условностью — олицетворением Смерти. В ее финале Твардовский снял описание бомбежки: осколок угрожал Теркину, которого несли в санбат (356). То могла бы быть *случайная* смерть, что противоречило идее победы воина над Смертью.

признается, что страшнее бомбежки и минометного обстрела танковая атака. Некий бодрящийся солдат поддерживает «лозунг», пропечатанный в официальной «газетке» (все-таки при этом именуя ее без почтения уменьшительной формой слова): «Танк, — он с виду грозен очень, // А на деле глух и слеп». Теркин же сводит разговор к шутке, что, конечно, свидетельствует не о его робости, но о разумном, трезвом, не «газетном» восприятии войны: «— То-то слеп. Лежишь в канаве, // А на сердце маята: // Вдруг как сослепу задавит, — // Ведь не видит ни черта» (2, 11). Тем самым он поднимает настроение и, значит, боевой дух слушающих. После страшного артобстрела, когда огромный снаряд упал рядом с Теркиным, но не разорвался, он поднимает своих залегших товарищей и воодушевляет их неприличным поступком (такое в официальной советской литературе обычно не встречалось), выражающим презрение к оружию убийства: встал «с воронкой рядом // И у хлопцев на виду, // Обратясь к тому снаряду, // Справил малую нужду...» (6, 43). «Теркин удачлив, как герой народной сказки» [Гришунин, 1998: 22]. Вспоминая начало войны, он сообщает: «Трижды был я окружен, // Трижды — вот он! — вышел вон. // И хоть было беспокойно — // Оставался невредим <...>» (2, 15). В ледяной воде, переплывая реку, Василий не утонул, простудиться ему не дали. В «Поединке» он одолел более сильного, немец снял каску, чтобы драться ею, но тем самым подставил незащищенную голову под удар незаряженной гранатой. Дважды тяжело раненного, Теркина очень вовремя случайно нашли танкисты и «земляки» из похоронной команды. И чтобы сбить из винтовки бомбардировщик, кроме меткости, нужно везение. Хотя о родных героях ничего не сказано, глава «Про солдата-сироту» — не о нем. После начала наступления он больше не будет ранен, а прежние раны в бане вызывают уважение других солдат. У него или такого, как он, уже не один орден: «Ордена, медали в ряд // Жарким пламенем горят...» (29, 220). Для простых солдат такое было редкостью. Наконец, очень светел лирический финал поэмы — исключительно теплое прощание автора с персонажем-другом и читателями, выжившими и погибшими.

Поэт отказался от замысла сделать Теркина офицером (см. статью А.Л. Гришунина «Источники и движение текста. Принципы издания» в «Литературных памятниках» [511–513]). «Демократическая муза Твардовского выбрала простого героя — рядового бойца; обобщающий, собирательный образ, в котором воплощена вся тогдашняя Советская Армия и весь воюющий народ» [Гришунин, 1998: 20]. Сколько ни совершает Василий подвигов, в бою он боится не меньше других. У автора даже был замысел «Теркин — “трус”» (501). «Острого ощущения страха на войне, правдиво воссозданно-

го в искусстве Гаршиным и Толстым, в советской поэзии едва ли не первым коснулся именно А. Твардовский», — писал Гришунин (429). Причем «коснулся» весьма основательно. Василий хоть и балагурит, но признается, что «маялся», лежа в канаве, от опасения, что танк его задавит. Когда рядом «снаряд в снегу шипит... // Хвост овечий — сердце бьется. // Расстается с телом дух» (6, 42). Приближаясь к вражескому дзоту, боец уговаривает сам себя: «Теркин, стой. Дыши ровнее. // Теркин, ближе подпусти. // Теркин, целясь. Бей вернее, // Теркин. Сердце, не части» (6, 44). Даже внутренняя речь стала отрывистой. Во время «поединка» после мощного удара противника герой ответил тем же «с испугу» (11, 79). При появлении немецкого бомбардировщика «Ждут, молчат, глядят ребята, // Зубы сжав, чтоб дрожь унять» (13, 92). Здесь Твардовский выделяет страх совсем молодого человека: «И какой ты вдруг покорный // На груди лежишь земной, // Заслонясь от смерти черной // Только собственной спиной. // Ты лежишь ничком, парнишка // Двадцати неполных лет. // Вот сейчас тебе и крышка, // Вот тебя уже и нет» (13, 93). Но, как потом оказывается, закаленный солдат может бояться даже больше: «Толку нет, что в миг тоскливый, // Как снаряд берет разбег, // Теркин так же ждет разрыва, // Камнем кинувшись на снег; // Что над страхом меньше власти // У того в бою подчас, // Кто судьбу свою и счастье // Испытал уже не раз <...>» (20, 146). И совсем старым людям, солдату Первой мировой и его жене, сидящим в яме, страшно, когда над их головами свистят *свои* снаряды. «Мелко крестится жена, // Сам не скроешь дрожи: // Ведь живая смерть страшна // И солдату тоже» (25, 182). Замечательный эпитет-оксюморон «живая смерть» как бы представляет ее практически неизбежной.

Героизм или просто храбрость для Твардовского — это *преодоление страха*. У него, хотя в книге есть атаки и рукопашные, «все-таки война в сущности своей — безлика и грозная стихия <...>» [Самоделова, 2005: 197]. Оттого самое страшное бывает не в атаке, а под бомбежкой или артобстрелом, когда твоя жизнь или смерть зависит только от случая, а от тебя это совершенно не зависит. Пугает уже звук приближающейся военной техники, на чем автор неоднократно останавливает внимание. Страшен он также своей неожиданностью. Например: «И вдруг — // Вдалеке возник невнятный, // Новый, ноющий, двукратный, // Через миг уже понятный // И томящий душу звук» (13, 91). «На смену “доброму, давнему и знакомому” голосу майского жука явился осточертевший гул вражеского самолета, блестяще переданный аллитерацией (н... н... н... н... — и, правда, ноющий!)» [Турков, 2012: 41]. А затянутая рифмовка передает томительное ожидание.

Здесь, конечно, важно «и то, что герой — пехотинец. “В нем — пафос пехоты, войска, самого близкого к земле, к холоду, к огню и смерти”, — писал Твардовский в самом начале своего замысла» [Гришунин, 1998: 21]. В этих словах близость к земле важнее, чем близость к смерти. Потери могли быть больше в других родах войск, например в авиации, но пехота — самая массовая часть армии, в основном именно от земли (большинство солдат Великой Отечественной были крестьянского происхождения), отсюда постоянные сравнения войны с работой и наименование русского солдата тружеником. Не связанный со сложной техникой, он в этом отношении как раз больше зависел от себя, своей храбрости и инициативы. Чем и был понятнее автору — гуманитария из крестьян.

Другие рода войск тоже не раз фигурируют в тексте, но «наглядно» действуют в нем только немецкие танки и артиллерия. Например, русские танкисты везут раненого Теркина в госпиталь, потом дают ему гармонь, однако в бою они не показаны, а только сообщают, что схоронили своего командира. Вместе с тем поэт, проявляя отличное знание военной психологии, сообщает, как относились к тем или иным родам войск представители других в разные моменты. В неудаче артиллерия и пехота обвиняют танкистов, танкисты — пехоту. «Так идет оно по кругу, // И ругают все друг друга, // Лишь в согласье все подряд // Авиацию бранят» (17, 120). В главе «О любви», поблагодарив женщин, автор спел целый гимн пехоте (18, 133–134), призвав девушек ее полюбить: «Любят летчиков у нас, // Конники в почете. // Обратитесь, просим вас, // К матушке-пехоте!» (18, 133)¹⁰. А при военном успехе все хвалят любые рода войск — танкистов, саперов, артиллеристов, пехоту. «Авиация — и та...» (20, 149)¹¹.

Теркин выделяется из всех персонажей, как правило, представленный лишь непersonифицированными репликами. Относительно подробно выписаны всего двое: по словам А.Л. Гришунина, «тепло и правдиво нарисованный генерал» (409) без фамилии, к обобщенному званию которого только по разу добавлено, что он генерал-майор (15, 110) и комдив (20, 143), и однофамилец Василия Иван (глава «Теркин — Теркин»). Поэтика «Книги про бойца» в целом — поэтика обобщения, ведь даже главный герой с его индивидуальностью в конце произведения «растворяется» в армейском море. Твардов-

¹⁰ Авиация была привилегированным родом войск. Кавалеристов по традиции почитали со времен Гражданской войны. В «Книге про бойца» не назван по фамилии ни один военачальник Великой Отечественной, но названы кавалерист Буденный (25, 180), которого на оккупированной территории продолжают считать самым выдающимся полководцем, и дважды Чапаев (15, 106; 20, 148), запомнившийся кинозрителям «впереди, на лихом коне», хотя он командовал стрелковой дивизией.

¹¹ В начале войны немецкая авиация господствовала в воздухе, а в конце советская авиация десятикратно превосходила немецкую.

ский избегает не только имен и фамилий, но любой конкретизации кроме «общечеловеческой». Не назван ни один фронт, тем более какие-либо определенные воинские части или соединения. Самый значительный пласт лексики относится к оружию, зарядам, снаряжению, военной технике, но не названа ни одна система вооружения: просто винтовка, а не системы Мосина 1891 г. (это было основное вооружение Красной Армии через полвека после его изобретения), просто автомат, а не ППШ (пистолет-пулемет Шпагина), вообще танк, а не «Т-34» или «КВ», вообще самолет и т.д. Поначалу Твардовский даже предпочитает «ружье» «винтовке». Лишь в исключительном случае, когда пехотинцу нужно сбить самолет, появляется конкретика: «Трехлинейная винтовка // На брезентовом ремне, // Да патроны с той головкой, // Что страшна стальной броне» (13, 94). Из амуниции выделены шинель, нужная на все случаи жизни и даже после смерти (ею укроют погибшего) — шинели посвящена целая ода в главе «Перед боем» (3, 22–23) — и сапоги (не специфически военный атрибут), о гимнастерке говорится значительно меньше, из головных уборов — зимняя шапка, а не пилотка, которая фигурирует единственный раз (ее снимает солдат-сирота [27, 201]). В общем, называется то, что особенно нужно солдату, когда холодно, хотя в особом случае, если тот пошел в баню, автор не забудет и про подштанники. Шапка — «родимый // Головной убор» (19, 139) — нужна бойцу и в непривычных мирных условиях на отдыхе, чтобы уснуть, преодолев расстройство нервов. А в конце книги с ее помощью корректируется патетика: «Он стоит, освободитель, // Набок шапка со звездой» (28, 208). У *освободителя* совсем простой, неофициальный вид. «Герой» в поэме — всякий награжденный орденом¹², медаль или орден всегда упоминаются без уточнения, какие именно.

Патетика для «Василия Теркина» в принципе не характерна, но все-таки встречается и органически сочетается с простой, будто бы безыскусственной, часто задушевной речью, как в разговоре Василия с солдатом, потерявшим кисет. В его монологе, составляющем главу «О войне», патетична единственная строфа: «Грянул год, пришел черед, // Нынче мы в ответе // За Россию, за народ // И за все на свете» (5, 35). Но и тут — «за Россию», а не «за Советский Союз». Главным образом патетика исходит от автора. Она всегда хорошо подготовлена, как основной рефрен поэмы «Смертный бой не ради

¹² Исследовательница-фольклорист ошибается, говоря, будто одна из ипостасей «героя» в поэме — «отличающая обычных тружеников от награжденных высшей правительственной наградой, орденом “Герой Советского Союза”» [Самоделова, 2005: 187]. Во-первых, это не просто орден, а почетное звание. Во-вторых, Твардовский в окончательном тексте поэмы его ни разу не упомянул. В-третьих, и привычное словосочетание «правительственная награда» неправильно. Ордена и медали — награды не правительственные, а государственные.

славы, // Ради жизни на земле» в концовках глав «Переправа», «О награде» и «Поединок» (4, 34; 7, 52; 11, 84). Естественно, что патетику включает глава «По дороге на Берлин» («Мать-земля родная наша, // В дни беды и в дни побед // Нет тебя светлей и краше // И желанней сердцу нет» [28, 206]), но заканчивается она не лишенным комизма эпизодом с бабкой, возвращающейся из немецкой неволи. Последние слова поэмы особенно выразительно сочетают неброскую патетику и глубоко личную задушевность — о мысли, «может, дерзновенной // Посвятить любимый труд // Павших памяти священной, // Всем друзьям поры военной, // Всем сердцам, чей дорог суд» (30, 226). Именно *всем*, а не кому-то персонально, даже такому, как столь дорогой герой, действительно ставший бессмертным, главным героем всей литературы о Великой Отечественной войне.

Список литературы

1. Гришунин А.Л. Творчество Твардовского. М., 1998.
2. Самоделова Е.А. Солдатский космос «Василия Теркина» (А. Твардовский в годы войны: штрихи к портрету) // «Идет война народная...» Литература Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 2005. С. 175–205.
3. Твардовский А. Василий Теркин. М., 1978 (Литературные памятники).
4. Твардовский А. «Я в свою ходил атаку...»: Дневники. Письма. М., 2005.
5. Турков А.М. Путеводитель по «Книге про бойца» А. Твардовского «Василий Теркин». М., 2012.

Sergey Kormilov

BATTLEFIELD DESCRIPTIONS IN 'VASSILY TYORKIN' BY A. TVARDOVSKY

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Vassily Terkin by A. Tvardovsky describes more than just battles. It shows retreats and attacks and says that defense is a long period of inactivity. Grandiose battles are mentioned in passing, only local battles and two hand-to-hand fights are shown in detail. Bombings and artillery attacks in 'Vassily Terkin' terrify when life or death depend on chance, and nothing depends on anyone in particular. Wartime fear and death are depicted differently from what ideological officialdom considered acceptable. The formal part of military life looks blurred; Terkin, who was not awarded for his distinguished service in the war with Finland, is not awarded for his service in the most difficult, initial period of World War II. The soldier's

life is mostly about hard ‘work’, contrary to the ideological setting, it speaks of severe injuries, a gloomy prospect for the disabled, there is no difference between the ‘fallen’ and the ‘missing’, a soldier can die from ‘his’ own weapons, not necessarily from the wounds inflicted by the enemy. Everything is seen through the eyes of a foot soldier. Human aspects of the war time are primary and military aspects are secondary in the book. The most frequent vocabulary refers to common weapons and military equipment; at first ‘guns’ is even preferable to ‘rifles’; only a tunic and a greatcoat come for the ammunition; awards have no names, only ‘medals’ and ‘orders’, and the word ‘hero’ does not mean Hero of the Soviet Union. The system of characters is generalized except for the main hero; any names are left aside. At the end of the book Terkin blends in with others, grandiloquent language is minimal in what he says.

Key words: battles; fear and death in the war time; human aspect of the war time, military detalization; glory; artistic generalization.

About the author: *Sergey Kormilov* — Prof. Dr., Department of the History of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: profkormilov@mail.ru).

References

1. Grishunin A.L. Tvorchestvo Tvardovskogo. [Tvardovsky' Works] M.: *Moscow State University Publ.*, 1998, 112 p.
2. Samodelova E.A. Soldatskii kosmos “Vasilii Terkina” (A. Tvardovskii v gody voyny: shtrikhi k portretu). “Idet voina narodnaia...” Literatura Velikoi Otechestvennoi voyny (1941–1945) [Soldier Space of “Vasily Terkin” (A. Tvardovski at War: Strokes for the Portrait). “There is a People’s War”: Literature of the Great Patriotic War (1941–1945)]. M.: *Institute of World Literature Publ.*, 2005, pp. 175–205.
3. Tvardovskii A. Vasilii Terkin. M.: *Nauka [Scholar Studies]*, 1978 (Literaturnye pamiatniki). 528 p.
4. Tvardovskii Aleksandr. “Ia v svoiu khodil ataku...”: Dnevnik. Pis'ma. [“I went on my attack ...”: Diaries. Letters] M.: *Vagrius*, 2005. 392 p.
5. Turkov A.M. Putevoditel' po “Knige pro boitsa” A. Tvardovskogo “Vasilii Terkin” [Guide to the “Book about the Fighter” “Vasily Terkin” by A. Tvardovsky]. M.: *Moscow State University Publ.*, 2012.

А.А. Иванова

УСТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ ЖИТЕЛЕЙ ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Мы пережили жисть —
такой жисти никто не пережил!
Никто не пережил!
Я не знаю, как мы целы остались.

*Кутищева Нина Георгиевна,
1931 г.р., с. Жерелёво
Куйбышевского р-на Калужской обл.*

Статья написана по полевым материалам фольклорных экспедиций МГУ, работавших на территориях, подвергшихся в годы Второй мировой войны немецкой оккупации. Воспоминания, записанные от участников и очевидцев тех событий, представляют собой личные травматические версии исторического прошлого, отличающиеся от героического grand narrative, тиражируемого в литературе, кинематографе и средствах массовой информации. При изучении подобных эго-документов с междисциплинарных позиций принципиально важно учитывать наличие в их структуре двух слоев: событийного (что случается) и ментально-чувственного (как случившееся воспринимается, переживается и оценивается). Они определяют основные стратегии меморизации исторического прошлого: эгоцентричность (выбор себя в качестве «осевого» персонажа нарратива), селективность, интерпретативность (субъективная оценка прожитого), деиерархичность (личный характер масштабирования событий), реверсивность (регулярное воспроизведение в разнообразных контекстах одного и того же набора воспоминаний). Инвариантный сценарий нарративного развертывания устных

Иванова Анна Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: bratynia@rambler.ru).

¹ Исследование выполнено при поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (грантовый проект 20/2019-И «Чтобы помнили...»: создание атласа-справочника утраченной русской топонимии Ближнего Зарубежья».

воспоминаний о жизни в оккупации, хранящийся в коллективной памяти, включает следующие темы: приход немцев; период оккупации (немцы на постое → лишения — голод, холод, отсутствие одежды и нормального жилья, принудительная работа, др. → насильственная депортация части населения в Германию → партизанское движение; карательные операции) → отступление немцев и депортация ими гражданского населения → освобождение оккупированных территорий советскими войсками или партизанами → возвращение депортированного и эвакуированного гражданского населения в родные места. Опираясь на данный культурный жизненный сценарий, нарраторы создают *свои* life stories, в которых набор тем, их последовательность, способы раскрытия, детальность прорисовки и степень достоверности могут быть различными. В мужских воспоминаниях прожитое представлено событиями, связанными казуально (линейная нарративная композиция): за образец берутся официальные жанровые формуляры (автобиография, характеристика, резюме и т.п.). Женские воспоминания строятся на ассоциациях (нелинейная гипертекстовая композиция): на первый план выходит не событийная, а эмоциональная сторона прожитого, поэтому рассказы тяготеют к фольклорным жанрам (плачам и песням). Мужские и женские мемораты отличаются и «настройками» автобиографической памяти: соответственно центрированностью воспоминаний «на себе» и «на других». Поскольку в условиях оккупации ответственность за судьбу детей и стариков легла на плечи женщин, их личные воспоминания, часто излагаемые от первого лица множественного числа, приобретают обобщенный характер и выражают коллективную точку зрения на случившееся. В меморатах, записанных от «детей войны», не способных в силу возраста осознать экзистенциальную сущность смерти, трагические события передаются с кинематографической детальностью и точностью, но в эмоциональном отношении почти нейтральны, отстраненны (эффект амнезии).

Ключевые слова: Великая Отечественная война; оккупация; устная история; культурный жизненный сценарий; автобиографический меморат; мужской текст; женский текст; детский текст.

В ситуации празднования 75-летия окончания Второй мировой войны, когда причины ее развязывания и итоги победы над фашистской Германией пытаются пересмотреть не только в политических кругах, но и в научном сообществе, особую значимость приобретает изучение устных эго-текстов — воспоминаний участников и очевидцев. В отечественной науке интерес к устной истории Великой Отечественной войны проявился относительно недавно [Человек и война, 2004; Шайде, 2004; Кринко, 2005; Память о войне, 2005; Поршнева, 2005; Реброва, 2005; Юсупова, 2005 а, 2005b, 2005c, 2005d; др.]. «Запоздание» объясняется рядом причин: предпочтением письменных документов, воспринимавшихся исследователями в качестве более объективных источников; расхождением видения и оценки

событий с позиций индивидуальной и коллективной памяти²; табуированностью ряда тем, из-за чего фольклорным экспедициям кафедры русского устного народного творчества МГУ, долгие годы работавшим на территориях, подвергшихся немецкой оккупации (Калужская, Брянская, Орловская обл.), редко удавалось вывести местных жителей на доверительную беседу (исключение составили рассказы о подвигах партизан и расправе немцев с мирными жителями, оказывавшими им посильную помощь, которые вполне укладывались в версию официального grand narrative). В качестве дополнительного — внутреннего — цензора выступала графа личного дела, фиксировавшая пребывание человека или кого-то из его родственников на оккупированной территории, поскольку это обстоятельство могло стать основанием, препятствующим продвижению по служебной лестнице (многие предпочитали не афишировать подобные факты своей биографии). И только в последние два десятилетия об оккупации немногочисленные оставшиеся в живых свидетели стали рассказывать охотно, подробно и эмоционально (внутренней цензуре по-прежнему подвержена лишь одна болезненная тема — сексуальная сторона оккупационного режима).

При изучении автобиографических рассказов следует иметь в виду наличие в их структуре двух слоев: событийного («то, что в личной жизни “случается” или “приключается”») и ментально-чувственного (как это событие переживается и воспринимается человеком) [Винокур, 2007: 24]. По совокупности они определяют основные стратегии меморизации исторического прошлого: *эгоцентричность*, *селективность*, *интерпретативность*, *деиерархичность*, *реверсивность* [Левкиевская, 2009].

Эгоцентричность предполагает выбор самого рассказчика или лица из его ближайшего окружения в качестве «осевого» персонажа, вокруг которого выстраивается нарратив [Неклюдов, 2004]. Селективность памяти позволяет преодолеть объективную континуальность и избыточность исторических событий и персонажей, и ментальная мемориальная проекция истории приобретает субъективный, дискретный и неполный характер. В устном рассказе нередко оказываются соположенными исторические события большого

² «У этих историй различные адресные аудитории и разные культурные функции. Если первая обращена к слушателю как члену малой группы, семейной или соседской, то вторая — к гражданину страны, участвовавшей и победившей в самой грандиозной и кровавой в истории человечества войне» [Кормина, Штырков, 2005]. Соответственно, в личном нарративе представлена преимущественно травматическая интерпретации (“narratives of trauma”), а в официальном («властном») grand narrative, тиражируемом в литературе, кинематографе, средствах массовой информации, — героическая.

и частного масштаба, что порождает «телескопический эффект», допускающий хронологические «сбои», при которых незначительные события отдаляются во времени, а важные — приближаются [Нуркова, 2008]. Подобная деиерархизация — следствие способности памяти аксиологически и эмоционально осмысливать прошлое, поэтому интерпретативность и реверсивность также рассматриваются историками, психологами, социологами и антропологами в качестве базовых стратегий меморизации прошлого [Реброва, 2005; Сапогова, 2005; Голубев, 2006; Нуркова 2008, 2009].

Поскольку в прожитой жизни человека соединяются социотипический и индивидуальный эмпирический жизненный опыт, устные воспоминания разных людей, разделенных пространственно, но не событийно, весьма схожи и имеют общую содержательную и поэтическую топику; см. фрагменты воспоминаний об изъятии немцами продуктов у местных жителей (а) и о «голодной кухне» (б):

а) *«О! Мы на печи сидим уже пять человек: я, Миша, Леня, Валя... Как подъехали, ага: “Матка, яйки! Матка, яйки!” Махнул рукой и ушел. Мама: “Ох, дети! Немцы приехали! Сундук! Дайте сундучок”. И этот сундучок у печку схоронила: а то ж отбьют»* (СПП — АКФ 2006, т. 1, № 587³); *«Как придут, все кричат: “Яйки! Молоко!”»* (МАЕ — АКФ 1987, т. 29, № 151); *«Бывало, ходять немцы по домам: “Матка, яйка! Матка, курка! Матка, млека!”»* (ЧТС — АКФ 2014, т. 3, № 48);

б) *«Зерна не было. Картошка осталась у поле, картошку собирали вясной, картошку эту мерзлую. Баранки из ея и лепешки пякли. Тошнотики. Мы блины там пякли и уже»* (БТИ — АКФ 2006, т. 1, № 398); *«Крапиву, ладно, ели, лебяду ели. Картошки, что под зиму остались, собирали. Собирали. Может, знаете, тошнотики называли. Бывало, босиком пойдем весною, наберем этой мерзлой картохи: мерзлые картохи они как бы превращались в крахмал. Вот мы тогда принесем, чистим шелуху эту, в ступе толкли и пекли баранки, вот эти тошнотики назывались. Вот что ели»* (РАН — АКФ 2006, т. 3, № 223); *«Ой, и клевер, и лебеду. И картошки с зимы оставались, лепешки ели. Картошка вот перешла на крахмал, все ходили, рыли, чистили, толкли в ступах и пекли кто лепешки, кто блины»* (КНГ — АКФ 2006, т. 3, № 189).

Для этих тем слова *матка, яйки, млеко; лебеда, мерзлая картошка, крахмал, осталась, пекли, лепешки, баранки, блины, тошнотики* являются ключевыми. Подобные наборы опорных лексем без труда можно выделить и для других тем. Для людей, переживших оккупацию, она была временем крайнего физического и психического напряжения, которое сопровождалось нарушением привычного

³ Ссылки на архив кафедры русского устного народного творчества (АКФ) даются с указанием года записи и места хранения.

образа жизни, неволей⁴, потерей близких⁵, здоровья, голодом⁶, холодом⁷, отсутствием элементарных жилищных и гигиенических условий⁸, а главное — страхом: «*Так мы и жили. Жили и боялись. Всё вместе выбивало из ума*» (ЛМК — АКФ 1987, т. 31, № 181); «*Не дай господь этой <войны. — Соб.>! Лучше корку сухую улодать, чем ету войну. Дуже страшно!*» (ААП — АКФ 2014, т. 3).

Лишения и испытания лежат в основе инвариантного сценария нарративного развертывания устных воспоминаний о жизни на оккупированных территориях, который хранится в коллективной памяти социумных групп разного масштаба — семейных, деревенских и др.:

1. Приход немцев.

2. Период оккупации:

а) немцы на постое;

б) лишения и способы выживания (голод, холод, отсутствие одежды и нормального жилья, принудительная работа);

⁴ «*Заставляют маму уготовить есть. Моя мама ни в какую, ни в какую! <...> нет и ўсё! Заволочила-то этого моего брата маленького на руках, держит, я-то под крылышко подбилая к маме, под подмышку. Она говорит: “Ну стреляй! Ўсё равно, может, и жить нам незачем! Может, уже батьку застрелили, убили! Вы, может, мою мужа убили, батьку моих дятей, а я вам варить буду?!” Ну, в общем, в отчаянности была*» (ЧТС — АКФ 2014, т. 3, № 48).

⁵ «*Копали и сажали там капусту. И одна женщина копала и выкопала такую красивую игрушку и кольцо. И схватилась за это кольцо: “Бабы, гляньте, во игрушку нашла!” Как взорвалась! Эта игрушка убила ее тут же. Трое детей осталось*» (КНГ — АКФ 2006, т. 3, № 151).

⁶ «*Трудно пережили. Не приведи господь! Врагу не пожелаешь войну: улод, улод, траву ели! По траву за семь километров ходили. Вы не знаете: трава называется раковые шейки? <...> Вот этот лист мы рвали, сушили, толкли и пякли. Трава и есть трава. Хорошо, у кого корова есть, молоком запить, траву ў уорло прогнать. А у нас немцы корову отняли... Ой, победствовали! Потом вот тоже лошадиный щавель сушили, пякли, толкли Свёклу терли, хлеб пякли. А какой там хлеб?!» (ЧТС — АКФ 2014, т. 3, № 48); «... для моей семьи голод был абсолютный: ни хлеба, ни картошки. Трава: щавель, свекольная ботва, немножко лебеды... Ну и было три курицы. Если два яйца снесли, это праздник» (АПА — АКФ 2006, т. 1, № 318).*

⁷ «*Хату запалили, а я детей кой-как выхватила оттуда. Тут камень на камне не остался. Выхватила! И на улице на чистом поле были! Не одеть ничего! Только одну одеялицу как девчоночку эту Ленку (еще маленькая была: полгодочка), ухватила одеяльце это. Тогда ўсех накрыла их, голых, в рубашонках. Накрыла ж!» (СПР — АКФ 1985, т. 2, № 190).*

⁸ «... *Немцы-то двинули, заехали сюда-то вот в дярвеню: ни чурочки, ни палочки, ни соломинки — чистое поле, непел один. Одни стоят печки, да трубы торчать. <...> А уже холодно: конец октября, заморозки были. <...> Конопля была посеяна. Конопля этой надёргали снопами, связали, так-то вот шалашиком поставили, конопля поставили и ночевать лягли» (ЧТС — АКФ 2014, т. 3, № 48); «*Деревни все были жженные. Только наша деревня и Мельяновичи остались. Вокружение зашли, надо ж было жить. Вкустах жили, кто в землянках, кто в повозке. А немцы еще и скот угоняли. Худо! Хоронились так: кто ў болоте, кто ў лесе, кто ў лозу, где-нибудь к воде поближе» (ДЕФ — АКФ 1987, т. 26, № 190).**

- в) насильственная депортация в Германию;
- г) партизанское движение;
- д) карательные операции.
- 3. Отступление немцев и принудительная депортация.
- 4. Освобождение.
- 5. Возвращение в родные места.

Опираясь на данный культурный жизненный сценарий (КЖС)⁹, рассказчики создают *свои* life stories, в которых набор тем, их последовательность, способы раскрытия, детальность прорисовки и степень достоверности могут быть различными. Известный психолог В.В. Нуркова полагает, что для устной истории характерны четыре оптики видения и оценки прошлого: «Ядром воспоминания *Участника* исторического события является его личный опыт. <...> *Очевидец* физически не включен в событие, однако оно свершается “на его глазах”. Пространственное и временное совпадение с историческим событием формирует абсолютную убежденность в истинности своего опыта. <...> Позиция *Современника*, т.е. человека, совпавшего с тем или иным событием во времени, но разминувшегося в пространстве <...>, является наиболее проблематичной в смысле истинности воспоминаний об общезначимом историческом событии. <...> Человек, который переживает связь с историческими событиями, имевшими место до его рождения, занимает позицию *Наследника*. В отсутствие личного опыта относительно события он выступает в качестве реципиента готовых формул — схем исторических событий. Причем если информация об отдаленных во времени событиях поступает обычно из нейтрального источника, то знания о более близких периодах черпаются также из семейных преданий» [Нуркова, 2009: 9–12]. Полевые записи из архива кафедры русского устного народного творчества МГУ вполне укладываются в эту типологию.

Прожитая жизнь обычно представлена отдельными событиями, связанными казуально или ассоциативно: в первом случае формируется линейная композиция (характерна для рассказов, записанных от мужчин), во втором — «ветвистая», гипертекстовая (к ней тяготеют женские воспоминания). Е.Е. Сапогова, специалист по этнической, гендерной и нарративной психологии, связывает эту особенность, в частности, с тем, что одно и то же событие, ассимилированное в разные в половозрастном отношении воспоминания о нем, создаёт «когерентные волны», способные развиваться по разным векторам с ориентацией на различное «предзнание» [Сапогова, 2005]. И если

⁹ КЖС — «культурная модель последовательности наиболее значимых для жизни человека событий» и способов их проживания (тексты строятся вокруг «сильных», системообразующих точек человеческого бытия) [Нуркова, Днестровская, Михайлова, 2012].

для мужчин в качестве прецедентных текстов обычно выступают официально-деловые жанровые формуляры (автобиография, личный листок по учету кадров, характеристика, резюме и т.п.), в которых последовательно причинно-зависимо обозначены главные этапы бытия (рождение — учеба — служба в армии — работа — женитьба — рождение детей и т.д.), то для женщин — фольклорные (причитания). Ср. воспоминания о казни мужчин деревни Ямное, записанные от двух свидетелей — мужчины и женщины: « [За связь с партизанами не расстреливали?] *У Ямном. Там ўсех. Женщин только оставили и кто переоделся. Два человека. Один ишшо и щас живой. Уригу загнали, бензином облили и подожгли. Машина немецкая ехала, и какой-то солдат бузанул в эту машину*» (ФПТ — АКФ 2006, т. 1, № 229); «*Немцы-то, как туда шли, были добрые, а обратно — ох, злые! Деревни ўсе были жжженные! Только наша деревня и Мельяновичи остались. В окружение зашли, надо ж было жить! В кустах жили, кто в землянках, кто в повозке. А немцы еще и скот угоняли. Худо! Хоронились так: кто ў болоте, кто ў лесе, кто ў логу, где-нибудь к воде поближе. Надо скот — скот заберут, лошади надо — лошадь заберут, надо молодежь — молодежь заберут, угонят. Насбирали у нас молодых-то, гнали бугром и порасстреляли их ўсех! Ямное — мужчин ўсех пожгли! А женщины были в ригу загнаны! А ў селе Григорьино молодежь ўсю пожгли! Буграми лежали один на другого сцепленные! Так и горели. А вот детей пустили ў баню и потравили ўсех! То еще в колодезь маленьких! А вот еще уродовали: на штык при матке ребенка и смотри, как ребенок кричит. А не смотришь, по морде: мол, подымай глаза*» (ДЕФ — АКФ 1987, т. 26, № 190). В мужской версии скупое и отстраненно обозначены узловые моменты случившего (нападение на немецкую машину, месть за погибшего солдата вермахта всем мужчинам деревни, неожиданное спасение двух из них, переодевшихся в женскую одежду), в женской — на первый план выходит эмоциональная сторона трагедии, которая вплетается в канву переживаний, вызванных другими схожими случаями.

Мужские и женские мемораты отличаются и «настройками» автобиографической памяти: центрированностью воспоминаний «на себе» или «на других». Поскольку в условиях оккупации ответственность за судьбу детей и стариков легла на плечи женщин, их личные воспоминания, часто излагаемые от первого лица множественного числа, приобретают обобщенный характер и выражают коллективную точку зрения на случившееся: «*Как немцы пришли к нам, они у нас в хате стали, а потом мы в сарай с племяншом перешли. И раз ночью стащили автомат, закопали на огороде и патроны к нему. Немцы схватились, где пистуля ихняя, искали, искали, но не нашли. Недолго пошумели и ушли в другую деревню, а через два дня к нам партизаны*

пришли. А мы еще раньше автомат перехоронили: в капусте закопали...» (МАЕ — АКФ 1987, т. 29, № 151).

Большинство исполнителей, с которыми работали фольклорные экспедиции МГУ, знающих о войне не понаслышке и рассказам родителей, а непосредственно переживших ее в качестве участников и свидетелей, на момент событий были детьми, не способными охватить и оценить «взрослый» мир войны и меру его опасности для себя [Баранова; Рыблова, 2014; Реброва, 2014]. Не понимая, что всё вокруг изменилось, в своем поведении «при немцах» они апеллировали к привычному образу жизни: *«А у нас ведь сахара — мешками он не стоял. Да и потом пожары, грабежи, полицаи там с немцами валенки ищут или еще что-то. Если там сахарку заметили, это тоже комси-комса, как они говорили: унесли. Ну, короче говоря, сладкого мы не видели. Взрослые это уж не так легко переносили, а малолетнему человеку вообще отсутствие сладкого в рационе — большая проблема»* (АПА — АКФ 2006, т. 1, № 308). Любопытство и физические потребности в еде, игре и проч. одерживали верх над страхом быть убитым: *«Везде заложено: то снаряды валялись, мины. Сколько мальчиков... Они же любопытные. Сколько их поубивало! Найдут какой-нибудь и им же интересно поглядеть. Как рванет и всё!»* (КНГ — АКФ 2006, т. 3, № 151).

В основе рассказов «детей войны» лежит зрительная и слуховая, а не когнитивная память, оттого их воспоминания с кинематографической точностью передают детали увиденного и услышанного: *«А когда стали выходить из дому, провожать, тут завопили, заулосили, запричитали. И я подхватила, проснулась. Выскочила вот в ночной рубашонке, они вот туда-то прошли. Я как дернула за ними вслед, за етым. А идуть: плач страшный, всё стоит у хате этот стон, все плачуть»* (ЧТС — АКФ 2014, т. 3, № 47); *«Пробыли мы няделю. Тихо: ни немца, ни ууку, тишина. Как у двянацать часов открылся бой — уорить зямля, небо! А мы что знаем? Только одна полятить, друуая ву-у-ухх! Потом стало чуть-чуть уудеть, как чтой-то урохонуло, как посыпались красные оуни! Ну и ляжим — уул удей-то»* (БАП — АКФ 2014). Поскольку экзистенциальная сущность смерти не осознается маленькими детьми, их воспоминания об убитых в эмоциональном отношении нейтральны, отстранены (эффект детской амнезии): *«И когда началась вся эта суматоха, бомбежка, дед мой коло окна этого кирпичного дома стриг эту мою сестру. И они как-то соединились вместе: дед мой с этой маленькой сестрой. А тут по дороге очень быстро немецкая какая-то черная легковушка и прямо над ней наш самолет. <...> самолет бросил бомбу и улетел <...>. Смотрю — у сестренки платок разорванной и череп вот здесь — во смят! И только пленочка дышает. И этим же осколком, если б дед попере-*

дил чуть вперед, мою сестру бы убило. А то этот осколок ранил мою сестру, того деда, вот этого Степана, прямо в грудь этот же осколок! И этот прибеж, а висел в доме рукобойничек чугунный с двумя носиками, вот нагнешь — из носика вода течет. И он умылся, говорит: “Свят, меня, наверное, ранило”. Вот. И он потянулся за полотенцем, хотел взять — и уже сел. Посмотрели, а он уже помёр. Через стену — дом деревянный был — через стену убило осколком деда за столом. Ну это ж война, на кого тут судить?!” (ЧГН — АКФ 2006, т. 5, № 31); «Мать держит за поводок корову, подходит немец отбирать корову. Мать не даёт. Он начал ее бить. Мать не отдаёт. Корова начала топтаться. Потоптала ей ноги, всё вот. Он выкручивает с винтовки шомпол и начинает шомполом бить матерю по спине — мать опять не отдала. Снимает, только не вытащишь этом, острым, а с ремня снимает кинжал с этом, с чехлом, матери пробил здесь вот, тупым этом концом, руку. Мать опять не отдала. Он начал драть с ей одежду всю, да. Мать опять не отдала...» (АПА — АКФ 2006, т. 1, № 309).

Особенности детской оптики особенно заметны в рассказах о контактах с немецкими солдатами, сочувствовавшими местному населению. Обобщенный образ немца как *другого, чужого, чудного, плохого*, сформированный в фольклоре и литературе [Белова, 2005; Папилова, 2013] и активно тиражируемый во время войны в средствах массовой информации, в воспоминаниях «детей войны» расслаивается, обретает не только конкретность, но и более широкий спектр оценок: «Унемцев своё ўсё было. Уних хорошо было. И конфеты. Уних конфеты вот такие пачки. Помню: стоим мы с кумом коло порожка, а немец Юзик хороший был. Вот и немцы ж хорошие бывают! Стоим мы, глядим вот так-то. А он глядел-глядел на нас и несёт нам: хлебушка помазал маслом. Иише и по пачке конфет дал. Вот такие пачки. И ў пачке десять кругленьких конфет, как таблетки. И вот ён поднес, а я говорю: “Спасибо!” Мы и пошли домой. “Ма, погляди, нам немец”. Немец хороший был. Я всё время вспоминаю: “Чи живой ты?” Всё молила Богу, чтоб живой остался» (СПП — АКФ 2006, т. 1, № 587); «И немцы разные тоже, как наши. Бывают добрые, бывают злые. Первые вот у нас хорошие были. Детей жалели, шоколаду давали. Говорили: “Если бы, комрад, домой, домой”. Потом уж злые были» (ДЕФ — АКФ 1987, т. 26, № 190); «В общем, я не сказал бы, что немцы плохие вот <...>. А так они были уважительные. А вот были финны, румыны и венгры — эти беспощадно грабили народ. Все, что было у жителей (какие куры, какие гуси там или какой скот), прямо убивали и уносили. <...> финны шли — это плохие, а немцы лучше» (ЧГН — АКФ 2006, т. 5, № 31); «... нам, когда предложили эвакуироваться, немец пришел один и говорить (хороший, вроде, добрый был): “Матка (на маму), ты киндерков и во <показывает пальцами рога коровы. — Соб.> ў лес,

ўлес. Пан... Наш пан боится партизан". И мы ушли. <...> Там землянки сабе повырыли и жили» (ГНА — АКФ 2014, т. 1, № 3).

В заключение отмечу, что прямые личностно окрашенные устные свидетельства о войне, порой расходящиеся в оценках с ее официальными версиями, как «уходящая натура» требуют пристального изучения филологов, этнографов, историков, социологов и психологов.

Исполнители:

ААП — Алешкина Анна Петровна, 1925 г.р., пос. Черновский Шаблыкинского р-на Орловской обл.; АПА — Антонов Павел Афанасьевич, 1931 г.р., с. Жерелево Куйбышевского р-на Калужской обл.; БТИ — Башановак Татьяна Ивановна, 1918 г.р., д. Дегирёво Куйбышевского р-на Калужской обл.; ГНА — Голубева Нина Ффанасьевна, 1933 г.р., с. Сомово Шаблыкинского р-на Орловской обл.; ДЕФ — Дранкова Евдокия Фоминична, д. Рубеженка Куйбышевского р-на Калужской обл.; КНГ — Кутищева Нина Георгиевна, 1931 г.р., с. Жерелёво Куйбышевского р-на Калужской обл.; ЛМК — Лобачева Мария Климовна, 1900 г.р., д. Бестань Куйбышевского р-на Калужской обл.; МАЕ — Максимова Арина Егоровна, 1908 г.р., д. Белашовка Куйбышевского р-на Калужской обл.; РАН — Рубченкова Александра Никифоровна, 1934 г.р., д. Петроселье Куйбышевского р-на Калужской обл.; СПП — Сазоновой Прасковьи Петровны, 1930 г.р., с. Закрутое Куйбышевского р-на Калужской обл.; ФПТ — Феденков Павел Терентьевич, 1928 г.р., д. Жёлны Куйбышевского р-на Калужской обл.; ЧТС — Чигазова Татьяна Степановна, 1937 г.р., д. Рядовичи Шаблыкинского р-на Орловской обл.

Список литературы

1. Баранова В.В. «Детский взгляд» в воспоминаниях о войне: особенности автобиографического нарратива. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/baranova4.htm> (дата обращения: 09.01.2020).
2. Белова О.В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005.
3. Винокур Г.О. Биография и культура. 2-е изд. М., 2007.
4. Голубев А.В. Нарративная стратегия в биографическом рассказе // Устная история в Карелии. Вып. 1. Петрозаводск, 2006. С. 11–16.
5. Кормина Ж., Штырков С. Никто не забыт, ничто не забыто. История оккупации в устных свидетельствах // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/nikto-ne-zabyt-nichto-ne-zabyto-istoriya-okkupaczii-v-ustnyh-svidetelstvah.html> (дата обращения: 30.01.2020).

6. *Кринко Е.Ф.* Оккупанты и население в годы Великой Отечественной войны: проблема взаимовосприятия // Военно-историческая антропология: ежегодник, 2003/2004. М., 2005. С. 329–344.
7. *Левкиевская Е.Е.* Членение исторического времени в устной культуре восточных славян XX века // Знаки времени в славянской культуре: от барокко до авангарда. М., 2009. С. 159–178.
8. *Неклюдов С.Ю.* «Сценарные схемы» жизни и повествования // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 2. М., 2004. С. 26–36.
9. *Нуркова В.В.* Доверчивая память: Как информация включается в систему автобиографических знаний // Когнитивные исследования. М., 2008. С. 87–102.
10. *Нуркова В.В.* История как личный опыт // Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. С. 5–27.
11. *Нуркова В.В., Днестровская М.В., Михайлова К.С.* Культурный жизненный сценарий как динамическая семантическая структура (ре)организации индивидуального жизненного опыта // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2012. Т. 5. № 25. [Электронный ресурс]. URL: psystudy.ru/index.php/num/2012v5n25/734-nourkova25.html (дата обращения: 30.01.2020).
12. Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа. М., 2005.
13. *Папилова Е.В.* Художественная имагология: немцы глазами русских (на материале литературы XIX в.): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013.
14. *Поршнева О.С.* Феномен исторической памяти о войне // Уральский вестник международных исследований. Екатеринбург, 2005. Вып. 4. С. 112–119.
15. *Реброва И.В.* Великая Отечественная война в мемуарах: историко-психологический анализ. На материалах Краснодарского края: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005.
16. *Реброва И.В.* Мир детской повседневности в условиях оккупации Северного Кавказа // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2014. № 2 (25). С. 80–89.
17. *Рыблова М.А.* «Территория детства» в пространстве Великой Отечественной войны // Вестник Волгоградского ГУ. Серия 4. История. 2014. № 4 (28). С. 37–50.
18. *Сапогова Е.Е.* Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2005. № 2. С. 63–74.
19. Человек и война: страницы военной истории России. Петрозаводск, 2005.
20. *Шайде К.* Коллективные и индивидуальные модели памяти о «Великой Отечественной войне» (1941–1945 гг.) // Ab Imperio. 2004. № 3. С. 1–26.
21. *Юсупова Л.Н.* Великая Отечественная война в Карелии в историко-антропологическом измерении: феномен военного детства // Человек и война: Страницы военной истории России. Петрозаводск, 2005. С. 24–33.

22. Юсупова Л.Н. Военное детство в памяти поколения, пережившего оккупацию в Карелии // Военно-историческая антропология: ежегодник, 2003/2004. М., 2005. С. 345–351.
23. Юсупова Л.Н. Мир крестьянского детства в период Великой Отечественной войны в Карелии: опыт интерпретации устных воспоминаний // Народ и власть: Исторические источники и методы исследования: Материалы XVI научной конференции. М., 2004. С. 386–389.
24. Юсупова Л.Н. Образ матери в воспоминаниях крестьянских детей о Великой Отечественной войне // Великая Отечественная война 1941–1945: опыт изучения и преподавания: Межвузовская научная конференция. М., 2005. С. 91–96.

Anna Ivanova

REMINISCENCES OF THE GREAT PATRIOTIC WAR BY RESIDENTS OF OCCUPIED TERRITORIES

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article draws on folklore expeditions field work by Lomonosov Moscow State University students in the Russian territories that used to be occupied by Nazis during WWII. Eyewitnesses of the events share their vision of the wartime past which is different from the heroic grand narrative encountered in literature, cinema, and media. Studying this sort of ego-documents from an interdisciplinary perspective presupposes taking into account two structural layers: the event layer (what happens) and the mental-sensory layer (how the event is perceived, experienced, and evaluated). These define the main strategies for memorizing the historical past: egocentricity (choosing yourself as the “axis” character of the narrative), selectivity (selection of events that are significant and subject to storage in time), interpretativeness (subjective assessment of the past), non-ierarchic (personal character of events scaling), reversibility (regular reproduction in various contexts of the same set of memories). The narrative deployment invariant scenario of oral memories of life in occupation, stored in the collective memory, includes the following topics: the arrival of Nazis; the period of occupation (hardships — hunger, cold, lack of clothing and adequate housing, forced labor, etc. → forced deportation of the population to Germany → guerrilla movement; punitive operations) → the retreat of the Nazis and deportation of civil population in order to protect themselves from regular Soviet troops and partisans → liberation of the occupied territories by Soviet troops or partisans → the return of the deported and evacuated civilians to their homes. Drawing on this cultural life scenario, narrators create their own life stories which can vary in terms of how themes are set, how they follow each other, and how they are disclosed, depicted, and authenticated. In men’s memories, the past is represented by events related casually (linear narrative composition): official documentary genre forms (autobiography, characteristics,

summary, etc.) are taken as a model. Women's memories are based on associations (non-linear hypertext composition): the emotional side of life comes to the fore, not the event side, and the stories tend to look like folk genre forms (lamentations and songs). The male and female narrators differ in the way how they set their autobiographical memories — men produce self-centered memories, while women focus on others. Since it is women who were to care about children and elderly people in the occupation, their personal recollections are often expressed with the use of first person plural pronoun, which takes on a generalized character, expressing a collective point of view on what happened. The 'war children' surveyed were not able to understand the existential essence of death due to their age, yet they depict the tragic events with cinematic detail and accuracy, but in an emotional sense they are almost neutral and detached (psychologists call this feature of the child's psyche the effect of amnesia).

Key words: Great Patriotic War; occupation; oral history; cultural life scenario; autobiographical memoir; men's text; women's text; children's text.

About the author: *Anna Ivanova* — PhD, Associate Professor, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: bratynia@rambler.ru).

References

1. Baranova V.V. "Detskij vzglyad" v vospominaniyah o vojne: osobennosti avtobiograficheskogo narrativa ["Children's View" in Memories of War: features of Autobiographical Narrative]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/baranova4.htm> (accessed: 09.01.2020). (In Russ.)
2. Belova O.V. *Etnokulturnye stereotipy v slavyanskoj narodnoj tradicii* [Ethnocultural Stereotypes in Slavic Folk Tradition]. Moscow, *Indrik Publ*, 2005. 288 p. (In Russ.)
3. Vinokur G.O. *Biografiya i kultura* [Biography and Culture]. 2-e izd. Moscow, *URSS Publ*, 2007. 96 p. (In Russ.)
4. Golubev A.V. Narrativnaya strategiya v biograficheskom rasskaze [Narrative strategy in a biographical story]. *Ustnaya istoriya v Karelii*. Vyp. 1. Petrozavodsk, *Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2006, pp. 11–16. (In Russ.)
5. Kormina Zh., Shtyrkov S. Nikto ne zabyt, ничто не забыто. Istoriya okkupacii v ustnyh svidetelstvakh [No One is Forgotten, Nothing is Forgotten. History of Occupation in Oral Evidence]. *Neprikosnovennyj zapis*. 2005. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/nikto-ne-zabyt-nichto-ne-zabyto-istoriya-okkupaczii-v-ustnyh-svidetelstvakh.html> (accessed: 30.01.20). (In Russ.)
6. Krinko E.F. Okkupanty i naselenie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: problema vzaimovospriyatiya [Occupants and Population during the Great Patriotic War: the Problem of Mutual Perception]. *Voenno-istoricheskaya antropologiya: ezhegodnik*, 2003/2004. Moscow, *Rossiyskaya politicheskaya enciklopediya*, 2005, pp. 329–344. (In Russ.)

7. Levkievskaya E.E. Chlenenie istoricheskogo vremeni v ustnoj kulture vostochnykh slavyan XX veka [The Division of Historical Time in Oral Culture of Eastern Slavs of XX cent.]. *Znaki vremeni v slavyanskoj kulture: ot barokko do avangarda*. Moscow, *Izdatel'stvo Instituta slavyanovedeniya RAN*, 2009, pp. 159–178. (In Russ.)
8. Neklyudov S.Y. “Scenarnye shemy” zhizni i povestvovaniya [“Scenario Diagrams” of Life and Storytelling]. *Russkaya antropologicheskaya shkola. Trudy*. Vyp. 2. Moscow, *Izdatel'stvo Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 2004, pp. 26–36. (In Russ.)
9. Nurkova V.V. Doverchivaya pamyat: Kak informaciya vključaetsya v sistemu avtobiograficheskikh znaniy [Trusting Memory: How Information is Included in the System of Autobiographical Knowledge]. *Kognitivnye issledovaniya*. Moscow, *Gnozis Publ*, 2008, pp. 87–102. (In Russ.)
10. Nurkova V.V. Istoriya kak lichnyj opyt [History as Personal Experience]. *Istoricheskaya psihologiya i sociologiya istorii* [Historical Psychology & Sociology]. 2009, № 1, pp. 5–27. (In Russ.)
11. Nurkova V.V., Dnestrovskaya M.V., Mihajlova K.S. Kulturnyj zhiznennyj scenarij kak dinamičeskaya semantičeskaya struktura (re)organizacii individualnogo zhiznennogo opyta [Cultural Life Scenario as Dynamic Semantic Structure of individual life experience organization]. *Psihologičeskie issledovaniya: elektron. nauch. zhurn*. 2012. T. 5. № 25. URL: psystudy.ru/index.php/num/2012v5n25/734-nourkova25.html (accessed: 30.01.20). (In Russ.)
12. *Pamyat o vojne 60 let spustya. Rossiya, Germaniya, Evropa* [Memory of the War 60 Years Later. Russia, Germany, Europe]. Moscow, *New literary review*, 2005. 784 p. (In Russ.)
13. Papilova E.V. Hudozhestvennaya imagologiya: nemcy glazami russkikh (na materiale literatury XIX v.) [Artistic Imagology: the Germans through the Eyes of Russians (Based on the Material of the XIX cent. Literature)]. Avtoref. Diss. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2013. (In Russ.)
14. Porshneva O.S. Fenomen istoričeskoj pamyati o vojne [The Phenomenon of Historical Memory of War]. *Uralskij vestnik mezhdunarodnykh issledovanij* [Ural Journal of International Studies]. Ekaterinburg, 2005, vyp. 4, pp. 112–119. (In Russ.)
15. Rebrova I.V. Velikaya Otechestvennaya vojna v memuarah: istoriko-psihologičeskij analiz. Na materialah Krasnodarskogo kraja [The Great Patriotic War in Memoirs: Historical and Psychological Analysis]. Avtoref. Diss. ... kand. istoričeskikh nauk. Krasnodar, 2005. (In Russ.)
16. Rebrova I.V. Mir detskogo povsednevnosti v uslovijah okkupacii Severnogo Kavkaza [The World of Children Everyday Life under the Occupation of the North Caucasus]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm University]. Seriya: Istoriya. 2014, № 2 (25), pp. 80–89. (In Russ.)
17. Ryblova M.A. “Territoriya detstva” v prostranstve Velikoj Otechestvennoj vojny [“Territory of Childhood” in the Space of the Great Patriotic War]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State University]. Seriya 4. Istoriya. 2014, № 4 (28), pp. 37–50. (In Russ.)

18. Sapogova E.E. Avtobiograficheskiy narrativ v kontekste kulturno-istoricheskoy psihologii [Autobiographical Narrative in the Context of Cultural and Historical Psychology]. *Kulturno-istoricheskaya psihologiya* [Cultural and Historical Philology]. 2005, № 2, pp. 63–74. (In Russ.)
19. *Chelovek i vojna: Stranicy voennoj istorii Rossii* [Man and War: Pages of Russian Military History]. Petrozavodsk, *Izdatel'stvo Karel'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2005. 100 p. (In Russ.)
20. Shajde K. Kollektivnye i individualnye modeli pamyati o «Velikoj Otechestvennoj vojne» (1941–1945 gg.) [Collective and Individual Models of Memory of the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Ab Imperio*. 2004, № 3, pp. 1–26. (In Russ.)
21. Yusupova L.N. Velikaya Otechestvennaya vojna v Karelii v istoriko-antropologicheskom izmerenii: fenomen voennogo detstva [The Great Patriotic War in Karelia in the Historical and Anthropological Dimension: the Phenomenon of Military Childhood]. *Chelovek i vojna: Stranicy voennoj istorii Rossii*. Petrozavodsk, *Izdatel'stvo Karel'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2005, pp. 24–33. (In Russ.)
22. Yusupova L.N. Voennoe detstvo v pamyati pokoleniya, perezhivshego okkupaciyu v Karelii [Military Childhood in the Memory of the Generation that Survived the Occupation in Karelia]. *Voennno-istoricheskaya antropologiya: ezhegodnik*, 2003 / 2004. Moscow, *ROSSPEN Publ*, 2005, pp. 345–351. (In Russ.)
23. Yusupova L.N. Mir krestyanskogo detstva v period Velikoj Otechestvennoj vojny v Karelii: opyt interpretacii ustnyh vospominanij [The World of Peasant Childhood during the Great Patriotic War in Karelia: Experience in Interpreting Oral Memories]. *Narod i vlast: Istoricheskie istochniki i metody issledovaniya: Materialy XVI nauchnoj konferencii*. Moscow, *Izdatel'stvo Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 2004, pp. 386–389. (In Russ.)
24. Yusupova L.N. Obraz materi v vospominaniyah krestyanskih detej o Velikoj Otechestvennoj vojne [The Image of Mother in the Memories of Peasant Children about WW II]. *Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945: opyt izucheniya i prepodavaniya: Mezhvuzovskaya nauchnaya konferenciya*. Moscow, *Izdatel'stvo Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 2005, pp. 91–96. (In Russ.)

О.С. Октябрьская

**ПОЭЗИЯ А.Л. БАРТО И Е.А. БЛАГИНИНОЙ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ:
ТИПОЛОГИЯ ОСНОВНЫХ МОТИВОВ И ОБРАЗОВ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье исследована реализация военной тематики в поэзии А.Л. Барто и Е.А. Благиной, адресованной детской аудитории. Выявляется специфика как адресата, так и творческого почерка поэтесс. Проводится сопоставление «военной» поэзии Барто и Благиной с их довоенным творчеством, анализируются индивидуальные особенности каждого автора. Изучена полифункциональность творчества поэтесс, чьи произведения выполняют эстетическую, воспитательную и познавательную функции. Выявлены основные образы лирики Барто и Благиной, которые становятся центральными в жизни каждого человека, — мать, отец, ребенок — с учетом гендерной специфики. Каждый из них содержит как архетипическую составляющую, так и свойственное для той эпохи вполне реалистическое начало. Проанализировано своеобразие детского микрокосмоса, представленного в произведениях, своеобразие и маркированность основных образов. Исторический контекст и реалистическая составляющая лирики Барто и Благиной воспроизведены в большей степени через мифологическую призму, включающую элементы как античного мифа, так и фольклорного былевого эпоса. В статье выявлены основные особенности мотивной структуры поэтических произведений о Великой Отечественной войне Барто и Благиной, которая включает главные мотивы русской литературы и фольклора — материнской заботы, отцовской защиты, дочернего и сыновнего долга, долготерпения и страдания, ожидания победы и приближения ее, героического труда и т.д., но при этом сохраняет авторские индивидуальные черты.

Ключевые слова: детская литература; поэзия о Великой Отечественной войне; образ ребенка; Е.А. Благина; А.Л. Барто; образ матери; Мать-Отчизна; отец-защитник; заботливая мать; герой-мальчишка; дочь-помощница; героическое.

Тема Великой Отечественной войны в литературе — знаковая и значимая для нашего национального сознания; разные аспекты этого

явления анализируются в многочисленных работах [Аннинский, 2005, Макарова, 1998, Герасимова, 2008].

Особенно драматично эта тема звучит в женской поэзии, особенно в лирике, адресованной детям. Женщина несет жизнь и символизирует любовь, дом, семью, а война — гибель всему живому. Два детских поэта, две женщины, две матери — Агния Барто и Елена Благинина — не могут пройти мимо тех трагических событий, которые разворачивались на их Родине в первой половине 1940-х годов, но делают это каждая в своей индивидуальной манере.

И Барто, и Благинина (практически ровесницы) заявили о себе в 1920-х, но активно начали писать для детей в 1930-х годах. К началу Великой Отечественной войны обе были уже известны и любимы, но каждая выступила со своими уникальными поэтическими установками. Барто заявила о себе как продолжатель авангардных поисков Маяковского и закладывала новые традиции детской социально-дидактической поэзии. Ее главный герой — исследователь и деятель, который воплощает в себе жажду жизни и погруженность в современные проблемы и реалии. Героини Благининой — созерцатели и философы, удивляющиеся «обыкновенному чуду» природы, размышляющие о красоте и счастье. Поэт создает архетипические образы бабушки-заботы, матери — хранительницы семьи, дочери-хлопотуньи и рукодельницы и т.д. Благининой важно воплотить именно архетип, приспособив его к решению современных проблем.

Барто в довоенной поэзии обращается к современным событиям и типизирует их, как и героев, которых она погружает в атмосферу учебы, игры, общественных мероприятий и детских развлечений.

Поэзия Благининой изначально ориентирована на фольклорную поэтизацию мира. Приход весны, цветение деревьев, даже обычный сбор грибов или ягод составляют здесь эмоциональный сюжет. Счастливый ребенок — герой в поэзии этого автора; такой герой не вписан в какую-либо общественную среду, он самодостаточен и упоен своим счастьем, способен получать радость от малого.

Великая Отечественная война вносит существенные коррективы и в тематику, и в структуру поэтических произведений, и в мотивную организацию поэзии Барто и Благининой. Изменения затрагивают прежде всего образную систему стихотворений, которая становится более узкой и архетипичной. На первый план выходит образ матери, и он становится многозначным. Поэты опираются на практически весь спектр смыслов этого образа: мать-забота о детях, женщина, сама нуждающаяся в заботе выросших детей, Родина-мать, прародительница рода и т.д. (об архетипической основе этих смыслов см.:

[Потебня, 1989; Веселовский, 1989; Мелетинский, 1994; Элиаде, 1998; Доманский, 2001; Большакова, 2001] и др.)

Барто и Благинина интерпретируют образ матери самобытно и оригинально. Для Благиной такой образ органичен, а Барто в довоенном творчестве реже обращалась к его воплощению. И в поэзии периода Великой Отечественной войны образ матери реализован обеими поэтессами по-разному. В лирике Барто мать — прежде всего заботящаяся о детях, она переживает о взрослом ребенке, сражающемся за Родину: «Жив ли он? // Скажите прямо!» [Барто, 1999: Письмо старшему брату: 246]. Она, вырастившая детей, сама оказывается беззащитной перед новыми проблемами, но не беспомощной. Любовь к детям делают мать заложницей обстоятельств, единственное, что она может, — терпеливо ждать вестей с фронта от мужа и детей. Так реализуется извечный мотив женского долготерпения и страдания, известный еще со времен Радищева, Пушкина и Некрасова. Сама мать редко появляется на сцене, и автор лишь упоминает о ней, работающей на заводе, напряженно ожидающей вестей от детей или появляющейся в воспоминаниях детей: «Она звала меня / Сыном / И теплым, / Клетчатым платком / Любила укрывать. / Мне не забыть, / Как мать вели, / Я слышал крик ее / Вдали...» [Барто, 1999: Мне не забыть: 257].

У Благиной этот образ всегда был одним из центральных, но в поэзии времен войны несколько уступает остальным, при этом оставаясь очень важным. Как и Барто, Благинина отдает часть полномочий и обязанностей матери ее детям. Но Барто важно показать самостоятельность и ответственность подросших детей, которые не просто берут на себя труд воспитывать младших в доме, хлопотать по хозяйству, но и ответственность за семью в целом («Мать говорит: / — Он хозяин теперь») [Барто, 1999: Никита: 273]. Благинина, напротив, сосредотачивается именно на воплощении образа матери, которая, хоть и делится некоторыми обязанностями с детьми, но остается великой труженицей, продолжает и воспитывать детей, и выполнять домашние обязанности, и выходит из дома, пространством которого по преимуществу была ограничена ранее, в довоенной поэзии. Она тяжело переживает горе от гибели сына на фронте, но сублимирует его в работе, так как ее задача — не только отвлечься от переживаний, но и продолжить дело, за которое боролся сын: «Я работаю за четверых, / Не жалею силы, / Лишь бы только ворогов лихих / Довести до могилы!» [Благинина, 1997: Сына проводила на войну: 105]. Мать у Благиной воплощает в своем образе черты прародительницы и Заступницы не только за сына, но и за семью, страну, других женщин-матерей: «Чтобы всех на свете матерей / От муки избавить!» [Благинина, 1997: Сына проводила на войну: 105]. Она защищает, помогает и берет на себя всю боль и страдания всех

матерей вместе и каждой в отдельности вне зависимости от национальной и государственной принадлежности, и тем самым сопрягает в себе Богородичные черты, спасая мир в целом.

Своеобразным инвариантом образа матери становится образ Родины-матери или Матери-Отчизны, которые прописаны в поэзии Благиной четко. Если биологическая мать способна воспитать сына, проводить его на бой, оплакать тяжелую долю, то Мать-Отчизна благословляет на защиту всей страны: «Оберегай меня — свою Отчизну, / Страну свою!» [Благинина, 1997: Две матери: 104], но и сама помогает ему, а потом бережно хранит не только вечную память о нем, но и подводит сына «к порогу скромной славы» [Благинина, 1997: Две матери: 104]. Образ Родины в поэзии Благиной неоднозначен. Это пространственная локация, которая более соотносена с образом огромной страны в довоенной поэзии, и одновременно малая Родина, нуждающаяся в защите даже тогда, когда она не оккупирована врагом. Брат героини стихотворения «На печке» воюет не только «в море», «на линкоре» [Благинина, 1997: На печке: 114], но защищает свою семью и сражается «за Родину свою, / За наш колхоз, за речку, / За вербу у плетня, / За дом, за эту печку, / За маму, за меня...» [Благинина, 1997: На печке: 114]. Таким образом, в представлении маленькой героини абстрактный и малопонятный ей фронт наполняется конкретным и знакомым содержанием, а огневой рубеж вплотную подходит к дому, плетню и даже печке.

Взаимоотношения *мать-сын* в интерпретации Благиной становятся амбивалентными: и взаимонаправленными, и взаимонеобходимыми. Во многом они соответствуют архетипической основе, а поэт выходит на вневременной и общечеловеческий уровень, хотя и оригинально развивает такие отношения в каждом конкретном случае. Так, ситуация войны заставляет сына и мать поменяться ролями — уже не сын продолжает дело родителей и заменяет их после ухода, а мать встает за станок сына, сохраняя память о нем и реализуя то, что не успел сделать он («Сына проводила на войну»). Характерно, что взаимоотношения *сын-мать* не так явно интересуют Благинину в мирной поэзии, но ярко прописаны в поэзии военных лет, когда максимально остро обострились все межличностные отношения и на первый план выходит все самое существенное.

Образ отца для обеих поэтесс становится тоже важным, но несколько периферийным, хотя и во многом идеализированным. Герой такого типа редко появляется на сцене, но о нем помнят все, за него переживают близкие и ждут его с победой домой. Он сражается с врагом, он на фронте: этим обусловлено его отсутствие в художественном пространстве стихотворения, ограниченном конкретным тыловым локусом. Присутствие отца в произведении строго дозировано — он является ребенку во снах или мечтах.

Сыновья берут пример с отца и тоже мечтают не просто оказаться на фронте, но сражаться с врагом. Романтичным оказывается не сам факт появления ребенка на войне, но одоление противника: «Сел бы я в кабину тесную / И за Родину свою — / За просторную, чудесную, / Отличился бы в бою» [Благинина, 1997: Хорошо бы...: 111]. Образ отца тесно связан с мотивом возвращения и победы над врагом, поэтому мечта ребенка увидеть отца спроецирована на желание скорейшей победы и возвращения к прежней мирной жизни. При этом роль отца-победителя весьма значительна. Он не только способен принести победу, но и освободить героиню, ее семью, весь мир от тьмы, страха и горя: «Он вошел и поднял штору, / Затемнение снял с окна. / Освещен огнями город, / Вся Москва огней полна» [Барто, 1999: Сон: 249]. Противопоставление знаковых понятий *свет* / *тьма* происходит на мифопоэтическом уровне. Отцы героев, сражающиеся на фронте, способны вернуть свет и принести его всему миру, навсегда изгнав тьму, которая ассоциируется с неприятелем-захватчиком, самой ситуацией войны (своеобразная реализация мифа о Прометее). Мотив победы над врагом и образ солдата-освободителя в поэзии Барто и Благиной берет начало как в античной мифологии, былинах, так и в литературной традиции романтизации защитника и демонизации врага.

Однако основным объектом изображения становится ребенок. При этом оба автора выбирают преимущественно младший школьный и подростковый возраст, что характерно для лирики Барто, но не совсем привычно для поэзии Благиной. Каждая из поэтесс воплощает этот образ по-своему, но обе художницы используют гендерный принцип типизации персонажа. В образе мальчишки у Благиной реализованы типы маленького мечтателя, готового сразиться с врагом и победить его («Хорошо бы...», «Папе на фронт») либо уже выросшего солдата-защитника, сражающегося за Родину и готового отдать жизнь за семью и страну («Две матери», «Сына проводила на войну», «На печке»). Поэт, традиционно обращающийся к девичьей психологии, лишь намечает мальчишеские образы. Они интересны Благиной как несколько оттеняющие девчоночий тип или как близкие ему. Так, извечная мальчишеская тяга к исследованию заставляет героя стихотворения «Лестница, которая никуда не ведет» не просто забраться на странную лестницу разрушенного дома, но и ощутить трагизм военного времени, сосредоточенный в неестественной и непривычной картине: «Гляжу вверх — там только тучи, / Направо — там обвал стены, / Внизу — песка и щебня кучи» [Благинина, 1997: Лестница, которая никуда не ведет: 110]. И только небольшая пауза позволяет герою не просто охватить взглядом привычное пространство с необычного ракурса, но осмыслить

произошедшее и ужаснуться ему: «Мой город подо мной! Без крыш!» [Благинина, 1997: Лестница, которая никуда не ведет: 110]. Герой-деятель превращается в мыслителя, а исследование воспринимается драматически, о чем свидетельствуют парцелляция и риторические восклицания. Такое же осмысление современной действительности характерно для героев стихотворения «Одинокие печки». Тут нет уже гендерного маркирования персонажей — автор сосредоточен на другом — детский недолгий жизненный опыт позволяет сопоставить нынешнее время и мирное прошлое на эмоционально-интуитивном уровне. Общий внешний антураж в обоих временных отрезках схож: лютый холод, вьюга-злючка и т.д. Но в прошлом ему есть альтернатива — «... Затоплены печки <...> Приплясывают огоньки <...> И печки, теплом налитые, / Наш сонный уют стерегут» [Благинина, 1997: Одинокие печки: 107], а в настоящем разруха и пронизывающий холод, физический и духовный: «Ни крыши, ни стен, ни крылечек, / Ни даже деревьев в саду! / Лишь кафельных несколько печек / На лютном стоит холоду...» [Благинина, 1997: Одинокие печки: 106]. Детское сознание интуитивно выделяет значимые образы-символы.

Мальчишка-герой более привычен для Барто. Это герой-деятель, который прежде всего социально ориентирован; он не просто рвется помочь взрослому, но жаждет быть необходимым в приближении победы. Герой поэзии Барто о войне — юный рабочий, стоящий за станком несколько смен подряд, или ученик, который быстрее мечтает освоить рабочую профессию, чтобы приблизить победу. Герой поэзии Барто существенно повзрослел: это вполне сознательная личность, он практически совершает подвиг, вставая в рабочий строй наряду с теми, кто воюет на фронте. Однако Барто не может и лишить своих героев сугубо детских черт и поступков, чем еще больше подчеркивает не только героическое начало в своих персонажах, но и неестественность подобного рода испытаний. В ряде мизансцен проявляется характер героя, раскрываются его переживания и тревоги. Герой поэзии Барто не всегда сразу могут определиться с конкретной специальностью и наконец выбрать самую важную для них (сталевара); мечтает об ученике-подмастерье, который стал бы другом, но в качестве ученика получает вредную «старуху / с нашего двора» [Барто, 1999: Мой ученик: 263], к которой когда-то «мячом / попал в окно» [Барто, 1999: Мой ученик: 263], и первая реакция подростка — страх разоблачения за выбитое когда-то окно. Барто показывает, как непросто эмоциональному ребенку понять изменившуюся ситуацию и привыкнуть к ней («Мой ученик»). Поэт прямо противопоставляет поступки персонажей, которые во многом не только зрелые, но и героические, и эмоциональный строй, остающийся мальчишеским, детским. Так, герой стихотворения «Попадет мне или нет?» скорее

готов расценить вызов в кабинет директора как наказание, чем поверить в то, что награжден медалью «за отличие трудовое» [Барто, 1999: Попадет мне или нет; 262]. Маленькие герои Барто прошли через многие испытания, в числе которых — смерть близких: «Мне не забыть, / как мать вели <...> Братишка был / ещё живой <...> Штыком / Фашистский часовой / Столкнул его / С крыльца» [Барто, 1999: Мне не забыть; 257], однако поэт не показывает озлобленного ребенка, одержимого мстостью к врагу. Персонаж Барто патриотичен, серьезен, гордится своим выбором и героически трудится за станком, но и сохраняет обаяние и трогательность детства.

Образ девочки в лирике обеих поэтесс тоже становится одним из центральных, хотя, к примеру, в довоенной поэзии Барто он больше периферийный. В лирике, посвященной войне, героиня Барто изначально меняется. Поэту важно показать, как меняется настроение и состояние ребенка в новых условиях: «Глаза девчонки семилетней, / Как два померкших огонька...» [Барто, 1999: В дни войны; 245], и сравнивает это с тем, что противоположно самой природе детства — со старением: «Как будто ей не семь, не восемь, / А много, много горьких лет» [Барто, 1999: В дни войны; 245]. Действительно, резкое взросление практически всех персонажей-детей наглядно показано в поэзии и Барто, и Благининой, поэтому именно маленькая героиня Барто способна взять на себя необычайно важные обязанности — она становится второй матерью для младшего, а то и старшего брата, помогает во всем маме, даже оберегает ее от возможных неприятных новостей с фронта. Поэт делает именно ее хранителем домашнего очага и позволяет самореализоваться и в других сферах — на заводе, у станка («Спросил я у товарищей...», «Настя» и т.д.), в заводской столовой («Никита») и даже на фронте. Барто явно романтизирует этот тип персонажа — по сути каждая героиня совершает подвиг, хотя бы тем, что преодолевает себя, свой детский эгоцентризм и выполняет то, что в конкретный момент наиболее важно для всех, а порой сражается на пределе человеческих возможностей: «В марте, первого числа, / Молодая санитарка / Двадцать раненых спасла» [Барто, 1999: Наташа; 250]. Примечательно, что прототипом одной из героинь стала Зоя Космодемьянская. Барто в стихотворении «Партизанке Тани (Ученице десятого класса)» сосредоточена не на самом поступке Тани-Зои, а на страданиях, которые претерпевает подросток. Женщина-поэт по-матерински горюет о судьбе героини и гордится ее волей и стойкостью.

Девочка в поэзии Благининой — образ по большому счету архетипический: помощница взрослых, хлопотунья по хозяйству, защитница младших. Фактически она забирает себе часть материнских функций, что делает ее образ амбивалентным. Однако Благинина не может

пройти и мимо реалий времени, которые корректируют и девичью психологию — героиня становится социально ориентированной, реагирует на реалии времени и т.д. Так, варежки, которые героиня связала бабушке Варварушке, отправляются на фронт безымянному бойцу, печка (сакральное место в доме) превращается в лазарет, где идет спасение раненых, а сами куклы — в бойцов («На печке»).

Оба поэта создают в своих произведениях особенное время и пространство. Основной временной характеристикой произведений становится настоящее, которое представлено за счет интерьерных, портретных и предметных деталей весьма буднично и привычно. Их герои мечтают, пишут письма, вяжут варежки, варят кашу, даже наряжают елку к новому году, но атмосфера тревоги, напряженного ожидания и темноты — эмоциональной и физической, связанной с затемнением окон, — противостоит яркому и счастливому прошлому. Правда, оба поэта показывают и некоторую динамику в настоящем — снятие затемнения в Москве или первый салют, что предполагает скорый переход к светлому и радостному победному будущему.

Пространственный локус весьма ограничен — комната, печка, завод, место у станка и т.д. Если Барто замыкает пространство в основном на закрытых помещениях, то Благинина пытается его несколько расширить за счет изображения сельского пейзажа, привычного для ее поэзии, но измененного войной. Фронтовые будни практически не показаны, о них герои и читатели узнают опосредованно — в письмах, рассказах приехавших на побывку. Детская поэзия способна показать драматизм обстоятельств, но натурализма и сгущения красок и деталей нет.

Тема войны в произведениях двух женщин-поэтов звучит драматично. Авторы создают привычные для детского сознания ключевые образы — мать, отец, дети — однако в них помимо архетипичных и привычных для каждого поэта черт актуализированы еще и мифологические и героические. Основными оказываются мотивы долготерпения и страдания, ожидания победы и приближения ее, героического труда у станка и т.д. Социально значимые и общечеловеческие темы и мотивы спроецированы в поэзии Барто и Благиной о Великой Отечественной войне прежде всего на семейные константы, которые оказываются незыблемыми и для авторов, и для героев.

Список литературы

1. Аннинский Л.А. Война. Женское лицо: Ольга Берггольц (1910–1975) и Маргарита Алигер (1915–1992), русские поэтессы // Дружба народов. 2005. № 5. С. 186–207.

2. *Барто А.Л.* Избранные стихи. М., 1999.
3. *Благинина Е.А.* Любимые стихи. М., 1997.
4. *Большакова А.* Литературный архетип // Литературная учеба. 2001. № 6. С. 169–173.
5. *Веселовский А.Н.* Три главы из исторической поэтики // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1989. С. 155–298.
6. *Герасимова И.Ф.* Человек и время: поэзия К.М. Симонова периода Великой Отечественной войны в контексте литературной эпохи: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.
7. *Доманский Ю.В.* Смыслообразующая роль архетипических значений в литературном тексте. Тверь, 2001.
8. *Макарова З.И.* Русская поэма в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Элиста, 1998.
9. *Мелетинский Е.М.* О литературных архетипах. М., 1994.
10. *Потебня А.А.* Слово и миф. М., 1989.
11. *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. СПб., 1998.

Olga Oktyabrskaya

**THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE POEMS
BY AGNIA BARTO AND ELENA BLAGININA:
A TYPOLOGY OF SYMBOLS AND MOTIFS**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article explores the theme of war in children's poetry of Agnia Barto and Elena Blaginina. The specifics of both the addressee and the creative style of both poets are revealed. A comparative analysis of the "military" poetry of Barto and Blaginina with their pre-war work is carried out, as well as the individual characteristics of each author are revealed. The multifunctionality of the creativity of each poetess, whose works perform aesthetic, educational and cognitive functions, is investigated. The main images of lyrics of Barto and Blaginina, which become central in the life of every person, are revealed — mother, father, child — taking into account gender specificity. Each of them contains both an archetypal component and a quite realistic beginning for the era. The originality of the children's microcosm presented in the analyzed works, the originality and marking of the main images are analyzed. The historical context and the realistic component of the lyrics of Barto and Blaginina are reproduced to a greater extent through the mythological prism, which includes both elements of the ancient myth and folk epic. The article reveals the main features of the motivational structure of poetic works about the Great Patriotic War by Barto and Blaginina, which includes the main motives of Russian literature and folklore — maternal care, fatherly protection, daughter and filial duty, patience and suffering, the expectation

of victory and its approach, heroic work and etc., but at the same time retains the author's individual features.

Key words: children's literature; poetry about the Great Patriotic War; image of a child; E.A. Blaginina; A.L. Barto; mother image; Motherland; guard father; caring mother; boy hero; helper daughter; heroic.

About the author: *Olga Oktyabrskaya* — Prof. Dr., Department of the History of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: svyatolga@yandex.ru).

References

1. Anninskii L.A. Voina. Zhenskoe litso: Ol'ga Berggol'ts (1910–1975) i Margarita Aliger (1915–1992), russkie poetessy [The War. Woman's Face: Olga Berggolts (1910–1975) and Margarita Aliger (1915–1992), Russian Poetesses]. *Druzhba narodov*, 2005, № 5, pp. 186–207. (In Russ.)
2. Barto A.L. *Izbrannye stikhi* [Chosen Poems]. M.: *Planeta detstva Publ.*, 1999. 560 p. (In Russ.)
3. Blaginina E.A. *Liubimye stikhi* [Favorite Poems]. M.: *AST-PRESS*, 1997. 256 p. (In Russ.)
4. Bol'shakova A. Literaturnyi arkhetyip [Literary archetype]. *Literaturnaia ucheba*, 2001, № 6, pp. 169–173. (In Russ.)
5. Veselovskii A.N. Tri glavy iz istoricheskoi poetiki [Three chapters from historical poetics]. Veselovskii A.N. *Istoricheskaya poetika*. [Historical poetics] M.: *Vysshaia Shkola Publ.*, 1989, pp. 155–298. (In Russ.)
6. Gerasimova I.F. *Chelovek i vremia: poeziia K.M. Simonova perioda Velikoi Otechestvennoi voiny v kontekste literaturnoi epokhi*. [A Man and Time: poetry of K.M. Simonov of the Great Patriotic War in the Context of Literary Epoch] Theses.M., 2008. 26 p. (In Russ.)
7. Domanskii Iu.V. *Smysloobrazuiushchaia rol' arkhetyipicheskikh znachenii v literaturnom tekste* [The Role of Archetypal Meanings in Formation of Message in Literary Text]. Tver': *Izdatel'stvo TGU*, 2001. 94 p. (In Russ.)
8. Makarova Z.I. *Russkaya poema v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Russian Poem of the Great Patriotic War]. Theses. Elista, 1998. 29 p. (In Russ.)
9. Meletinskii E.M. *O literaturnykh arkhetyipakh* [On Literary Archetypes]. M.: *Izd-vo RGGU*, 1994. 136 p. (In Russ.)
10. Potebnia A.A. *Slovo i mif*. [Word and Myth]. M.: *Pravda Publ.*, 1989. 624 p. (In Russ.)
11. Eliade M. *Mifo vechnom vozvrashchenii. Arkhetipy i povtoriaemost'* [The Myth of Eternal Return. Archetypes and Repeatability]. SPb.: *Aleteiia*, 1998, 250 p. (In Russ.)

СТАТЬИ

О.В. Федорова

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ДЕТЕЙ 10–12 ЛЕТ¹

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Речь ребенка в возрасте 10–12 лет представляет собой важный, но еще недостаточно хорошо изученный феномен как в отечественной науке, так и в западных исследованиях детской речи. Наиболее значимые изменения в этом возрасте происходят в области усвоения дискурсивных и коммуникативных навыков устной речи. В данной работе рассмотрены дискурсивные особенности речи русскоязычных детей 10–12 лет при осуществлении референции — как при порождении различных референциальных выражений (полных именных групп, местоимений и референциальных нулей), так и при их понимании. На материале детских пересказов «Фильма о грушах» У. Чейфа, а также при экспериментальном исследовании понимания сконструированных дискурсивных фрагментов показана ключевая роль риторической структуры высказывания. Детские пересказы «Фильма о грушах» отличаются от аналогичных взрослых с точки зрения распределения референциальных выражений: дети использовали нулевую референцию только в случае минимального риторического расстояния до антецедента; во всех остальных случаях они избегали использования референциальных нулей, а при большом риторическом расстоянии значимо уменьшалось также и количество местоименной референции. При экспериментальном исследовании фактора риторической структуры при понимании дискурсивных фрагментов также были обнаружены значимые различия: дети 10–12 лет не учитывали риторическое расстояние до антецедента при восстановлении референта местоимения.

Проведенные исследования дискурсивного развития детей 10–12 лет в целом подтверждают гипотезу позднего референциального развития, выдвинутую в работах К.Ф. Седова, однако вносят в нее существенные уточнения.

Ключевые слова: усвоение родного языка; дети 10–12 лет; русский язык; дискурс; референция; риторическая структура.

Федорова Ольга Викторовна — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: olga.fedorova@msu.ru).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 17–06–00264 «Взаимосвязь между формированием дискурсивных и когнитивных навыков русскоязычных детей 11–12 лет».

1. Введение. Языковое развитие на протяжении жизни человека

Усвоение родного языка (лингвистика детской речи, онтолингвистика, First Language Acquisition, Language Development) — раздел психолингвистики, изучающий процессы и механизмы, при помощи которых ребенок овладевает родным языком. Здоровый ребенок усваивает родной язык за относительно короткое время и без видимых усилий, хотя любой естественный язык — это очень сложная знаковая система. Западная лингвистика детской речи в основном изучает языковое развитие детей от рождения до четырех лет, так как именно в этот период происходит становление базовых языковых навыков. Отечественная онтолингвистика (термин С.Н. Цейтлин, см., например, [Цейтлин, 2000]) продолжает исследование детской речи вплоть до восьми—девятилетнего возраста, то есть включая младших школьников. Однако как западная, так и отечественная наука пока уделяют мало внимания исследованию развития и совершенствования языковых навыков детей старше 10 лет (в качестве редких исключений можно отметить работы М. Нипполд из Орегонского университета [Nippold, 2006; 2016], Р. Берман из Тель-Авивского университета [Bergman, 2004], а также К.Ф. Седова из Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского [Седов, 2004]). Между тем, очевидно, что языковое развитие не имеет фиксированной точки завершения — оно продолжается и после достижения десятилетнего возраста, хотя происходит уже не такими быстрыми темпами и его не так легко диагностировать.

Языковое развитие, таким образом, происходит на протяжении всей жизни человека. Современная наука считает, что ребенок способен слышать и опознавать материнскую речь уже в последнем триместре беременности, по крайней мере низкие частоты, которые отвечают за просодические характеристики речи [Moon, 2017]. До-речевой период продолжается от рождения до 12 мес. и включает пять этапов [Stark, 1986]: крик, гуление, вокальную игру, лепет с редупликацией и вариативный лепет. К концу первого года жизни младенец учится сегментировать звуковой поток на отдельные слова и понимает значения некоторых слов; кроме того, в его лепете становится особенно заметна просодия, которая делает его речь похожей на взрослую. Во второй год жизни наиболее значительные изменения в языковом развитии ребенка наблюдаются в области усвоения слов — свои первые слова он произносит в 12 мес., а к концу второго года его словарь достигает 300 слов [Fenson et al., 1994]. Когда лексикон ребенка достигает 50 слов (примерно в 18 мес.), у него начинается речевой взрыв — быстрое увеличение объема лексикона. В третий год жизни ребенка особенно ярко проявляется продуктивное развитие

его грамматики. В два года появляются первые утвердительные и восклицательные двухсловные высказывания. К концу третьего года в речи детей появляются вопросительные высказывания. Между тремя и четырьмя годами происходит дальнейшее совершенствование уже имеющихся навыков на всех уровнях — в произношении, морфологии, синтаксисе, словарном запасе и коммуникации. К четырем годам ребенок усваивает все базовые языковые навыки.

К возрасту пяти лет словарный запас ребенка достигает 15 000 слов, к шести годам — 18 000 слов, к 19 годам — 60 000 слов, продолжая постепенно увеличиваться всю жизнь (здесь и далее приводятся данные исследования англоязычных носителей [Nippold, 2006]). Синтаксическое развитие также продолжается на протяжении всей жизни за счет увеличения средней длины предложений (которая составляет шесть слов у шестилетних детей и 10 слов у людей в возрасте 30 лет), а также наличия более сложных конструкций — относительных придаточных, пассивного залога, нефинитных глагольных групп и под. [Berman, Verhoeven, 2002]. Однако наиболее заметные изменения на протяжении жизни человека происходят в области прагматики и развития коммуникативных навыков.

Данная работа посвящена описанию языкового развития детей 10–12 лет. Этот возраст — вступление в пору отрочества — представляет собой важный языковой феномен, особенно в том, что касается формирования дискурсивных и коммуникативных навыков устной речи. Рассмотрим два небольших фрагмента из собранного корпуса пересказов «Фильма о грушах» У. Чейфа, подробнее см. раздел 3. В этих фрагментах испытуемые описывают один и тот же момент фильма. Одно из описаний принадлежит взрослому человеку 30 лет, профессиональному лингвисту, второе — одиннадцатилетней школьнице. Как представляется, определить, кому принадлежит какой нарратив, довольно сложно (пример (1) взят из речи взрослого испытуемого).

(1)² Едет он по узенькой дорожке, вот. Навстречу какая-то девочка на велосипеде. Ээээ (1.1) он на нее обернулся. Они когда по= ··· (1.3) поравнялись, у него слетела шляпа. Он ээ (0.5) дальше оглянулся на шляпу, не заметил камень здоровый лежал. Он на камень наехал ··· (0.8), эээ (0.6) у= упал с велика, груши рассыпались.

(2) Когда мальчик ехал, эээ (0.9) ем= ему навстречу на велосипеде тоже ехала девочка. ··· (1.0) Он на неё за= загляделся. ··· (0.9) с него

² Здесь и далее были использованы следующие условные обозначения: знак «=» указывает на обрыв слова; точки «···» обозначают абсолютную паузу, буквы «э» или «м» — заполненную паузу: две точки или буквы — паузы до 0.5 сек., три точки — от 0.5 до 1 сек., четыре — более 1 сек., следующие за точками или буквами цифры в скобках — длина паузы.

слетела шляпа, от ветра видимо. Эээ (0.9) и он упал с велосипеда, потому что оглянулся на шляпу и ... (0.5) врезался в камень, который лежал на дороге. ... (0.9) И корзина с грушами тоже упала.

Тем не менее существуют определенные особенности организации дискурса детей 10–12 лет, которые отличают их речь от речи более взрослых людей. В частности, в работе [Слабодкина, Федорова, 2018] было показано, что дискурсивное поведение русскоязычного ребенка 10–12 лет статистически значимо отличается от аналогичного поведения взрослых носителей с точки зрения речевых сбоев в первую очередь за счет наличия большего количества абсолютных пауз хезитации. В данной работе мы обратимся к другому важному дискурсивному феномену — референции, см. раздел 2.

На протяжении последних 150 лет основным методом сбора материала в области изучения детской речи был и остается метод **наблюдения**, т.е. фиксация спонтанной речи ребенка. Хотя методология подобных записей за это время сильно усовершенствовалась, пройдя путь от первых спорадических дневниковых записей до современной лонгитюдной видеосъемки, принципиальная позиция о примате наблюдения существенных изменений не претерпела. Однако в настоящее время почти для всех исследователей очевидно, что исследование, основанное на анализе спонтанной детской речи, становится более весомым, если подкрепляется **экспериментом**. В данной работе мы будем использовать обе методологии — раздел 3 будет посвящен анализу собранного корпуса детских пересказов, а раздел 4 — описанию результатов эксперимента.

2. Референция и референциальное развитие

В процессе коммуникации в каждый момент времени в рабочей памяти говорящего находится некоторое количество референтов — людей, объектов, локализаций в пространстве. Упоминание говорящим референта называется **референцией** [Kibrik, 2011: 5]. Каждый раз, упоминая референт, говорящий осуществляет референциальный выбор (РВ), т.е. выбирает одно из возможных в данном контексте выражений — полную ИГ (*мальчик, Вася*), местоимение (*он, тот*) или нуль.

Многие исследователи дискурса полагают, что РВ зависит от текущего статуса референта в когнитивной системе говорящего. При этом разные лингвисты апеллируют к различным психологическим явлениям. Так, Р. Томлин объясняет прономинализацию нахождением референта в фокусе внимания говорящего [Tomlin, 1995]. Т. Гивон предполагает, что РВ связан с тем, в какой степени, по мнению говорящего, референт доступен адресату [Givón, 1983]. Согласно идеям У. Чейфа, местоимения используются для обозначения

наиболее активных референтов в сознании говорящего [Chafe, 1994]. А.А. Кибрик приводит аргументы в пользу того, что РВ обусловлен степенью активации референта в рабочей памяти [Kibrik, 2011].

Существует много параметров, претендующих на роль факторов активации. Гивон утверждает, что функцией РВ является линейное расстояние в клаузах между анафором и антецедентом [Givón, 1983]. Томлин полагает, что ключевую роль при РВ играет линейное расстояние до антецедента в абзацах или эпизодах [Tomlin, 1987]. Б. Фокс [Fox, 1987] отмечает, что на РВ оказывает влияние риторическая структура (более подробно о теории риторической структуры см. [Mann, Thompson 1988]). Кибрик предложил многофакторный подход к РВ, разработав процедуру подсчета коэффициента активации (КА) референта, учитывающую все возможные параметры, коррелирующие с РВ. Числовые «веса», присваиваемые каждому фактору активации, эмпирическим путем подобраны таким образом, что суммарный КА варьируется от 0 до 1. Выделяется несколько значимых порогов активации: при КА ниже 0.4 невозможно употребление редуцированной ИГ, а выше 0.9, наоборот, — полной ИГ. Таким образом, для называния референтов, имеющих КА от 0.4 до 0.9, подходят как полные ИГ, так и редуцированные.

Говоря о *референциальном развитии* ребенка, К.Ф. Седов формулирует гипотезу о позднем референциальном развитии: «... к 6—7 годам человек становится обладателем языкового механизма, своего рода персонального компьютера, который открывает перед ним новые когнитивно-коммуникативные возможности. Однако получив в свое распоряжение языковой механизм, ребенок еще не имеет навыков использования его в речевой деятельности, у него как бы еще нет компьютерного программного обеспечения» [Седов, 2004: 20—21]. Седов пишет, что полное овладение механизмами дискурсивной референции происходит только к 15—16 годам.

Исследования, проведенные Седовым, базировались на анализе речи школьников трех возрастных групп: 6—7 лет, 10—11 лет и 15—16 лет. В качестве стимульного материала были использованы устные спонтанные пересказы фильмов. Полученные результаты говорят о том, что в семь лет речь детей еще во многом сохраняет свой эгоцентризм и характеризуется слабой заботой о кореференции. Местоименная референция в их пересказах составила 58%, например:

(3)³ Опять они пошли туда // Там он / начал / ... они значит так // Ну / в общем / там они побормотали / уже не знаю / они там че делали // Опять пошли / вот // А потом они вышли оттуда / он их как-то выгнал // Это они ушли оттуда // ...

³ Все примеры в данном разделе цитируются по работе [Седов, 2004].

К возрасту 10–11 лет РВ существенно изменяется. Дети уже не просто указывают на референт, но умеют эффективно «отсылать слушателя к уже известной информации, идентифицируя каждого персонажа в рамках изображаемой ситуации рассказа» [Седов, 2004: 151]. Частота местоименной референции заметно уменьшается (39%). Однако в некоторых фрагментах еще наблюдается нагромождение местоимений:

(4) Там за ним послали // Ну / сказали одному человеку / Надо его поймать // Он под окном встал / и слушает // А он взял штангу // Ему говорят / Брось ее / брось ее за окно // Он ее бросил за окно // А ему по каске попало // А в каске был радиопередатчик // ...

Принципы РВ в пересказах подростков 15–16 лет еще больше совершенствуются. Хотя частотность употребления местоимений по сравнению с речью младших школьников снижается незначительно (до 35%), на этом этапе происходит качественный скачок в эффективности осуществления референции — механизмы референции становятся похожими на взрослые:

(5) В это время значит / летчик / который сидел в шкафу у дирижера / начал ходить в его это... // Эссэсовский капитан / проходя по коридору / услышал / как летчик уронил вазу // А потому / как он видел / что дирижер ушел / ему это показалось подозрительным // ...

3. Референциальные особенности детских пересказов

Для того, чтобы протестировать гипотезу позднего референциального развития, мы собрали корпус пересказов известного «Фильма о грушах». Коллективная монография «Рассказы о грушах» под редакцией Чейфа [The pear stories, 1980] была выполнена на материале пересказов, собранных на более чем 15 языках (в том числе и редких, напр., на майянском языке сакапультек) и послужила основой многих теоретически важных работ (см., в частности, [Chafe, 1994]). В этом исследовании носители разных языков (обычно по 20 человек для каждого языка) смотрели и пересказывали специально снятый шестиминутный видеоролик. Этот ролик понятен представителям разных культур, в нем нет слов, а описанные события могут происходить в любой стране.

Собранный корпус включает пересказы студентов младших курсов МГУ имени М.В. Ломоносова и московских школьников 10–12 лет, по 16 пересказов в каждой группе. Пересказы были расшифрованы в упрощенной дискурсивной транскрипции, также было выполнено членение на элементарные дискурсивные единицы [Рассказы о сновидениях, 2009], разметка риторической структуры [Mann, Thompson, 1988] и референциальная аннотация. В рамках

референциальной аннотации для каждого референциального выражения пяти основных референтов — действующих лиц ролика были определены линейное (ЛинР) и риторическое (РитР) расстояния до антецедента. Взрослый корпус имеет общую длительность 52 мин., среднюю длительность 3 мин. 15 сек., он включает 1055 упоминаний референтов, из них полная ИГ используется в 306 случаях (29%), местоимения — в 487 случаях (46.2%) и анафорические нули — в 262 случаях (24.8%). Детский корпус имеет общую длительность 33 мин., среднюю длительность 2 мин. 05 сек., он включает 908 упоминаний референтов, из них полная ИГ используется в 238 случаях (26.2%), местоимения — в 472 случаях (52%) и нули — в 198 случаях (21.8%). Значимое различие между взрослым и детским корпусами в распределении референциальных выражений между полными ИГ, местоимениями и нулями отсутствует.

Таким образом, данное исследование не подтверждает выводы Седова о ключевой роли местоименной референции в становлении референциальных навыков ребенка — ребенок 10–12 лет использует местоимения даже в чуть меньшем количестве случаев, чем взрослый испытуемый. Посмотрим на более тонкие референциальные особенности.

Сначала сравним референциальное распределение в зависимости от ЛинР до антецедента (табл. 1). Никаких значимых различий между взрослым и детским корпусами не наблюдается.

Таблица 1

Референциальное распределение в зависимости от ЛинР

ЛинР	Возраст	Всего	Полная ИГ	Местоимение	Ноль
1	дети	580	10%	63%	27%
	взрослые	640	9%	60%	31%
2	дети	135	24%	58%	18%
	взрослые	148	20%	60%	20%
3	дети	40	32%	68%	0%
	взрослые	54	34%	64%	2%
>	дети	80	70%	30%	0%
	взрослые	114	67%	30%	3%

Однако эти различия появляются, если мы сравним распределение референциальных средств в зависимости от РитР до антецедента, см. табл. 2, значимые различия выделены полужирным шрифтом.

При РитР=1 референциальное распределение в детском и взрослом корпусах было одинаковым. При РитР=2 количество местоименной референции не различалось, однако взрослые использовали на 15% меньше полных ИГ и больше нулевой референции. При РитР=3 количество местоименной референции опять не различа-

лось, а различие между полной и нулевой референцией составило те же 15%. Наконец, при РитР>3 значимые различия в 10% были зафиксированы в обоих случаях редуцированной референции.

Таблица 2

Референциальное распределение в зависимости от РитР

РитР	Возраст	Всего	Полная ИГ	Местоимение	Нуль
1	дети	638	12%	56%	32%
	взрослые	690	10%	55%	35%
2	дети	135	35%	60%	5%
	взрослые	150	20%	60%	20%
3	дети	38	65%	35%	0%
	взрослые	64	50%	35%	15%
>	дети	35	89%	11%	0%
	взрослые	58	70%	20%	10%

О чем говорят полученные результаты? По-видимому, дети 10–12 лет еще не достигли взрослой компетенции при порождении более сложных риторических структур, РитР в которых больше 1. В таких случаях они практически перестают использовать нулевую референцию, а в случае РитР>3 также уменьшается и количество местоимений.

4. Эксперимент: РитР как фактор активации⁴

Посмотрим теперь экспериментально, как дети 10–12 лет «понимают» активацию референта. Целью эксперимента была проверка гипотезы, согласно которой РитР до антецедента местоимения является достаточно сильным фактором РВ, чтобы самостоятельно влиять на понимание референциальных выражений. Для того чтобы проверить эту гипотезу, мы провели эксперимент на понимание⁵ дискурсивных фрагментов. Процедура эксперимента состояла в следующем. Испытуемым предъявлялись тексты (см. пример 6), последнее предложение которых содержало местоимение *он*, отсылающее к антецеденту, расположенному на три клаузы выше в дереве (ЛинР=3). Каждый текст был создан в трех вариантах. Во всех вариантах он имел одинаковую преамбулу, а три версии последней

⁴ Результаты этого исследования были представлены в материалах конференции «Диалог» [Федорова и др., 2010].

⁵ Модель РВ Кибрика имеет дело с порождением речи. В данном исследовании мы исходили из допущения, что референциальная ситуация в рабочей памяти адресата формируется на основании тех же факторов, что и в памяти говорящего, так что адресат, услышав местоимение, соотносит его с наиболее активированным референтом.

клаузы придумывались таким образом, чтобы РитР от нее до клаузы, содержащей antecedent местоимения, варьировалось от одного до трех, см. рис. 1. При этом все остальные релевантные факторы активации закреплялись на одном уровне. Таким образом, независимой переменной в эксперименте являлось РитР, принимавшее значение 1, 2 или 3. Помимо истинного antecedenta местоимения в текст вводилось два отвлекающих референта. Тексты создавались с таким расчетом, чтобы КА, посчитанный по методике Кибрика, и у истинного, и у двух ложных antecedентов был не ниже 0.4. За каждым текстом, предъявляемым испытуемому, следовали вопросы, на которые он должен был отвечать, не глядя в текст. Зависимой переменной являлось количество правильных ответов на вопросы относительно референта местоимения *он*.

(6) Был конец рабочего дня. Пятая бригада скорой помощи ехала на базу после ложного вызова. На носилках в кабине, набегавшись за смену, прикорнул **медбрат**. Усталый **доктор**, слушавший музыку в плеере, игнорировал заискивающие взгляды молодого **ассистента**, горящего рабочим энтузиазмом после первого дня в бригаде.

В наушниках звучал «Белый альбом» битлов. Безупречная мелодия качала и убаюкивала.

а) РитР=1 **Он** испытывал легкие угрызения совести за свою невнимательность к коллеге, но усталость превозмогала всё.

б) РитР=2 **Он** любил слушать эту пластинку после тяжелого трудового дня.

в) РитР=3 **Он** почувствовал, что медленно проваливается в сон.

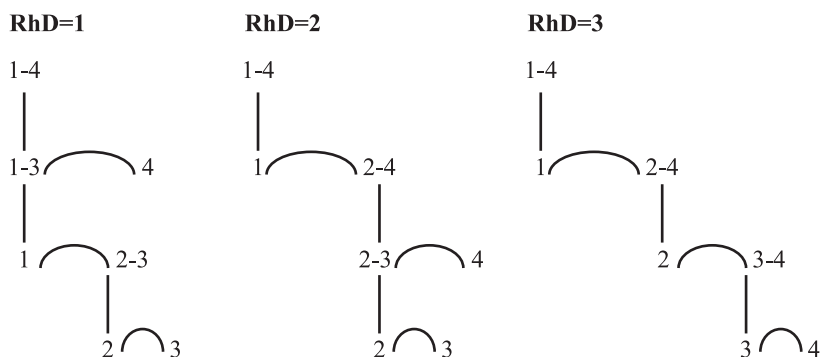


Рисунок 1. Риторические деревья экспериментальных текстов

Результаты эксперимента с 120 взрослыми носителями подтвердили гипотезу о том, что РитР является значимым фактором активации, который оказывается достаточно сильным, чтобы самостоятельно влиять на понимание: увеличение РитР отрицательно

сказывалось на способности испытуемых отождествлять антецедента местоимения (табл. 3).

Таблица 3

Правильность ответов на референциальные вопросы, %

испытуемые	РитР=1	РитР=2	РитР=3	среднее
взрослые (120)	70	50	35	52
дети (24)	50	52	50	51

Эксперимент был воспроизведен с 24 московскими школьниками 10–12 лет. Проанализировав его результаты (табл. 3), мы обнаружили, что правильность ответов на референциальные вопросы никак не коррелирует с РитР. Таким образом, этот эксперимент показал, что для детей 10–12 лет, в отличие от взрослых, РитР еще не является таким же сильным фактором РВ, как для взрослых носителей, что свидетельствует в пользу гипотезы позднего референциального развития.

Однако из данных, представленных в табл. 3, мы видим, что в среднем дети отвечали на референциальные вопросы не хуже взрослых, а в сложных случаях с РитР 3 — даже лучше. По-видимому, дети использовали другие механизмы, компенсирующие недостаточную усвоенность риторической структуры предложений.

Заключение

Данная статья описывает два исследования, посвященные дискурсивным особенностям речи русскоязычных детей 10–12 лет. В первом исследовании, проведенном по методологии наблюдения, мы обнаружили, что детские пересказы «Фильма о грушах» отличаются от аналогичных взрослых с точки зрения распределения референциальных выражений: дети использовали нулевую референцию только в случае минимального риторического расстояния до антецедента РитР=1; во всех остальных случаях они избегали использования референциальных нулей, а при РитР>3 уменьшалось также и количество местоименной референции. Во втором исследовании мы провели эксперимент по изучению роли риторической структуры при понимании дискурсивных фрагментов и также обнаружили значимые различия — дети 10–12 лет не учитывали фактор РитР до антецедента при восстановлении референта местоимения.

Проведенные исследования дискурсивного развития детей 10–12 лет в целом подтверждают гипотезу позднего референциального развития Седова [Седов, 2004], однако вносят в нее существенные уточнения.

Список литературы

1. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / Под ред. А.А. Кибрика, В.И. Подлесской. М., 2009.
2. Седов К.Ф. Дискурс и личность. М., 2004.
3. Слабодкина Т.А., Федорова О.В. Речевые сбои в диалогах русскоязычных детей (экспериментальное исследование) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2018. № 189. С. 153–160.
4. Федорова О.В., Деликишкина Е.А., Малютина С.А., Успенская А.М., Фейн А.А. Экспериментальный подход к исследованию референции в дискурсе: интерпретация анафорического местоимения в зависимости от риторического расстояния до его антецедента // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М., 2010. С. 525–531.
5. Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М., 2000.
6. Berman R.A. Between emergence and mastery: The long developmental route of language acquisition // Language development across childhood and adolescence. Trends in language acquisition research / Ed. by R.A. Berman. Amsterdam, 2004. P. 9–34.
7. Berman R.A., Verhoeven L. Cross-linguistic perspectives on the development of text-production abilities: Speech and writing // Written Language and Literacy. № 5 (1). 2002. P. 1–43.
8. Chafe W. Discourse, consciousness, and time. The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago, 1994.
9. Fenson L., Dale P.S., Reznick J.S., Bates E. Variability in early communicative development. Monographs of the Society for Research in Child Development. № 59. 1994.
10. Fox B. Discourse structure and anaphora in written and conversational English. Cambridge, 1987.
11. Givón T. Topic continuity in spoken English // Topic continuity in discourse: A quantitative cross-language study / Ed. by T. Givón. Amsterdam, 1983. P. 345–363.
12. Kibrik A.A. Reference in discourse. Oxford, 2011.
13. Mann W.C., Thompson S.A. Rhetorical structure theory: toward a functional theory of text organization // Text. 1988. № 8. P. 243–281.
14. Moon C. Prenatal experience with the maternal voice // Early Vocal Contact and Preterm Infant Brain Development / Ed. by M. Filippa, P. Kuhn, B. Westrup. 2017.
15. Nippold M.A. Language Development in School-Age Children, Adolescents, and Adults // Encyclopedia of Language & Linguistics. 2006. P. 368–373.
16. Nippold M.A. Later language development: School-age children, adolescents, and young adults. Austin, 2016.
17. Stark R.E. Prespeech segmental feature development // Language acquisition. Cambridge, 1986. / Ed. by P. Fletcher, M. Garman. P. 149–173.
18. The pear stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production Ed. by W. Chafe W. Norwood, 1980.
19. Tomlin R.S. Linguistic reflections of cognitive events // R.S. Tomlin (ed.) Coherence and grounding in discourse. Amsterdam, 1987. P. 455–479.

20. *Tomlin R.S.* Focal attention, voice and word order: An experimental cross-linguistic study // *Word order in discourse* / Ed. by P. Downing, M. Noonan. Amsterdam, 1995. P. 517–554.

Olga Fedorova

REFERENTIAL DEVELOPMENT OF RUSSIAN-SPEAKING CHILDREN AGED 10–12

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The child's speech at age 10–12 years is an important, but poorly understood phenomenon. The most significant changes in this age occur in the field of mastering discourse and communicative skills of spoken speech. This paper discusses the discourse features of speech of Russian-speaking children aged 10–12 years in the implementation of reference — both in the production of various referential expressions (full NPs, pronouns and referential zeros), and in their comprehension. The key role of the rhetorical structure is shown on the material of children's retellings of the Pear Film by W. Chafe, as well as in the experimental study of the comprehension of constructed discourse fragments. Children's retellings of the Pear Film differ from adults' ones in terms of the distribution of referential expressions: children used zero reference only in the case of the minimum rhetorical distance to the antecedent; in all other cases, they avoided the use of referential zeros; with a big rhetorical distance, the number of pronominal references significantly decreased as well. In an experimental study of the factor of rhetorical structure in the comprehension of discourse fragments, significant differences were also found: children of 10–12 years old did not take into account the rhetorical distance to the antecedent when restoring the referent of the pronoun. The studies of discourse development of children aged 10–12 years generally confirm the hypothesis of late referential development, put forward in the works of K.F. Sedov, but make essential clarifications.

Key words: First Language Acquisition; children of 10–12 years old; Russian; discourse; reference; rhetorical structure.

About the author: *Olga Fedorova* — Prof. Dr., Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: olga.fedorova@msu.ru).

References

1. *Rasskazy o snovideniyakh: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa* [Corpus of spoken Russian "Night Dream Stories"]. Ed. by A.A. Kibrik, V.I. Podlesskaya. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2009. (In Russ.)

2. Sedov K.F. *Diskurs i lichnost'* [Discourse and personality]. Moscow: Labirint Publ., 2004. (In Russ.)
3. Slabodkina T.A., Fedorova O.V. Rechevye sboi v dialogakh russkoyazychnykh detei (eksperimental'noe issledovanie) [Disfluencies in the dialogues of Russian-speaking children (experimental study)]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2018, № 189, pp. 153–160. (In Russ.)
4. Fedorova O.V., Delikishkina E.A., Malyutina S.A., Uspenskaya A.M., Fein A.A. Eksperimental'nyi podkhod k issledovaniyu referentsii v diskurse: interpretatsiya anaforicheskogo mestoimeniya v zavisimosti ot ritoricheskogo rasstoyaniya do ego antetsedenta [Experimental approach to the study of reference in discourse: interpretation of anaphoric pronoun depending on the rhetorical distance to the antecedent]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational linguistics and intellectual technologies]. Ed. by A.E. Kibrik et al. Moscow: Izd-vo RGGU, 2010, pp. 525–531. (In Russ.)
5. Tseitlin S.N. *Yazyk i rebenok: Lingvistika detskoi rechi* [Language and Child: Linguistics of Child language]. Moscow: Vlos Publ., 2000. (In Russ.)
6. Berman R.A. Between emergence and mastery: The long developmental route of language acquisition. Language development across childhood and adolescence. Trends in language acquisition research. Ed. by R.A. Berman. Amsterdam: *John Benjamins*, 2004, pp. 9–34.
7. Berman R.A., Verhoeven L. Cross-linguistic perspectives on the development of text-production abilities: Speech and writing. *Written Language and Literacy*, 2002, № 5 (1), pp. 1–43.
8. Chafe W. *Discourse, consciousness, and time. The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing*. Chicago, 1994.
9. Fenson L., Dale P.S., Reznick J.S., Bates E. *Variability in early communicative development*. Monographs of the Society for Research in Child Development, 1994, № 59.
10. Fox B. Discourse structure and anaphora in written and conversational English. *Cambridge University Press*, 1987.
11. Givón T. *Topic continuity in spoken English. Topic continuity in discourse: A quantitative cross-language study*. Ed. by T. Givón. Benjamins, 1983, pp. 345–363.
12. Kibrik A.A. Reference in discourse. *Oxford University Press*, 2011.
13. Mann W.C., Thompson S.A. *Rhetorical structure theory: toward a functional theory of text organization*. Text, 1988, № 8, pp. 243–281.
14. Moon C. *Prenatal experience with the maternal voice. Early Vocal Contact and Preterm Infant Brain Development*. Ed. by M. Filippa, P. Kuhn, B. Westrup. Springer, 2017.
15. Nippold M.A. Language Development in School-Age Children, Adolescents, and Adults. *Encyclopedia of Language & Linguistics*. 2006, pp. 368–373.
16. Nippold M.A. Later language development: School-age children, adolescents, and young adults. Austin: *Pro-Ed*, 2016.

17. Stark R.E. Prespeech segmental feature development. *Language acquisition*. Ed. by P. Fletcher, M. Garman. Cambridge University Press, 1986, pp. 149–173.
18. The pear stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production. Ed. by W. Chafe. Norwood, 1980.
19. Tomlin R.S. *Linguistic reflections of cognitive events. Coherence and grounding in discourse*. Ed. by R.S. Tomlin. Benjamins, 1987, pp. 455–479.
20. Tomlin R.S. *Focal attention, voice and word order. An experimental cross-linguistic study. Word order in discourse*. Ed. by P. Downing, M. Noonan. Benjamins, 1995, pp. 517–554.

О.В. Дедова, Ли Ян

СОСТАВ И СТРУКТУРА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ОБЩЕНИЕ В ИНТЕРНЕТЕ»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Целью статьи является теоретическое обоснование феномена *межличностное общение в Интернете* и его исследование в лексическом и лексикографическом аспектах. В статье обсуждаются принципы семантической систематизации указанной лексики, механизмы формирования лексико-семантического поля, частеречная принадлежность единиц в его составе. Неологические номинации данной сферы фрагментарно и непоследовательно представлены в современных словарях, как толковых, так и двуязычных. Вместе с тем это актуальный и важный лексический материал, требующий изучения и систематизации. Исследование данной лексики затруднено быстрыми темпами и масштабом развития коммуникативных технологий, стихийностью неологических процессов, связанных с необходимостью обозначения инновационных реалий. Лексический материал, легший в основу проведенного исследования, собирался методом сплошной выборки из лингвистических словарей разного типа [«Толковый словарь русского языка начала XXI века ...»; «Язык интернета. Англо-русский словарь»; «Словарь языка интернета.ru» под ред. М.А. Кронгауза], многочисленных непрофессиональных словарей интернет-лексики, представленных в рунете, а также на основе анализа интерфейсов платформ, поддерживающих межличностное общение. Были использованы данные генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ) [<http://www.webcorpora.ru/>], Национального корпуса русского языка [<http://www.ruscorpora.ru/new/>], применялась процедура интернет-поиска потенциальных дериватов (см. об этом [Петрухина, Дедова, 2018]).

Ключевые слова: Межличностная коммуникация в интернете; платформы интернет-общения; неология рунета; принципы описания интернет-лексики.

Введение. С развитием Интернета и других видов электронной коммуникации происходят существенные сдвиги в традиционно

Дедова Ольга Викторовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ov-dedova@yandex.ru).

Ли Ян — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: yoyo19930201@gmail.com).

выделяемых видах общения. Уже сам перечень признаков, используемых для описания доэлектронных форм общения, указывает на то, что мы являемся свидетелями революционных изменений в этой сфере. Такие классические критерии типологии форм общения, как контактное-дистантное, устное-письменное, межличностное-публичное-массовое (см. об этом [Формановская, 2007: 35–38] в Интернете претерпевают кардинальные изменения и в известной степени нивелируются. Интернет позволяет дистантно обмениваться письменными сообщениями в реальном масштабе времени, что имитирует прагматику непосредственного коммуникативного контакта. Данное технологическое достижение смещает границы между различными «речевыми жанрами» доэлектронного общения.

О понятии межличностного интернет-общения. Одним из главных оснований выделения типов общения является количественный фактор, т.е. число индивидов, вовлеченных в конкретную коммуникативную ситуацию. Это, в свою очередь, связано со следующими характеристиками общения: наличие / отсутствие непосредственного контакта, устная / письменная форма, подготовленность / спонтанность сообщения, степень социальной близости коммуникантов и под. Именно на основании количественного фактора и сопутствующих ему критериев выделяются, помимо других базовых типов, межличностная и массовая коммуникация.

Межличностная коммуникация — это взаимодействие индивидов, которое характеризуется такими качествами, как «неофициальность, спонтанность, неорганизованность, нерегулируемость, нерегламентируемость» [Словарь социолингвистических терминов, 2006]. В отличие от этого массовая коммуникация — «процесс систематического распространения информации (знаний, духовных ценностей, моральных и правовых норм и т.п.) и передачи специально подготовленных сообщений с помощью технических средств (звукозапись, видеозапись, печать, радио, кинематограф, телевидение и т.д.) на численно большие, анонимные, рассредоточенные аудитории» [Андрианов, 2007: 171]. Вслед за Умберто Эко [Эко, 1998], исследователи подчеркивают роль технических средств в формировании феномена массовой коммуникации.

Общение в Интернете, которое, как уже отмечалось, стирает грани между традиционными коммуникативными типами, требует уточнение понятия межличностности. С одной стороны, любая интернет-коммуникация является массовой в виду инновационных возможностей носителя письменного текста и каналов его распространения. С другой — существуют платформы, призванные реализовать основополагающие черты межличностной коммуникации — неофициальность, нерегламентированность и т.д. Так называемые

блоги (например, LiveJournal, Живой Журнал, ЖЖ [livejournal.com]) и социальные сети (Facebook, Фейсбук [facebook.com], ВКонтакте [vk.com] и др.) стремятся имитировать характерные черты межличностной коммуникации, создавая и поддерживая на программном уровне стабильные межличностные связи, основанные на взаимном интересе. При этом между указанными типами платформ есть существенная разница: блоги, предшествующие по времени своего возникновения социальным сетям, были в основном направлены на создание виртуальных личностей, тогда как социальные сети, напротив, имеют целью реализовать реальные социальные связи. Неслучайно одна из первых отечественных социальных сетей называется Одноклассники [ok.ru]. Видимо, в 1999 г. (год открытия LiveJournal), по мнению создателей платформы, общественное сознание еще не было готово к стиранию границ между интернет-общением и контактами людей в действительности.

Таким образом, можно дать следующее определение *межличностной коммуникации в Интернете*. Это неформальное нерегламентированное общение индивидов на основе использования определенных типов платформ, алгоритмы которых направлены на реализацию и поддержание относительно стабильных социальных связей между коммуникантами. Обладая данными характеристиками, межличностная интернет-коммуникация одновременно воплощает черты массовой и групповой коммуникации, что свидетельствует о нивелировке в Интернете специфических характеристик основных доэлектронных типов общения.

Состав и структура поля «Межличностное общение в Интернете». Как уже отмечалось, поле не имеет системного семантического описания, при этом так называемый язык *Интернета* (об этом понятии см. [Дедова, 2010]) в целом и его лексические особенности, в частности, активно обсуждаются в лингвистических работах последних лет. При этом большинство исследований затрагивает стилистические, социолингвистические, социокультурные аспекты данного явления [например, Галичкина, 2010; Карпов, 2016; Русский язык в Интернете ... 2017; и др. работы], т.е. в них лексика исследуемого поля трактуется как специфический узואльно ограниченный жаргон, и это, с нашей точки зрения, в настоящее время не отражает реальную ситуацию. В этом плане новаторской является работа Е.В. Какориной, опубликованная в коллективной монографии «Современный русский язык: Система — норма — узус». В основу предложенной системной классификации были положены функционально-семантические критерии. Е.В. Какорина выделила следующие группы интернет-лексики: киберпространство (*сеть, Инет; дневник, страничка; онлайн, офф-лайн* и т.д.); самоназвание

группы (жж-исты); названия субкультур (падонки); общее название коммуникантов (интернетчик, сетист), степень вовлеченности в коммуникацию (ламер, чайник); действия в Интернете (чатиться), типы сообщений (коммент), свойства информации (оффтоп), тип поведения пользователей (флейм, флуд) [Современный русский язык: система — норма — узус, 2010: 291]. Однако за годы, прошедшие со времени публикации данной работы, интернет-коммуникация претерпела существенные изменения. Так, по разным причинам практически вышли из узуса такие номинации, как *падонки* (падонковская субкультура сегодня — факт истории рунета), *жж-исты* (платформа LiveJournal утратила популярность), *сетист*, *чайник* (как результат роста числа пользователей Интернета и повышения их компетенций).

С нашей точки зрения, при анализе интернет-лексики следует учитывать то, что сетевое общение имеет два взаимообусловленных денотативных аспекта. Во-первых, это элементы технологий, а во-вторых, собственно текстовые реалии, спровоцированные развитием данных технологий. Коммуникативное освоение различных платформ привело к формированию специфических жанров, и сейчас описание интернет-лексики не может это не учитывать. Так, понятие *лента* относится к новостному сайту, который является, исходя из традиционных представлений, средством массовой информации (СМИ), а *статус*, *обои*, *стена*, *пост* — это элементы социальных сетей, то есть принадлежат сфере межличностной интернет-коммуникации.

Итак, структура и частеречный состав лексико-семантического поля «межличностное общение в интернете» отражает характер самой денотативной сферы. Преобладание имен существительных в составе поля связано с «предметным» характером данной области.

Субстантивная зона поля «Межличностное общение в интернете». В процессе проведенного исследования было выделено 10 тематических классов имен существительных:

1. Типы программного обеспечения и интернет-платформ. В эту группу отнесены как типы платформ (*блог, микроблог, соцсеть*), так и их коммерческие названия (*Фейсбук, ВКонтакте, Инстаграм, Живой Журнал*). Последние подвержены узальной адаптации за счет использования аббревиации (*Живой Журнал* → *ЖЖ*, *ВКонтакте* → *ВК*) или же путем усечения основы (*Инстаграм* → *инста*, *Фейсбук* → *фейс*).

2. Типы коммуникантов и их статусов: *блоггер, френд, фолловер, флудер* и под. Поскольку статусы коммуникантов поддерживаются программно, они обозначаются англоязычными лексемами, но

параллельно используются русскоязычные номинации, обозначающие те же реалии. Последние могут появляться в результате семантического калькирования (*френд* → *друг*) или же отражать концептуализацию понятия в пределах русскоязычного узуса. Так, *фолловер* ('человек, в результате активации соответствующей опции получающий в автоматическом режиме информацию об обновлениях в аккаунте кого-л.') от англ. *follower* 'последователь, приверженец' имеет синоним *подписчик* (ср. *подписчик* — 'лицо, выписывающее себе какое-н. печатное издание' [Толковый словарь С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой]). Особые группы составляют неологизмы, образованные от коммерческих названий платформ, с семантическим инвариантом 'человек, имеющий аккаунт в соответствующей социальной сети, блоге и активно его использующий': *инстаграмищик*, *вконтактник*, *фейсбукник*, *фейсбуковец*, *гуглплюсник*, *гуглплюсовец*, а также наименования пользователей по характеру их речевого поведения: *флудер*, *флеймист*, *оффтопист* и т.д. (о последней группе см. ниже).

3. Тип сообщения: *пост*, *рипост*, *перепост*, *комментарий*, *статус*, *твит*. Следует указать на то, что ряд этих единиц (*пост*, *комментарий*, *статус* и под.) изначально называл программно поддерживаемые пользовательские опции, осуществляемые в отведенных для этого зонах ввода текста. Однако в результате коммуникативного освоения данных реалий лексемы фактически стали обозначать соответствующие типы посланий — особые «речевые жанры». Названия типов сообщений формируются также в результате коммуникативной адаптации названий платформ (*Twitter* — *твит*: Длина твита ограничена 140 символами Unicode [<https://lifehacker.ru/twitter-guide/>]; *Инстаграм* — *инста*: Я написал инсту потом удалил [https://vk.com/wall-70665401_57622?reply=57741&thread=57647]). Отметим многозначность лексемы *инста*, она также может обозначать саму платформу, ср. «Сижу, думаю писать в инсте пост об этом или нет» [twitter.com/_shastunishka_/status/929716948761481217] (здесь и далее сохранена орфография оригинала).

4. Средства навигации и организации доступа к информации (*поиск*, *меню*, *тэг*, *хэштег*, *геотег* и под.). В рамках поля «межличностное общение в интернете» данная группа лексики не является специфичной и характеризует интернет-коммуникацию в целом, поскольку средства навигации универсальны. Однако такая реалья, как *хэштег*¹, стала распространенной именно благодаря социальным сетям, в первую очередь *Twitter*.

¹ Хештег — особый тип ссылки, позволяющий тематически объединить сообщения разных пользователей; представляет собой ключевое слово или несколько слов (словосочетание, предложение), набранных без пробела после символа #.

5. Элементы интерфейса сайта (*стена, статусная строка* и т.д.). Границы данного тематического класса размыты, поскольку, с определенной точки зрения, все что пользователь видит на экране при открытии того или иного сайта — это элементы его интерфейса. Поэтому в состав данного тематического класса нами включены лексемы, обозначающие относительно независимые, графически выделенные области экранной поверхности, при обращении к которым возможна реализация определенных функций.

6. Формы самопрезентации (*ник, аватар, обои*). Данные лексемы обозначают реалии, позволяющие пользователю представить и персонализировать свою личность (реальную или виртуальную) при использовании конкретной платформы. Мы относим к данному разряду прежде всего те лексические единицы, которые обозначают специфические элементы оформления аккаунта, чей выбор осуществляется его держателем.

7. Доступность пользователя. Сюда относятся англоязычные заимствования *онлайн, офлайн*, а также их русскоязычные синонимы *в сети, не в сети*. Причем однозначное определение частеречной принадлежности *онлайн, офлайн* вызывает затруднение, ср.: «Вечером я буду в онлайн» (сущ.), «Вечером я буду онлайн» (наречие). Видимо, в данном случае следует констатировать омонимию. Отметим также, что русскоязычные номинации *в сети, не в сети*, синонимичные указанным англицизмам, не являются их кальками (англ. *online, offline* — ‘на линии’ ‘не на линии’). Вследствие этого словосочетания отражают концептуализацию интернета в современном русскоязычном дискурсе.

8. Формы объединения по интересам (*сообщество, группа, событие, мероприятие*). Данная лексика обозначает относительно стабильные формы контактов между участниками общения, обусловленные общностью интересов и / или наличием общих целей. Этот аспект межличностной интернет-коммуникации нивелирует ее отличия от групповой, исходя из принципов доэлектронных коммуникативных типов. Программные опции достаточно быстро адаптируются и начинают восприниматься пользователями как аналоги явлений, на которые используемые лексемы указывают в своих прямых производных значениях. Видимо, в связи с этим в данной группе практически не представлены англицизмы — номинации типа *комьюнити* (сообщество), *эвент* (событие) не являются распространенными.

9. Типы негативного речевого поведения (*флуд, флейм, троллинг, оверквотинг, оффтопик* и некоторые др.). Лексика данного класса, в отличие от предыдущей группы, представлена практически исключительно прямыми заимствованиями из английского языка,

словообразовательных и семантических дериватов от русских узуальных основ нами не выявлено. Адаптация данных лексем в русскоязычном узусе проявляется в словообразовательной активности заимствованных основ — от них регулярно производятся глаголы: *флудить, флеймить, троллить, оверквотить, офтопить*. Это объясняется тем, что изначально лексика данного класса обладает предекативной семантикой, т.е. указывает на определенное действие пользователя. Также развиваются новообразования, обозначающие производителей соответствующих действий: *флудогон, флудераст, флеймист, оверквотер, оверквотист, офтопер, тролль* и т.д. Последняя номинация, образованная от англ. *trolling* — ‘ловля рыбы на блесну’, подверглась псевдоэтимологизации и соотносится в ряде случаев с узуальной лексемой *тролль* (от шв. *Troll*) — ‘сверхъестественное существо из скандинавской мифологии’. Дериваты, обозначающие пользователя по характеру его поведения, нами отнесены к лексическому классу «Типы коммуникантов и их статусов» (см. выше).

10. Способы выражения одобрения / неодобрения. История формирования данной группы достаточно интересна и напрямую связана с характером интернет-коммуникации. С конца 1990-х годов в пределах определенных сетевых субкультур (прежде всего так называемые кашениты, падонки) стихийно вырабатывались языковые средства, позволяющие выполнить такую важную функцию межличностного общения, как возможность реакции на сообщение адресанта: *аффтар жжот, аффтар выпей йаду, пеши ищо* и под. Помимо выражения экспрессивной оценочности, подобные клишированные средства имели целью поддержание корпоративного единства. Сейчас этот письменный жаргон практически полностью сошел на нет. С появлением современных платформ межличностного общения ему на смену пришли англоязычные заимствования *лайк* и *дизлайк*, заданные на уровне программных интерфейсов. Они активно вошли в узус, что выражается в словообразовательной продуктивности: *лайкать / лайкнуть, дизлайкать / дизлайкнуть, лайкушка, лайкёнок, лайкерство, дизлайкер, дизлайкерша* и под.

Глаголы в пределах поля «Межличностное общение в интернете». Глагольные лексемы семантически и деривационно в существенной степени зависят от имен существительных, рассмотренных выше. Количество глаголов в пределах поля оценить достаточно сложно, поскольку они последовательно образуются от именных основ. Практически любая из них — потенциальный источник глагольного новообразования, причем в этом процессе могут быть задействованы как имена нарицательные (*френдить, лайкать, постить, хештегить* и т.д.), так и собственные (*фейсбукничать, однокласситься, вконтакничать* и др.). Помимо этого возможны глагольные новообразования

на основе англоязычных заимствований, соотносимыми с русскими узуальными лексемам, например, *статус* (от англ. *status*, применительно к интернету '1. Особое поле для публикации актуальной информации; 2. Высказывание или текст, размещенные в нем') → *статусничать*. Регулярность образования глаголов от именных основ, отсутствие каких-либо формальных и семантических ограничений в образовании дериватов, их естественное вхождение в узус — все это свидетельствует об огромном словообразовательном потенциале современного русского языка в именовании инновационных реалий.

Следует указать важную роль префиксации в формировании глагольной зоны поля. Окказионализмы возникают по мере коммуникативной адаптации соответствующих реалий, продуцируя парадигматические корреляции: «События стремительно происходят, а потому лучше перепостить, чем недопостить, так как важное можно пропустить» [URL: <http://www.sgvavia.ru/forum/107-4098-141>], «Наши френды всех пофрендят, перефрендят, выфрендят» [URL: <https://ateist66.livejournal.com/247954.html>], «Облайкай, облайкай меня!» [URL: <https://www.inpearls.ru/1013660>] и т.д.).

Еще один источник пополнения состава глаголов в пределах поля — семантическая деривация русскоязычных узуальных лексем. Это явление менее частотно, по сравнению со словообразованием, но тем не менее оно представляет интерес, поскольку может отражать концептуализацию того или иного понятия, например, *подмигнуть* — 'использовать функцию «Подмигивание» с целью привлечения внимание коммуниканта'; *дружить* — 'быть с кем-л. в статусе *друга*'; *раздрузжиться* — 'удалить кого-л. из списка *друзей*'.

Адъективная и адverbиальная зоны поля «Межличностное общение в интернете». Данные зоны исследуемого поля существенно менее развиты, чем состав существительных и глаголов. И в этом опять же следует видеть отражение денотативного характера сферы интернет-общения. Как было указано, лексика, в первую очередь, именует участников общения, их действия и те объекты, на которые эти действия направлены. Соответственно, характеристики субъектов и объектов (прилагательные), как и самих действий и состояний (наречия), не находятся в фокусе потенциальных высказываний, затрагивающих данную тематику.

Ввиду коммуникативной необходимости прилагательные могут окказионально образовываться от именных основ в пределах поля, заимствованных и узуальных (в последнем случае возможна как словообразовательная, так и семантическая деривация): *фейсбуковый*, *френдовый*, *хештеговый*, *инстаграмный*, *эвентовый*; *постовый*, *менюшный*; *статусный*, *дружеский* и под.

Что касается *наречий*, то общеупотребительными в пределах интернет-дискурса являются лишь два: *онлайн*, *офлайн* (как было отмечено выше, эти заимствования могут функционировать и как существительные). Однако, подобно глаголам и прилагательным, наречия окказионально образуются от заимствованных основ, прежде всего названий платформ: «Нормально плюс инстаграмно равно формула успеха современного ресторана» [URL: <http://www.yapokupayu.ru/blogs/post/dmitriy-levitskiy-instagramno-plyus-normalno-formula-uspeha-sovremennogo-restorana>], «Работает оно как всегда, тока в блоге. Развлекайтесь. Свой пункт тоже есть, но старайтесь писать там твиттерно, он много букв не переносит» [URL: <https://dahr-blog.livejournal.com/918613.html>], отмечены также наречия с по-: *по-фейсбукovski*, *по-инстаграмному*, *по-твиттерному* и др. Образование наречий от коммерческих названий платформ свидетельствует о том, что в результате коммуникативного освоения конкретного программного продукта происходит формирование особой стилистики, например, *твиттерно*, *по-твиттерному*, *по-твиттерски* — ‘лаконично, кратко’, *инстаграмно* — ‘внешне красиво, в сопровождении эффектных фотографий’ и под.

Итак, проведенное исследование позволило выявить состав и структуру лексического материала в пределах семантического поля «межличностное общение в интернете», а также уточнить само это понятие. Это актуальный лексический материал, требующий изучения и систематизации. При его описании следует учитывать как реалии платформ, поддерживающих межличностное общение в интернете, так и то, каким образом они осмысляются пользователями как коммуникативные явления. Поскольку интернет-общение характеризуется денотативной инновационностью, лексика данной формируется в результате неологических процессов на основе заимствования, словообразовательной и семантической деривации. Активность формирования поля иллюстрирует значительный потенциал современного русского языка в области именования инновационных реалий.

Список литературы

1. Андрианов М.С. Невербальная коммуникация: психология и право. М., 2007. 256 с.
2. Галичкина Е.Н. Лингвосемиотические параметры компьютерной коммуникации // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, 2010. Вып. 1. № 3. С. 179–186.
3. Дедова О.В. О языке Интернета // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2010. № 3. С. 25–38.

4. *Карпов Э.С.* Функционирование сленга в дискурсе интернет-коммуникаций: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2016.
5. *Конецкая В.П.* Социология коммуникаций. М., 1997.
6. *Петрухина Е.В., Дедова О.В.* Интернет как источник лингвистической информации (для изучения динамики русского словообразования) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 57. С. 137–159.
7. Русский язык в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура. Сборник статей I Международной научно-практической конференции. Москва, РУДН, 8–9 февраля 2017 г. / Под общ. ред. А.В. Должиковой, В.В. Барабаша; ред. колл. Г.Н. Трофимова, С.С. Микова, С.А. Дерябина. М., 2017. 544 с.
8. Словарь социолингвистических терминов. М., 2006.
9. Словарь языка интернета.ru / Под ред. М.А. Кронгауза. М., 2016.
10. Современный русский язык: Система — норма — узус / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М., 2010.
11. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складчиковой. М., 2006.
12. *Факов В.Я.* Язык Интернета. Англо-русский словарь. М., 2009.
13. *Формановская Н.И.* Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М., 2007. 480 с.
14. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1998. 432 с.
15. *Якубинский Л.П.* Избранные работы: язык и его функционирование. М., 1986.

Olga Dedova, Li Yang

THE COMPOSITION AND STRUCTURE OF THE LEXICAL-SEMANTIC FIELD 'INTERPERSONAL COMMUNICATION IN THE INTERNET'

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article expounds the concept of interpersonal communication in the Internet. Neological units that name the realities of this sphere are represented in modern dictionaries fragmentarily and inconsistently. Moreover, this topical and important lexical material requires study and systematization. When describing it, one should take into account both the characteristics and options of the platforms that support interpersonal communication in the Internet and the way they are interpreted by users as communicative phenomena. The study of this vocabulary is complicated by the rapid pace and scale of the development of communicative technologies, the spontaneity of neological processes associated

with the need to define innovative realities. The structure and the part-of-speech composition of the lexical-semantic field ‘interpersonal communication in the Internet’ show the nature of the denotative sphere. The predominance of nouns in the field is related to the ‘subject’ character of this field; verbs, adjectives and adverbs within it, as a rule, are formed as a result of word-formation derivation of the nominal stems. The active formation of this field demonstrates its enormous potential in modern Russian in terms of word-formation, assimilation of borrowings, and conceptualization of new facts of life.

Key words: interpersonal communication in the Internet; Internet communication platforms; Runet neology; principles of describing Internet vocabulary.

About the authors: *Olga Dedova* — Prof. Dr., Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ov-dedova@yandex.ru); *Li Yang* — PhD Student, Department of Russian Linguistics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: yoyo19930201@gmail.com).

References

1. Andrianov M.S. Neverbal'naya kommunikatsiya: psikhologiya i pravo [Non-verbal Communication: Psychology and Law]. Moscow, *Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ.*, 2007. 256 p. (In Russ.)
2. Galichkina E.N. Lingvosemioticheskie parametry komp'yuternoi kommunikatsii [Linguosemiotic parameters of computer communication], *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 2010. Vyp. 1. № 3, pp. 179–186. (In Russ.)
3. Dedova O.V. O yazyke Interneta [About the language of the Internet]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*. 2010. № 3, pp. 25–38. (In Russ.)
4. Karpov E.S. *Funktsionirovanie slenga v diskurse internet-kommunikatsii* [The functioning of slang in the discourse of Internet communications]. AKD. Moscow, 2016. (In Russ.)
5. Konetskaya V.P. Sotsiologiya kommunikatsii [Sociology of Communications]. Moscow, *Mezhdunarodnyi universitet biznesa i upravleniya Publ.*, 1997. (In Russ.)
6. Petrukhnina E.V., Dedova O.V. Internet kak istochnik lingvisticheskoi informatsii (dlya izucheniya dinamiki russkogo slovoobrazovaniya) [The Internet as a Source of Linguistic Information (for Studying the Dynamics of Russian Word Formation)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2019, № 57, pp. 137–159. (In Russ.)
7. Russkii yazyk v Internete: lichnost', obshchestvo, kommunikatsiya, kul'tura [Russian language on the Internet: personality, society, communication, culture]. Sbornik statei I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Moskva, RUDN, 8–9 fevralya 2017 g., pod obshch. red. A.V. Dolzhikovoi, V.V. Barabasha; red. kol. G.N. Trofimova, S.S. Mikova, S.A. Deryabina. Moscow, *RUDN Publ.*, 2017. 544 p. (In Russ.)
8. Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov [Dictionary of Sociolinguistic Terms]. Moscow, *Rossiiskaya akademiya nauk. Institut yazykoznaniya Publ.*, 2006. (In Russ.)

9. Slovar' yazyka interneta.ru [Dictionary of Internet language.ru] / pod red. M.A. Krongauza. Moscow, *AST-PRESS KNIGA Publ.*, 2016. 287 p. (In Russ.)
10. Sovremenniy russkii yazyk: Sistema — norma — uzus [Modern Russian language: System — Norm — Language usage], In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova RAN. Moscow, *Yazyki slavyanskii kul'tur Publ.*, 2010. (In Russ.)
11. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka. Aktual'naya leksika [Dictionary of the Russian language of the beginning of the XXI century. Actual vocabulary], pod red. G.N. Sklyarevskoi. Moscow, *Eksmo Publ.*, 2006. (In Russ.)
12. Fakov V.Ya. Yazyk interneta. Anglo-russkii slovar' [Internet language. English-Russian dictionary]. Moscow, *Mezhdunar. otnosheniya Publ.*, 2009. (In Russ.)
13. Formanovskaya N.I. Rechevoe vzaimodeistvie: kommunikatsiya i pragmatika [Speech Interaction: Communication and Pragmatics]. Moscow, *Ikar Publ.*, 2007. 480 p. (In Russ.)
14. Eko U. Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu [The absent structure. Introduction to Semiology]. St. Petersburg, *TOO TK "Petropolis" Publ.*, 1998. 432 p. (In Russ.)
15. Yakubinskii L.P. Izbrannye raboty: yazyk i ego funktsionirovanie [Selected works: language and its functioning]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1986. (In Russ.)

А.В. Уржа

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДЕЙКТИКОВ
В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ РОМАНА МАРКА ТВЕНА
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА СОЙЕРА»**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Значительная часть романа “The Adventures of Tom Sawyer” представляет собой субъективированный нарратив, где точка зрения повествователя сближается с позицией того или иного персонажа, а также свободный косвенный дискурс, где третье лицо, по выражению Е.В. Падучевой, «обладает всеми правами первого». Вследствие этого специфическую художественную нагрузку в повествовании получает зона персонажного дейксиса, локализуя дейктический центр нарратива во времени и пространстве событий, происходящих с героями романа. Наряду с аукториальным дейксисом, реализованным в повествовательной «рамке» произведения, персонажный дейксис получает разнообразное воплощение в русских переводах текста, созданных с конца XIX по начало XXI в. Материалом исследования стали пять русских переводов романа, выполненных С. Воскресенской (1896), М. Энгельгардтом (1911), К. Чуковским (1935–1958), Н. Дарузес (1948) и С. Ильиным (2011). В статье охарактеризован ряд тенденций использования дейктиков в переводах, выделены три основных контекста их интерпретации, описаны языковые средства, работающие в «функциональной связке» с дейктиками в каждом из контекстов. Статистический анализ, наряду с изучением семантического и лексико-грамматического устройства текстов, позволяет определить как общие закономерности интерпретации дейктиков, так и индивидуальные особенности их использования переводчиками. В контексте зарубежных исследований эффекта «приближения» / «дистанцирования» нарративной перспективы при переводе дейктиков, в статье рассмотрены явления пропуска и вставки переводчиками дейктических слов. В ряде переводов обнаруживается специфический эффект конденсации дейктиков вкупе с другими средствами субъективизации повествования — точка зрения героя максимально «приближается» к читателю.

Ключевые слова: дейксис; дейктический центр; субъективизация; перевод; Марк Твен.

Уржа Анастасия Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: aourja@gmail.com).

Изучение интерпретации слов с дейктической семантикой при переводе нарратива — один из ракурсов анализа семантических преобразований текста, выявления особенностей исходного и принимающего языков, а также дополнительного исследования функций самих дейктиков, традиционно помещаемых в начале списка эгоцентрических языковых средств (К. Бюлер, Б. Расселл, Э. Бенвенист, Ю.Д. Апресян, Е.В. Падучева и др.). В отличие от диалога в сфере повествования мы имеем дело с так называемым вторичным, или нарративным дейксисом, не связанным непосредственно с речевой ситуацией [Апресян, 1986], «ориентиром» для отсчета дейктических смыслов может становиться позиция то одного, то другого текстового субъекта (некоторые ученые относят эти явления к сфере дейктических проекций [Lyons, 1977]). При этом и в нарративе функционирование дейктических слов осуществляется по-разному в рамках так называемого аукториального дейксиса, отсылающего к позиции создателя текста, и персонажного дейксиса, в частности, в контексте несобственно-прямой речи, где дейктический центр повествования [Levinson, 1983] «сдвигается», переориентируясь на «фокального» героя.

Функциональные лингвистические исследования переводных текстов, касающиеся проблем интерпретации дейктиков в нарративе [Mason, Şerban, 2004; Goethals, De Wilde, 2009], выносят на обсуждение гипотезы о тенденциях к «приближению» / «дистанцированию» повествования по отношению к читателю в результате переводческих преобразований в этой сфере. Однако эти исследования проводились не на русскоязычном материале. Объектом нашего анализа стали пять русских переводов романа Марка Твена «Приключения Тома Сойера»¹, в котором третьеличный нарратив, формально принадлежащий повествователю, расцветивается при помощи приема субъективизации — «охвата частей повествования экспрессией или личной точкой зрения какого-нибудь лица (рассказчика, персонажа и т.п.)» [Виноградов, 1971: 189]. Зарубежные исследователи романа привлекают для описания этого феномена в романе Твена представление о полифонии и концепцию двуголосого слова М.М. Бахтина [Sewell, 1987; Lynch, 2006]. В субъективированном повествовании, дающем читателю возможность взглянуть на происходящее глазами героев, приобщиться к их мыслям и ощущениям, роль дейктиков весьма высока. Цель данной статьи — сопоставить приемы интерпре-

¹ Переводы романа (выполненные С. Воскресенской (1896), М. Энгельгардтом (1911), К. Чуковским (редакции 1935–1958 гг.), Н. Дарузес (1948) и С. Ильиным (2011)) созданы на протяжении чуть более столетия, их сопоставительный анализ относительно оригинала с необходимостью опирается на данные словарей и грамматик времени создания каждого из текстов.

тации дейктиков в пяти переводах относительно оригинала, изучая дейктические слова в тесной связи с их окружением.

Кратко коснемся научного контекста исследования. Я. Мейсон и А. Шербан на материале корпуса нарративных текстов (11 повестей и рассказов XX в.), переведенных с румынского языка на английский, выявили и охарактеризовали последовательные изменения дейктических показателей. Ученые установили, что читатель переводов меньше вовлечен в хронотоп происходящего в нарративе, чем читатель оригинала. В изученных текстах была обнаружена устойчивая тенденция к замене приближающих дейктических элементов ('proximals') на дистанцирующие ('distals'), опущению приближающих и добавлению дистанцирующих элементов [Mason, Șerban, 2004: 277–279]. Авторы отметили, что все обнаруженные замены не были обусловлены расхождением языковых систем, переводчик в каждом случае мог сделать и другой выбор, но предпочел именно это решение. Объектом анализа стали английские и румынские дейктические наречия, указательные местоимения², а также формы настоящего исторического и прошедшего нарративного. Исследователи подтвердили статистические подсчеты лингвистическим разбором фрагментов текста, подчеркивая, что выбор дейктического элемента — результат сложного процесса интерпретации перспективы оригинального произведения переводчиком. П. Гуталс и Дж. Де Вилде, опираясь на корпус голландских текстов и их испанских переводов, установили, что их материал не демонстрирует столь явной тенденции к дистанцированию (или напротив, приближению) точки зрения на события в рамках целого корпуса. Однако для каждого из выбранных произведений авторы смогли обнаружить определенные закономерности в передаче дейктических смыслов, связанные с особенностями перспективы оригинального текста и переводческими приемами ее воссоздания [Goethals, De Wilde, 2009: 643].

Учитывая результаты данных исследований, можно полагать, что дистанцирование / приближение — это явление, обусловленное как текстовыми, так и языковыми факторами. На уровне текста переводчик интерпретирует перспективу повествования, воспроизводит (или изменяет) прагматический эффект приближения / отчуждения читателя от представленной в тексте точки зрения. На языковом же уровне существуют пока еще не исследованные в комплексе тенденции к более или менее активному использованию в нарративе

² Я. Мейсон и А. Шербан не проводят четкого разграничения между дейксисом и анафорой, что, возможно, неизбежно для сферы нарративного дейксиса, ср.: «Дейктические слова в этом случае используются для изображения чужого сознания и имеют, как правило, анафорическую или катафорическую функцию» [Апресян, 1997 (1986): 276].

приближающих / дистанцирующих элементов, обусловленные их большей или меньшей распространенностью, маркированностью, стилистической нагруженностью [Муковский, 2015; Мельник, 2017; и др.]. В своем анализе мы будем учитывать как языковые, так и текстовые факторы интерпретации дейктиков в переводе.

Дейктики, использованные в речи повествователя в романе «Приключения Тома Сойера», можно представить в виде двух групп. Первая реализует аукториальный дейксис (например: «Вопиющей неискренности этих назиданий явно не хватало для того, чтобы изгнать моду на них из школы; не хватает ее и *ныне*, да, верно, покуда стоит наш мир, так и не хватит». — Пер. С. Ильина), вторая — дейксис персонажный, сопряженный с субъективизацией («Носить воду из городского колодца раньше казалось Тому скучным делом, но *сейчас* он посмотрел на это иначе». — Пер. Н. Дарузес).

Аукториальный дейксис представлен персональной и темпоральной сферой, при этом случаи его введения в оригинальный текст романа немногочисленны (соответственно 7 и 11). Все аукториальные дейктики легко опознаются и адекватно интерпретируются переводчиками: эти элементы играют важную роль в конструировании рамки повествования: «*Я* видел однажды более благовоспитанный церковный хор, однако *теперь* уж забыл — где именно. *С той поры* столько лет прошло, что *я* почти ничего и не помню, — по-моему, это случилось *со мной* в какой-то чужеземной стране». — Пер. С. Ильина; «А за десять желтых директор давал ученику Библию в простеньком переплете (стоившую сорок центов *в те* блаженные *времена*)» — Пер. М. Энгельгардта). Однако они остаются единичными вкраплениями на фоне объемной зоны **персонажного дейксиса**, подвергающейся значительно более разнообразной переводческой интерпретации.

Персонажные дейктики появляются в контекстах, призванных привлечь особое внимание читателя: это напряженно переживаемые героями моменты сюжета, причем повышение субъективизации всегда связано с усилением значимости события именно для носителя точки зрения. Такие контексты можно разделить на три основных типа:

1. Контексты, в которых реализуется **перцептивный модус** (63 фрагмента). В этих фрагментах конструируется дейктический центр, занимая который читатель видит или слышит происходящее вместе с героем или с условным «наблюдателем», находящимся в хронотопе повествования. Такие текстовые фрагменты оформлены в репродуктивном регистре, они наполнены частно- и общеперцептивной лексикой [Золотова и др., 2004: 425], глаголами восприятия. Интерпретируя эти контексты, переводчики задействуют средства,

имеющие не столько семантическое, сколько функциональное сходство:

Таблица 1

Now the raft was passing before the distant town. Two or three glimmering lights showed where it lay, peacefully sleeping, beyond the vague vast sweep of star-gemmed water, unconscious of the <i>tremendous event</i> that was happening.	Плоть плыть уже мимо поселка, лежавшаго въ отдаленіи. Три или четыре мерцавшіе огонька указывали, гдѣ онѣ находится, покоясь въ мирномъ снѣ, опоясанный мгlistою водною ширью съ отражавшимися въ ней звѣздами, и не вѣдая ничего о совершающемся <i>роковомъ дѣль</i>... — Пер. С. Воскресенской)
	Теперь плот проходил мимо Сент-Питерсберга. Два-три мерцающих огонька виднелись там, где над широкой туманной гладью реки, усеянной отражающимися звездами, дремал городок, не подозревая о том, какое <i>важное</i> совершается <i>событие</i>. — Пер. Н. Дарузес)
	Как раз в это время они проходили мимо <i>своего</i> городка, который был теперь так далеко. Городок мирно спал. <i>Только</i> по двум—трем мерцающим огонькам можно было угадать, где он лежит — над широким туманным простором воды, усеянной алмазами звезд. Спящим жителям и в голову не приходило, какое <i>великое событие</i> совершается в эту минуту. — Пер. К. Чуковского
	<i>Вскоре</i> на дальнем берегу показался городок. <i>Лишь</i> паратройка мерцающих огоньков указывала, где он раскинулся, мирно спящий за огромным, смутным, усыпанным звездами простором воды, ничего не ведающий о свершающемся на реке <i>великом событии</i>. — Пер. С. Ильина

Слова, реализующие темпоральный и пространственный персональный дейксис (см. жирный шрифт), представлены в каждой из версий разными наборами. В переводе С. Воскресенской позиция наблюдателя локализуется только при помощи оборота *в отдалении*, Н. Дарузес использует не только показатель *там*, но и *теперь*, К. Чуковский вводит целых два темпоральных указателя, ориентированных на момент восприятия (*в это время*, *в эту минуту*), эмоционально усиливая пространственный показатель *так далеко*, С. Ильин использует обороты с пространственным значением (*на дальнем берегу*, *за простором воды*). Три переводчика из четырех привлекают формы настоящего времени. Использование дейктиков поддерживается различными авторизующими глаголами (у Чуковского еще и возвратным притяжательным местоимением) (жирный курсив), а также оборотами с оценочной семантикой, принадлежащими уже сфере ментального модуса (простой курсив), которые вкуче позволяют читателю определить носителя точки зрения — он появляется уже в следующем предложении: «Черный Мститель все еще стоял со скрещенными на груди руками, «бросая последний взгляд» на те места, где он когда-то был счастлив, а потом страдал» (Н. Дарузес).

Разметка примеров показывает, что переводчики используют разное количество средств субъективизации в одном и том же фрагменте, при этом большинство из них (3 из 4) повышают количество таких средств по сравнению с оригиналом (наибольшая «конденсация» субъективирующих приемов наблюдается у К. Чуковского, наименьшая — у С. Воскресенской). Данный пример иллюстрирует устойчивую закономерность: при интерпретации перцептивных контекстов в русских переводах дейктики активно взаимодействуют с «поддерживающими» их авторизирующими словами, отсылающими к наблюдателю, и общее количество таких элементов сохраняется или возрастает. Таким образом изначально субъективированный в оригинале фрагмент в переводах удерживает это свойство, а у ряда переводчиков проявляет его «сконденсированно», что способствует его выдвиганию, привлекает внимание читателя.

2. Контексты, в которых доминируют **ментальный и эмотивный** модусы (82 фрагмента). Дейктический центр локализуется в сознании героя в момент, когда он испытывает то или иное чувство или его посещает идея, догадка. Фрагменты оформляются в информативном регистре, они насыщены эмотивной и оценочной лексикой. Например, слово *here* появляется в следующих эпизодах: директор воскресной школы торжественно вручает Тому Библию, но не может отделаться от ощущения, что «здесь кроется какая-то темная тайна» / “there was a mystery *here*” (пер. К. Чуковского); Альфред Темплер находит книгу Тома и заливает ее чернилами: «вот удобный случай!» / “*here* was his opportunity” (пер. К. Чуковского); Том и Гек радуются тому, что узнали, где индеец Джо спрячет деньги: «О таком счастье любой искатель сокровищ мог только мечтать — теперь им не придется строить утомительные догадки насчет того, где лучше копать» / “*Here* was treasure-hunting under the happiest auspices — there would not be any bothersome uncertainty as to where to dig” (пер. С. Ильина) и т.п.

Анализируя приведенные выше фрагменты русских переводов, нетрудно заметить, что в них по преимуществу воспроизводится не конкретный смысл дейктического слова, а **его субъективирующая функция**, которая может реализоваться при помощи **вкрапления другого дейктика**, см. выше примеры переводов с *вот* (у К. Чуковского) или *теперь* (у С. Ильина), с заменой прошедшего времени на настоящее. Именно в этом типе контекстов в роли функционального «компенсатора» дейктика могут выступать слова с оценочным и эмотивным значением — они так же повышают субъективизацию повествования в рамках выбранной точки зрения. Сравним на первый взгляд очень разные варианты перевода последней фразы фрагмента: “Tom lay thinking. Presently it occurred to him that he wished he was sick;

then he could stay home from school. **Here was a vague possibility**". / «Том полежал, размышляя. И в конце концов, ему пришло в голову, что неплохо было бы заболеть — тогда он ни в какую в школу не пойдет, а останется дома. **Хиловатая, но все же возможность**». (Пер. С. Ильина) Ср.: «**Перед ним смутно забрезжил какой-то выход**». (Пер. Н. Дарузес). Идея, посетившая Тома, сразу интерпретируется им самим — она сулит возможность добиться успеха, хотя и неясную, слабую. В переводе С. Ильина эта субъективная интерпретация отражается в эмоционально окрашенной конструкции с предложением *но* (прагматически усиливающим значимость второго компонента сочетания) и с оценочным словом *хиловатая*, реализующим не только психологическую, но и фразеологическую точку зрения Тома (по Б.А. Успенскому). Н. Дарузес создает субъективизацию совершенно иным способом: у неё появляется метафора *перед ним забрезжил какой-то выход*, где изначально перцептивный контекст с авторизирующим глаголом и неопределенным местоимением переосмысливается для обозначения слабой надежды. Итак, дейктики в русских переводах контекстов ментального и эмотивного модуса либо активно взаимодействуют с другими эгоцентрическими элементами, реализующими ту же функцию повышения субъективизации повествования, либо даже замещаются ими.

3. Контексты **несобственно-прямой речи** (12 фрагментов) отличаются от предыдущей группы контекстов в языковом плане: слова и конструкции в них максимально индивидуализированы. В таких случаях «персонаж “узурпирует” эгоцентрический пласт языка — как дейктическую, так и экспрессивно-диалогическую области», а на месте повествователя «возникает особая фигура, невозможная ни в разговорном дискурсе, ни в традиционном нарративе — 3-е лицо, которое обладает всеми правами 1-го» [Падучева, 2010: 337]. Фрагменты с несобственно-прямой речью обладают повышенной эмотивной плотностью (по В.И. Шаховскому). Неудивительно, что русские переводчики, помимо разнообразных дейктиков (жирный шрифт) и слов с эмотивно-оценочной семантикой используют в них экспрессивно-коммуникативные модификации [Золотова и др., 2004: 197, 205] синтаксических конструкций (курсив). Количество дейктиков во всех русских переводах превышает представленное в оригинале³, формы времени ориентированы на момент размышлений героя: «Ну **вот**, **возьмите хоть эту девчонку**. **Что он ей такого сделал? Да ничего**. Ведь он желал ей только добра, а она обошлась с

³ Например, переводчики (в том числе и С. Ильин) используют слово *завтра* там, где в оригинале стоит оборот *the next morning*: “Yes, it was settled; his career was determined. He would run away from home and enter upon it. He would start the very next morning. Therefore he must now begin to get ready”.

ним, как с собакой — как с самой последней собакой. *Ладно, она еще пожалеет об этом — да только поздно будет.* <...> *Что если он, вот сию же минуту, отвергнет все и исчезнет, да еще и самым загадочным образом? Что если он уйдет — далеко-далеко, в неведомые заморские страны — и никогда не вернется назад?! Как ей это понравится, а?* <...> Да, решено, он определил поприще своей жизни. Пора бежать отсюда и вступить на него. *Вот он прямо завтра с утра и сбежит.* И стало быть, **сейчас** ему следует начать подготовку к исполнению этого замысла». — Пер. С. Ильина.

Русские переводчики используют и слово *сегодня*, которое ни разу не встречается в оригинале в сфере персонажного дейксиса. Поскольку это слово является первичным эгоцентриком, т.е. «привязано» только к речевому режиму интерпретации и свободному косвенному дискурсу [Падучева, 2017], то в результате в переводах расширяется зона несобственно-прямой речи, точка зрения героев еще больше приближается к читателю:

Таблица 2

He had shoes on — and it was only Friday.	На ногах у него были башмаки, даром, что сегодня еще только пятница. — Пер. К. Чуковского
Then Tom marched out of the house and over the hills and far away, to return to school no more that day .	Том, громко топая, покинул класс и направился к холмам, а там и за них, решив, что в школу сегодня не вернется. — Пер. С. Ильина
In fact, everything seemed to be drifting just in the right direction, now; the treasure must be still in No. 2, the men would be captured and jailed that day , and he and Tom could seize the gold that night without any trouble or any fear of interruption.	Да, дела как будто складываются очень неплохо: сундучок, должно быть, до сих пор остается в номере втором, обоих негодяев поймают сегодня же и посадят в тюрьму, а нынче ночью он и Том без хлопот, никого не боясь, пойдут и захватят все золото. — Пер. К. Чуковского

Слово *сегодня* заменяет оригинальные обороты с указательным местоимением *that day* (тот день), вместо прошедшего времени используется презенс. Налицо **замены дистанцирующих темпоральных показателей приближающими**. Однако не все русские переводы произведения демонстрируют подобные явления с одинаковой частотой. Существуют **индивидуальные особенности каждой версии**, связанные с подходом переводчика к передаче субъективированных контекстов. Эти особенности демонстрирует статистическая таблица, составленная по пяти полным текстам переводов романа. В таблице представлено общее количество основных и наиболее распространенных элементов персонажного дейксиса, а также нескольких сочетаний с «приближающими» указательными местоимениями (proximals):

в это время, в этот момент, в эту минуту, которые используются в переводах для локализации события во времени с точки зрения персонажа и конкурируют с классическими дейктиками:

Таблица 3

	сегодня	сейчас	нынче	теперь	здесь	тут	вот	в это время	в этот момент	в эту минуту	
Воскресенская	0	2	0	57	22	46	13	0	0	0	140
Энгельгардт	4	1	0	43	11	24	16	4	1	6	110
Дарузес	1	9	3	62	11	32	20	6	0	7	151
Чуковский	4	10	4	65	10	31	32	10	0	10	186
Ильин	4	17	0	57	14	33	36	3	3	0	167

Статистический анализ показывает, что Н. Дарузес, К. Чуковский и С. Ильин используют в целом больше дейктиков, чем С. Воскресенская и М. Энгельгардт. При этом максимальное количество элементов персонажного дейксиса с темпоральным и пространственным значением обнаруживается в переводе К. Чуковского⁴. Действительно, именно у Чуковского мы, разбирая фрагменты, приведенные выше, наблюдали наибольшую конденсацию субъективирующих средств, в том числе и дейктиков: фокализация в его переводе становится более интенсивной.

Интересно, что вариант Чуковского превышает все остальные и по количеству форм нарративного презенса, заменившего оригинальное прошедшее время. Приведем пример одного из фрагментов описания драки мальчиков, где именно у К. Чуковского прошедшее время заменено настоящим: «С ненавистью глядя друг на друга, они *начинают* что есть силы толкаться. Но победа не *дается* ни тому, ни другому. *Толкаются* они долго. Разгоряченные, красные, они по-немногу *ослабляют* свой натиск, хотя каждый по-прежнему *остается* настороже <...>». Известно, что пособия по английской стилистике рубежа XIX–XX вв. советовали авторам не злоупотреблять использованием форм настоящего времени в повествовании о прошлом, тогда как русские переводчики вводили их более свободно (см. подробнее [Urzha, 2016]). К. Чуковский добавлял их при каждой правке перевода романа (с 1935 по 1958 г.). Так, например, в первой главе количество предложений с настоящим нарративным у К. Чуковского в ходе редактирования выросло с 19 до 39, при том что у М. Энгельгардта их 4, у С. Воскресенской 6, у Н. Дарузес 6, у С. Ильина 12.

⁴ Подчеркнем, что речь идет о последнем доработанном прижизненном издании перевода Чуковского 1958 г., Корней Иванович редактировал текст романа несколько раз, см. [Уржа, 2017].

Здесь мы можем говорить о намеренном создании переводчиком эффекта «приближения» повествования к читателю.

Итак, в русских переводах романа Марка Твена, где события, впечатления и размышления персонажей охвачены повествовательной рамкой, четко различаются аукториальный и персонажный дейксис. Элементы аукториального дейксиса немногочисленны, но играют в тексте важную композиционную роль, они легко опознаются и адекватно воспроизводятся в переводах. Персонажный дейксис реализуется в сфере субъективированного повествования, обладающего повышенной эмотивной плотностью, в переводах он тесно взаимодействует с контекстом, содержащим другие эгоцентрики. Мы выделили три основных типа таких контекстов: это контексты с перцептивным модусом, с ментальным и эмотивным модусом и с несобственно-прямой речью. Текстовый анализ выявляет установку переводчиков не на воспроизведение смысла дейктического слова, а на передачу его субъективирующей функции, которая может реализоваться при помощи вкрапления другого дейктика или использования «поддерживающего окружения» — увеличения количества авторизирующих глаголов, перцептивной лексики, оценочно-эмотивной лексики, показателей неожиданности, экспрессивных конструкций (в зависимости от типа контекста).

Функциональное взаимодействие персонажных дейктиков с другими типами эгоцентриков мы наблюдаем у всех переводчиков, но у Н. Дарузес, С. Ильина и особенно у К. Чуковского — средства субъективизации концентрируются, представляя более интенсивную фокализацию, выдвигая фрагменты на первый план повествования. Результатом добавления дейктиков в текст при переводе также становится расширение зоны несобственно-прямой речи. В этих случаях можно зарегистрировать «приближающий» эффект при переводе повествования, которое уже и так субъективировано в оригинале — события максимально «выдвигаются» к читателю, нарратив активно завладевает нашим вниманием.

Список литературы

1. *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. 1986. С. 5–33.
2. *Виноградов В.В.* О теории художественной речи. М., 1971.
3. *Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
4. *Мельник О.Г.* Роль дейксиса в интерпретации художественного произведения // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 46. С. 31–42.

5. Муковский О.Л. Количественные и функциональные характеристики анафоры и дейксиса в английском, испанском и русском языках // *Научное мнение*. 2015. № 2. С. 47–59.
6. Падучева Е.В. Семантические исследования. 2-е изд. М., 2010.
7. Падучева Е.В. Эгоцентрические языковые единицы. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 22.07.2019).
8. Уржа А.В. Семантика и прагматика подстрочных комментариев в русских переводах «Приключений Тома Сойера» // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология*. 2017. № 1. С. 52–70.
9. Goethals P., De Wilde J. Deictic Center Shifts in Literary Translation: the Spanish Translation of Nooteboom's *Het Volgende Verhaal* // *Meta*. 2009. 54 (4). P. 770–794.
10. Levinson S. *Pragmatics*. Cambridge, 1983.
11. Lynch P. Not Trying to Talk Alike and Succeeding: The Authoritative Word and Internally-Persuasive Word in Tom Sawyer and Huckleberry Finn // *Studies in the Novel*. 2006. Vol. 38, No. 2. P. 172–186.
12. Lyons J. *Semantics*. Cambridge, 1977.
13. Mason I., Șerban A. Deixis as an Interactive Feature in Literary Translations from Romanian into English // *Target*. 2004. 15 (2). P. 269–294.
14. Sewell D.R. *Mark Twain's Languages: Discourse, Dialogue, and Linguistic Variety*. California, 1987.
15. Urzha A.V. The foregrounding function of praesens historicum in Russian translated adventure narratives (20th century) // *Slověne = Словъне. International Journal of Slavic Studies*. 2016. Vol. 5. No. 1. P. 226–248.

Anastasia Urzha

DEICTIC WORDS IN RUSSIAN TRANSLATIONS OF MARK TWAIN'S 'THE ADVENTURES OF TOM SAWYER'

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The substantial part of the novel 'The Adventures of Tom Sawyer' is a focalized 3rd person narrative, where the point of view of the hero is presented by the narrator. The text also includes many fragments of free indirect discourse. The deictic elements thus acquire an important role in shifting the deictic center to the here-and-now of the protagonist. The conventional author's deixis, referring to the time frame of creating the text, also exists in the novel. The research was focused on the use of deictic elements in five Russian translations made by S. Voskresenskaya (1896), M. Engelhardt (1911), K. Chukovsky (1958), N. Daruzes (1948) and S. Ilyin (2011). Functional analysis was used in the research

combining quantitative and qualitative methods. In general, the author's deixis in translations is easily and correctly reconstructed, whereas the heroes' deixis in the focalized fragments gets diverse interpretations. Translators often add the deictic words, they may also omit or change them but in these cases other egocentric elements, such as words denoting perception, thought and evaluation, awareness or unexpectedness, etc. are employed to support or compensate for the focalizing function of deixis. K. Chukovsky, N. Daruzes, and S. Ilyin use more deictic words than earlier translators, the shifts from distals ('that day') to proximals ('today'), from past to present narrative tense can be detected in their texts, especially in the last translated version made by K. Chukovsky. The 'approximating' effect, drawing the attention of the reader, is created in later translations by 'condensing' deictic and other egocentric words in the fragments presenting the protagonist's point of view.

Key words: deixis; deictic centre; free indirect discourse; translation; Mark Twain.

About the author: *Anastasia Urzha* — PhD, Associate Professor, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: aourja@gmail.com).

References

1. Apresyan Yu.D. Deiksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira [Deixis in lexis and grammar and naive model of the world]. *Semiotika i informatika* [Semiotics and informatics], 1986, 28, pp. 5–33. (In Russ.)
2. Vinogradov V.V. *O teorii khudozhestvennoi rechi*. [About the theory of literary speech]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1971. 240 p. (In Russ.)
3. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 2004, 544 p. (In Russ.)
4. Mel'nik O.G. Rol' deiksisa v interpretatsii khudozhestvennogo proizvedeniya [The role of deixis in the interpretation of a literary text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. [Bulletin of Tomsk State University. Philology], 2017, 46, pp. 31–42. (In Russ.) DOI: 10.17223/19986645/46/3
5. Mukovskii O.L. Kolichestvennye i funktsional'nye kharakteristiki anafory i deiksisa v angliiskom, ispanskom i russkom yazykakh [Quantitative and functional characteristics of anaphora and deixis in English, Spanish and Russian]. *Nauchnoe mnenie [Scientific view]*, 2015, 2, pp. 47–59. (In Russ.)
6. Paducheva E.V. *Semantika narrativa* [Semantics of the narrative]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2010. 480 p. (In Russ.)
7. Paducheva E.V. *Egotsentricheskie yazykovye edinitsy. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki*. [Egocentric language units. Materials for the project of corpus description of Russian grammar]. Moscow, 2017. URL: <http://rusgram.ru> (accessed: 22.07.19).
8. Urzha A.V. Semantika i pragmatika podstrochnykh kommentariyev v russkikh perevodakh "Priklyucheniya Toma Soyjera" [Semantics and pragmatics of footnotes in Russian translations of "The adventures of Tom Sawyer"]. *Vestnik*

- Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologiya* [Bulletin of Lomonosov Moscow State University. Series 9. Philology], 2017, 1, pp. 52–70. (In Russ.)
9. Goethals P., De Wilde J. Deictic Center Shifts in Literary Translation: the Spanish Translation of Nooteboom's *Het Volgende Verhaal*. *Meta*. 2009, 54, 4, pp. 770–794.
 10. Levinson S. *Pragmatics*. Cambridge, Cambridge University Press, 1983.
 11. Lynch P. Not Trying to Talk Alike and Succeeding: The Authoritative Word and Internally-Persuasive Word in Tom Sawyer and Huckleberry Finn. *Studies in the Novel*. 2006, 38, 2, pp. 172–186.
 12. Lyons J. *Semantics 2*. Cambridge, Cambridge University Press, 1977. 897 p.
 13. Mason I., Şerban A. Deixis as an Interactive Feature in Literary Translations from Romanian into English. *Target*. 2004, 15, 2, pp. 269–294.
 14. Sewell D.R. *Mark Twain's Languages: Discourse, Dialogue, and Linguistic Variety*. California, University of California Press, 1987. 188 p.
 15. Urzha A.V. The foregrounding function of praesens historicum in Russian translated adventure narratives (20th century). *Slověne = Словъне. International Journal of Slavic Studies*. 2016, 5, 1, pp. 226–248.

О.О. Борискина, В.Н. Картавец

ГРАНИЦЫ СКРЫТОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ РЕЦИПРОКАЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет»
394018, Воронеж, Университетская пл., 1*

В статье представлены результаты исследования, выполненного в рамках работы Воронежской лексико-типологической группы, занимающейся изучением скрытой языковой категориальности. Настоящее исследование посвящено определению природы, свойств и границ скрытой глагольной реципрокальности в русском языке. Существует несколько деривационно-морфологических классов русских глаголов, выражающих взаимность (реципрокальность) и представляющих разные состояния на шкале грамматикализованности. В русском языке категория реципрокальности является смешанной. Так, мы наблюдаем класс полной явной грамматикализованности (взаимно-возвратные глаголы, являющиеся одновременно грамматическими реципроками, типа *обниматься*). В то же время в русском языке существует и сегмент однозначно скрытой реципрокальности, куда входят глаголы, у которых в передаче значения взаимности не участвуют аффиксальные средства (например, *враждовать*). Однако между явным и скрытым классами находятся еще несколько промежуточных групп глаголов, которые при разных теоретических подходах к их классификации могут быть отнесены либо к явному, либо к скрытому сегменту реципрокальности. Методология грамматики конструкций дает нам объективные критерии исследования свойств данных глаголов через изучение их функционирования. Согласно концепции грамматики конструкций, слова тяготеют к употреблению в определенных синтаксических структурах с определенным лексическим окружением. Русские глагольные реципроки, выражающие реципрокальную пропозицию в трех альтернативных лексико-синтаксических структурах, тоже обнаруживают тенденции к употреблению в определенных контекстах. На материале Национального корпуса русского языка мы проследили, от каких факторов зависят подобные тенденции. В результате

Борискина Ольга Олеговна — доктор филологических наук, декан факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики (e-mail: boriskinatip@mail.ru).

Картавец Владимир Николаевич — аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета (e-mail: kartavtsev-study-2012@yandex.ru).

анализа частотности употребления русских реципрокальных глаголов в разных типах синтаксических конструкций был определен системный статус промежуточных классов реципрокальных глаголов в аспекте их континуальности — дискретности на шкале грамматикализованности.

Ключевые слова: скрытая языковая категориальность; реципрокальность; взаимно-возвратные глаголы; грамматика конструкций; грамматикализованность.

1. О явной и скрытой реципрокальности

Настоящее исследование представляет собой применение концепции и методологии изучения скрытой категориальности в языке, разрабатываемой Воронежской лексико-типологической группой, к материалу глагольной лексики. В качестве категории, дающей срез глагольной категориальности, была избрана реципрокальность — комплекс различных вариантов семантики взаимности и языковых средств, их выражающих, — лексических и грамматических реципроков¹.

Скрытая категория, не будучи морфологически выраженной в языке, тем не менее является частью грамматики, представляя пример нулевой или малой степени грамматикализованности² и, следовательно, занимая один из полюсов шкалы состояний, по которой ранжируются средства всех грамматических категорий данного языка [Виноградов, 1990; Кретов, Титов, 2010; Борискина, 2011]. Под определение средств, в которых реципрокальность кодируется скрытым образом, в разных языках попадают многие единицы: *kämpfen* (немецкий); *hablar* (испанский); *communicate* (английский); *беседовать* (русский).

Актуальность исследования объясняется необходимостью включения глагольной лексики в изучение скрытой категориальности в языке — проблемы, разрабатывавшейся ранее на материале именной лексики [Борискина, 2011; Донина, 2017; Голикова, 2018]. Расширение научно-исследовательской перспективы является необходимым условием апробации концепции скрытой категориальности в языке. Так, В.Б. Кашкин, разрабатывая континуально-дискретный принцип в универсальной функциональной грамматике вначале на примере глагольной категории, впоследствии дополнил и углубил

¹ Под грамматическим реципроком мы понимаем языковое средство, выражающее взаимную семантику и образованное путем прибавления грамматического форманта с взаимной семантикой к слову, изначально несущему значение, идентичное производному, но без семы взаимности (ср.: *обнимать* и *обниматься*, где *-ся* — грамматический формант; см.: [Nedjalkov, 2007]).

² Под грамматикализованностью определенной семантики понимается соотношение лексического и грамматического в ее оформлении в данном языке.

полученное знание на материале неопределенного артикля [Кашкин, 2001].

В то же самое время морфологические, деривационные и, где возможно, лексико-семантические свойства реципроков уже были описаны в трудах С. Кеммер, В.П. Недялкова, Ю.П. Князева. В работах данных авторов, внесших огромный вклад в изучение реципрокальности, единицы, относимые нами к скрытым реципрокам, описывались в составе разных подклассов лексических реципроков — множества, выделяемого по деривационному или морфемному принципу [Князев, 2007; Nedjalkov, 2007], либо вместе с другими глаголами, выражающими реципрокальность в рамках одной словоформы с помощью аффиксов [Kemmer, 1988]. Вопросы о системном статусе, структуре, лингвистических критериях выделения и границах скрытой реципрокальности, не ставившиеся в вышеуказанных работах, и составили предмет нашего исследования.

2. О границах скрытой реципрокальности

Определению статуса реципрокальности была посвящена отдельная работа [Картавцев, 2018], в которой детально прорабатывалась гипотеза о смешанном характере данной языковой категории, поскольку ее категориальная семантика может кодироваться в языке как явным, так и скрытым способом. Явным образом она маркируется с помощью аффиксов, клитик или местоимений (например, *целоваться* в русском языке; *гледаме се* — *смотреть друг на друга* — в болгарском [Норман, 1972: 86]; *sich treffen* — *встретиться* в немецком). В языках, допускающих скрытое кодирование, категория реципрокальности образует внутри себя особый сегмент. В него входят средства, передающие семантику взаимности на основе своих внутренних свойств и не являющиеся продуктом специального грамматического преобразования — актантной деривации (см. об этом понятии: [Плунгян, 2000; Тестелец, 2001]). Прототипические скрытые реципроки — это глаголы, реципрокальное значение которых сосредоточено в корне, тогда как аффиксы, передающие значение взаимности, отсутствуют (например, английское *talk* — *разговаривать*; немецкое *reden* — *разговаривать*; испанское *parlar* — *беседовать*; русское *воевать*). В.П. Недялков назвал такие глагольные реципроки *корневыми*³ [Nedjalkov, 2007, т. 1: 14].

Однако, даже если мы обратимся только к русским субъектно-ориентированным глагольным реципрокам⁴, то увидим, что было

³ В англоязычной терминологии — root verbs.

⁴ Глаголы, обозначающие взаимное отношение или действие между субъектами [Nedjalkov, 2007].

бы чрезмерным упрощением разделить их лишь на однозначно скрытые или однозначно явные — т.е. продукты простого грамматического преобразования — путем 1) прибавления специального морфологического показателя (например, постфикс *-ся* маркирует лексико-грамматический разряд русских взаимно-возвратных глаголов [Распопов, Ломов, 1984]) и 2) приращения семы взаимности в плане семантики. Очевидно, субъектно-ориентированные глагольные реципроки в русском языке бывают еще и двух внутренне неоднородных типов:

1. Глаголы с морфемами, которые являются регулярными для выражения реципрокальной семантики хотя бы в одном из подклассов реципрокальных глаголов русского языка. Речь идет о префиксах *с-* и *раз-*, регулярных для объектных локативных реципроков типа *соединить* — *разъединить*, *свести* — *развести* и префиксе *пере-*, регулярном для мультипликативно-взаимных глаголов, например, *перекрикиваться*. Интересующие же нас субъектно-ориентированные глагольные реципроки (*разговаривать*, *перетереть* (сленговое), *соперничать*, *сплетничать*), хотя и содержат данные форманты, не относятся к грамматическим реципрокам. Более того, в некоторых из них (*соперничать*, *сплетничать*) первоначальное наличие подобной морфемы восстанавливается лишь при обращении к этимологии (что тоже релевантно в контексте исследования скрытых классов, когда важен палеосемантический фактор, см.: [Борискина, 2011]). К этому же ряду примыкает и глагол *обсуждать* с префиксом *об-*, наличие которого служит для противопоставления, различения реципрока и его односторонних коррелятов: ср.: *обсуждать* — *осуждать* — *судить*. Здесь мы можем говорить о неполной скрытости категории реципрокальности.

2. Глаголы со специальным маркером реципрокальности, при наличии которого деривация данных слов не является только лишь грамматическим преобразованием из «одностороннего» во «взаимное», как, например, в паре *ругать* — *ругаться*. Действительно, значение таких глаголов серьезно отличается от их коррелятов без *-ся* (ср.: *сражать* — *сражаться*, *драть* — *драться*), или же подобный коррелят вовсе отсутствует (*общаться*). Эти глаголы представляют по сути разные степени явности категории реципрокальности.

Встает вопрос: где проходит граница скрытой реципрокальности, следует ли включать в данное понятие два названных выше типа глаголов?

Если мы принимаем за основной классифицирующий признак деривацию слова, то глаголы второго типа относятся к скрытому сегменту категории реципрокальности. Преимущество подобного

подхода к демаркации скрытой реципрокальности заключается в том, что в качестве ведущего выступает системный критерий, а именно словообразовательные отношения глагола с его «соседями» по языковой системе.

Однако, с другой стороны, если границу скрытой реципрокальности проводить по признаку наличия / отсутствия морфемы, каким-либо образом участвующей в выражении категориальной семантики, следовало бы исключить оба данных типа глаголов из объема понятия скрытой реципрокальности. Сильная сторона данного подхода к определению границ скрытой реципрокальности состоит в эксплицитности избираемого критерия, но в случае его принятия как единственного нивелируется значимость деривационных свойств языковых единиц, отражающих их системные отношения.

3. Синтаксис русских глагольных реципроков

3.1. Лексико-синтаксические параметры исследования

Итак, нам необходимо провести такое исследование, которое было бы основано на объективных, формализованных критериях — корпусное исследование функционирования глаголов всех трех множеств — явным, скрытым или аффиксальным неспециализированным (без *-ся*) способом маркирующих реципрокальность. Исследуем лексико-синтаксический аспект функционирования интересующих нас глаголов. С учетом положений системного подхода и континуально-дискретного принципа в лингвистике [Мельников, 1978; Кашкин, 2001] и принципов грамматики конструкций [Fillmore, 1988; Goldberg, 1995; Рахилина, 2010] рассмотрим реципрокальные глаголы на предмет их тяготения к употреблению в определенном типе конструкций, привлекая все релевантные лексико-синтаксические типы конструкций, в которых возможно глагольное выражение взаимности. Очевидно, что такое исследование не должно ограничиваться одной лексико-семантической группой глагольной лексики.

Русский язык представляется нам наиболее релевантным для такого исследования, поскольку в нем есть специальный реципрокальный показатель, позволяющий лексеме ингерентно выражать взаимную семантику. Это позволит нам увидеть реализацию более широкого спектра возможностей языковой системы, которые отражены в различных состояниях на шкале морфологизации В.А. Плунына (см.: [Плунына, 2000]).

Более того, в русском языке имеется широкая, разнообразная палитра средств выражения реципрокальности, в том числе показатель

взаимной семантики, образованный по оси возвратности — постфикс *-ся* — и связанный с его наличием лексико-грамматический разряд взаимно-возвратных глаголов (см. о данном глагольном разряде: [Распопов, Ломов, 1984]). Рассмотрим типы структурных схем простого предложения (далее — ССПП), релевантных для понимания ситуации как реципрокальной⁵, на материале русского языка (таблица 1).

Таблица 1

ССПП, в рамках которых выражается реципрокальность в русском языке

Условная запись синтаксической конструкции	Синтаксическая конструкция
S (Plural) + V или S (сочинительное словосочетание) + V	ССПП 1 — <i>Они разговаривали (о погоде);</i> <i>Противники наконец помирились;</i> <i>Лена и Даша поссорились;</i> <i>Мы с Михаилом долго разговаривали</i>
S (Plural) + V (+ предлог) ⁶ + друг друга / один другого / между собой или S (сочинительное словосочетание) + V (+ предлог) + друг друга / один другого / между собой	ССПП 2 — <i>Они разговаривали между собой (о погоде);</i> <i>Эти люди не знали ничего друг о друге;</i> <i>Эти два старых учителя очень ценят и уважают друг друга</i>
S (Singular) + V (+ предлог) + O	ССПП 3 — <i>Максим разговаривал с Денисом (о погоде);</i> <i>Он воевал с петлюровцами</i>

Как видим из табл. 1, высказывания, в которых все взаимодействующие субъекты выражены в позиции подлежащего, относятся к типу ССПП 1. В англоязычной типологической терминологии данный тип реципрокальных конструкций называется *simple* (простая) [Nedjalkov, 2007].

В выделении ССПП 2 в наибольшей степени отражается лексико-синтаксический характер нашего подхода: данный тип объединяет структурные схемы с предложной и беспредложной синтаксическими позициями, заполненными словами особого лексико-грамматического разряда — взаимными местоимениями.

В ССПП 3 (в англоязычной терминологии — *discontinuous construction* [Nedjalkov, 2007]) участники взаимной ситуации находятся «по разные стороны» от глагола-сказуемого, для выражения

⁵ Типы структурных схем выделяются на лексико-синтаксической основе, т.е. в них включены только те позиции, в которых с помощью определенных лексико-грамматических средств выражается информация, релевантная для понимания ситуации как реципрокальной.

⁶ Скобки в записи показывают, что предлог не обязателен, т.е. его наличие / отсутствие зависит от модели управления конкретного глагола. Ср.: *Они ненавидели друг друга, они разговаривали друг с другом, воевали друг против друга.*

второго участника используется комитативная конструкция с предлогом *с*.

Важно отметить, что во многих случаях принадлежность причастных и деепричастных употреблений к одному из данных типов ССПП также может быть диагностирована путем трансформации (пример 1).

1) *Разговаривая по телефону с Наташей, она проехала свою остановку* ← *Она разговаривала по телефону с Наташей и проехала свою остановку,*

где

разговаривать с X — комитативная конструкция, которая помогает диагностировать наличие второго участника ситуации.

Аналогично и с причастиями (примеры 2, 3).

2) *Поссорившийся с Егором сосед все еще таил на него злобу* ← *Сосед поссорился с Егором и таил на него злобу* (ССПП 3 в основе причастного оборота).

3) *Старик сделал замечание громко разговаривавшим в автобусе молодым людям* (ССПП 1).

Определенную сложность представляет отнесение к тому или иному типу высказываний, содержащих эллипсис — во многих случаях в ССПП 3 позиция для второго участника опускается, однако по смыслу и грамматически исследователь может ее легко восстановить (пример 4).

4) *В классе наверняка есть девочки и мальчики, которые тоже хорошо учатся, но умеют и дружить*. Ср.: *дружить с кем-либо*.

Как показал анализ, подавляющее большинство высказываний, содержащих в той или иной форме глаголы взаимного действия, классифицируются подобным образом.

3.2. Отбор глаголов для анализа

Для обнаружения различий в тенденциях лексико-синтаксического функционирования глаголов взаимной семантики возьмем разные с морфологической точки зрения русские глаголы, в основном (но не только) из двух лексико-семантических полей, в которых существует типологическая тенденция к скрытому выражению реципрока (см. подробнее: [Борискина, Картавцев, 2018]): глаголы *сражаться* / *соперничать* / *воевать* (лексико-семантическое поле глаголов конфронтации) и глаголы *общаться* / *разговаривать* / *говорить* (лексико-семантическое поле глаголов речевой деятельности). Глаголы *сражаться* и *общаться* имеют специальный морфологический маркер взаимного отношения; *соперничать* и *разговаривать* имеют префиксы, типичные для глаголов с реципрокальным значением — ср.: *со*стязаться, *со*общаться, *со*единять, *раз*лучаться, *раз*ъединять;

наконец, глаголы *воевать* и *говорить* представляют скрытое выражение реципрокальности.

Для нас также важно рассмотреть функционирование глаголов *дружить* и *враждовать* как лексических реципроков, один из которых расширяет нашу исследовательскую базу в поле конфронтации, а второй является внешним для данного поля элементом, связанным с первым отношениями антонимии.

Список рассматриваемых глаголов — лексических реципроков — необходимо дополнить противопоставленным им реципроком грамматическим. На роль такого глагольного средства, на наш взгляд, может претендовать глагол *ругаться*. Наш выбор здесь невелик, потому что реципрок как актантная деривация с участием только *-ся* в русском языке возможен в очень ограниченном с семантической точки зрения круте глаголов: некоторых физических действий или вербального конфликта [Князев, 2007].

Вместе с тем «для чистоты эксперимента» возьмем глагол *перестреливаться* из поля конфронтации, представляющий собой префиксально-постфиксальное образование с дополнительным значением множественности действия, на основании чего он относится по классификации Ю.П. Князева к мультипликативно-взаимным глаголам, являя тем самым частный случай грамматического реципрока [Князев, 2007].

Для верификации полученных данных и получения более широкой панорамы функционирования реципроков в наше исследование также включены глаголы, аналогичные или сопоставимые по семантическим или грамматическим характеристикам с некоторыми глаголами, рассмотренными выше (*браниться* (ср. *ругаться*), *драться* (ср. *сражаться*)); глаголы, относящиеся к другому семантическому полю (*обниматься*, *целоваться*), а также глагол *обсуждать* для уточнения статуса префикса *об-* в системе средств выражения взаимности; глагол *перешепываться* (мультипликативно-взаимный, как и *перестреливаться*, но из другого поля — речевых действий). Таким образом, формирование выборки глаголов для анализа осуществлялось на основе морфологического и лексико-семантического критериев.

3.3. Результаты корпусного исследования

Исследование функционирования глаголов, маркирующих реципрокальность явным или аффиксальным неспециализированным способом, и скрытых реципроков проводилось на материале Национального корпуса русского языка [Национальный корпус русского языка], дата обращения: 25.07.2019. Учитывался прежде всего такой параметр лексико-синтаксического функционирования глаголов, как степень тяготения к определенной ССПП. Поискные запросы

осуществлялись в строке «Лексико-грамматический поиск» (основной корпус), что позволило включить в материал исследования все разнообразие форм данных глаголов. Соотношение количества вхождений рассматриваемого глагола в Национальный корпус и количества примеров, обработанных вручную, определялось прогрессивной шкалой репрезентативности:

- до 1000 вхождений ≈ 75 примеров;
- от 1000 до 100000 вхождений ≈ 100 примеров;
- более 100000 вхождений — более 400 примеров.

Результаты анализа представлены в табл. 2.

Таблица 2

**Параметрическое сопоставление функционирования
глагольных реципроков в русском языке**

Параметр сопоставления Глагол	Доля ССПП 1, %	Доля ССПП 2, %	Доля ССПП 3, %	Всего вхождений в НКРЯ	Количество примеров, обработанных вручную
<i>Ругаться</i>	70	→ 0	30	7422	100
<i>Браниться</i>	73	8	19	1512	103
<i>Обниматься</i>	53	1	47	1158	102
<i>Целоваться</i>	57	→ 0	43	3651	102
<i>Перестреливаться</i>	27	3	70	57	71
<i>Перешептываться</i>	89	4	7,5	681	80
<i>Общаться</i>	13	5	82	6467	100
<i>Драться</i>	31	3	66	8451	106
<i>Сражаться</i>	11	1	88	5040	100
<i>Соперничать</i>	25	6	69	1181	100
<i>Обсуждать</i>	74	2	23	10095	100
<i>Разговаривать</i>	11	5	84	26245	99
<i>Говорить</i>	80	8	12	593913	441
<i>Воевать</i>	2	1	96	11426	100
<i>Дружить</i>	21	1	78	4674	101
<i>Враждовать</i>	60	14	26	1362	98

Наглядно выявленное тяготение глаголов к употреблению в определенных ССПП можно представить в виде диаграммы 1. Темным цветом показаны реципроки, расположенные в порядке убывания степени их тяготения к ССПП 1. Светлым цветом — их тяготение к ССПП 3. Как видим, оба значения глагольного тяготения к данным типам комплементарны друг другу, что особенно заметно на фоне их слабого тяготения к ССПП 2 (за исключением *враждовать*). Интересно, что в целом глагольное тяготение к ССПП 3 возрастает по мере убывания их тяготения к ССПП 1.

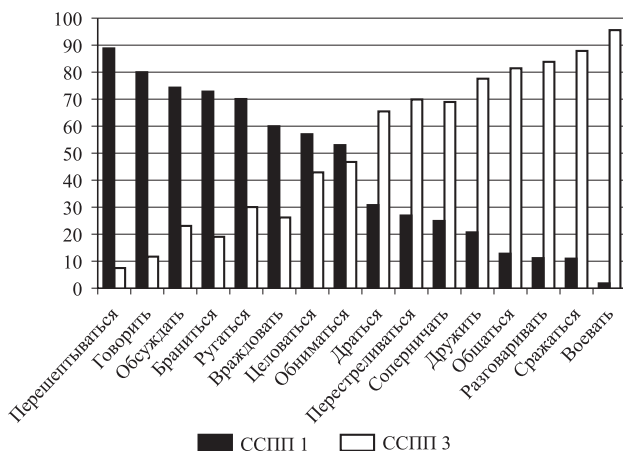


Диаграмма 1. Степень тяготения русских реципрокальных глаголов к ССПП

Как показал анализ, самая высокая доля ССПП 1 наблюдается у глаголов с реципрокально-односторонней полисемией⁷ (диаграмма 1).

Действительно, к употреблению в данной конструкции тяготеют именно глаголы, у которых в семанте присутствуют как значение одностороннего действия (примеры 5, 8, 10, 12), так и взаимная семема (примеры 6, 7, 9, 11, 13): *говорить*, *браниться*, *ругаться*, с некоторыми оговорками — *обсуждать*.

5) Он говорит правду.

6) Они говорили (= разговаривали) о доме.

7) Он говорил об этом с Максимом.

8) Он ругался на товарищей.

9) Они постоянно ругались и не ладили.

10) Радовка ему сегодня выпала с бабой Августой... которая громко бранилась на непослушных коров, как и на своего подпаса.

11) Старики дневальные... забранились, кому идти за кипятком. Бранились привязчиво, как бабы.

12) Мы не обсуждаем сейчас практическую осуществимость этих вариантов (из научно-популярной статьи).

13) Президент... Nortel Вильям Оунс подчеркнул, что никогда не обсуждал с Чамберсом данную тему, но отметил свою открытость для диалога.

Объяснение такого тяготения кроется во влиянии на эти глаголы их другого лексико-семантического варианта (ЛСВ) — с семантикой одностороннего действия. В условиях, когда необходимо различить ЛСВ с односторонним и взаимным значением, устранив двузнач-

⁷ При анализе мы учитывали лишь данные по реципрокальным употреблением.

ность, выбор конструкции говорящим делается в пользу той, которая ярче выражает особенности семантики конкретного ЛСВ в аспекте ее взаимности / односторонности. Так, в случае, когда говорящему необходимо передать информацию о взаимном действии, он скорее изберет ССПП 1, так как именно в рамках данной конструкции оба участника ситуации выражены подлежащим. Последнее подчеркивает их равную вовлеченность в идентичное действие, что зеркально отражает семантическую структуру взаимности. Таким образом, в рассмотренных случаях тяготение глагола к определенному типу ССПП связано с эффектом разрешения неоднозначности слова в контексте (см. об этом: [Кибрик и др., 2019: 189]).

4. Выводы

Внимательный анализ рейтинга частотности глаголов позволяет сделать вывод, что фактором, определяющим общие тенденции к употреблению в определенных конструкциях у разных глаголов, являются в большинстве случаев не грамматические характеристики реципроков, а их лексические значения. Действительно, схожим оказывается функционирование глаголов вербальной деятельности: *перешептываться, говорить, обсуждать, браниться, ругаться*; действий, связанных с проявлением теплых чувств: *обниматься и целоваться*; социального взаимодействия: *дружить, общаться, разговаривать*; конфронтации: *драться, перестреливаться, соперничать*; конфронтации военной: *воевать и сражаться*; близкими по степени тяготения к одной и той же конструкции оказываются синонимы *браниться* и *ругаться*.

Данные наблюдения подкрепляют выводы Ю.Д. Апресяна из экспериментальных исследований русского глагола, а также базовые положения грамматики конструкций и фреймовой семантики о тяготении слов со схожим лексическим значением к употреблению в схожих синтаксических условиях [Апресян, 1967; Рахилина, Тестелец, 2016].

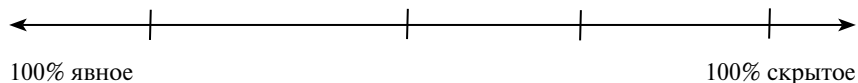
Все это приводит нас к необходимости признать различные промежуточные с точки зрения грамматикализованности способы выражения взаимности в качестве равноправных, наряду со стопроцентно явным грамматическим маркированием и его полным отсутствием. В результате мы получаем классы неполной скрытости (например, глаголы *соперничать, разговаривать*) и разной степени явности (ср.: *обниматься* и *драться*), причем внутри этих классов мы также будем видеть градацию в зависимости от частоты и регулярности употребляемых морфем, особенностей деривации и эволюции самих дериваторов в корневые морфемы. Полученная шкала состояний показывает, что лексико-семантический континуум как бы расте-

кается по континууму грамматикализованности, что в нашем случае может быть наглядно показано на схеме 1.

Грамматические реципроки		Лексические реципроки		
собственно-взаимно-возвратные глаголы	мультипликативно-взаимные глаголы	со специальным реципрокальным показателем	префиксально маркированные	скрытое выражение реципрокальности
ругаться, браниться, обниматься, целоваться	перестреливаться, перешептываться	общаться, сражаться, драться	разговаривать, обсуждать, соперничать	говорить, воевать, враждовать, дружить

Схема 1

Шкала грамматикализованности в отношении явности — скрытости кодирования реципрокальности



Главный вывод заключается в следующем: синтаксическое поведение русского глагола с реципрокальным значением больше коррелирует с лексико-семантическим классом глагола, чем с его морфологическим типом. Иными словами, на синтаксическое поведение глаголов взаимной семантики оказывает влияние не способ грамматического выражения данной семантики, а лексическое значение в совокупности его системных связей. Соответственно, не представляется возможным ни на основании структурных, ни на основании функциональных критериев четко отделить скрытый класс глагольных средств выражения взаимности от явного.

Все проанализированные факты, взятые в сумме, свидетельствуют в пользу того, что языковая реципрокальность, представленная на поверхностном уровне дискретными множествами, проявляет себя как сложное континуальное целое.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967. 256 с.
2. Борискина О.О. Криптоклассы английского языка. Воронеж, 2011. 333 с.
3. Борискина О.О., Картавцев В.Н. Скрытые глагольные реципроки в сопоставительном аспекте // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 3. С. 87–92.
4. Виноградов В.А. Вариативность именных классификаций // Языки мира: Проблемы языковой вариативности. М., 1990. С. 171–209.

5. *Голикова О.А.* Именная классификативность в языке: криптокласс “Res Planae”: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2018. 28 с.
6. *Донина О.В.* Скрытая категоризация эмоций в вариантах языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2017. 24 с.
7. *Картавцев В.Н.* О статусе реципрокности в русском языке // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 2. С. 156–169.
8. *Кашкин В.Б.* Функциональная типология (неопределенный артикль). Воронеж, 2001. 255 с.
9. *Кибрик А.Е. и др.* Введение в науку о языке. М., 2019. 672 с.
10. *Князев Ю.П.* Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М., 2007. 704 с.
11. *Кретов А.А., Титов В.Т.* Роль скрытых категорий в типологическом описании грамматики романских языков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 7–12.
12. *Мельников Г.П.* Системология и языковые аспекты кибернетики / Под ред. Ю.Г. Косарева. М., 1978. 368 с.
13. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 25.07.2019).
14. *Норман Б.Ю.* Переходность, залог, возвратность. Минск, 1972. 132 с.
15. *Плунгян В.А.* Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. М., 2000. 383 с.
16. *Распопов И.П., Ломов А.М.* Основы русской грамматики: Морфология и синтаксис. Воронеж, 1984. 361 с.
17. *Рахилина Е.В.* Лингвистика конструкций. М., 2010. 584 с.
18. *Рахилина Е.В., Тестелец Я.Г.* Научное наследие Ч. Филлмора и современная теория языка // Вопросы языкознания. 2016. № 2. С. 7–21.
19. *Тестелец Я.Г.* Введение в общий синтаксис. М., 2001. 800 с.
20. *Fillmore Ch.J.* The mechanisms of “Construction Grammar” // Proceedings of the Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society 14. 1988. P. 35–55.
21. *Goldberg A.* Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago, 1995. 271 p.
22. *Kemmer S.E.* The middle voice: a typological and diachronic study. Doctoral dissertation. Stanford University, 1988. 363 p.
23. *Nedjalkov V.P.* Reciprocal Constructions. Amsterdam, 2007. V. 1–5. 2219 p.

Olga Boriskina, Vladimir Kartavtsev

LIMITS OF COVERT VERBAL RECIPROCITY IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Voronezh State University

1, Universitetskaya pl., Voronezh, 394018

The paper presents results of the research aimed at a better understanding of the nature and scope of the problems associated with covert linguistic categorization,

specifically, the properties and limits of covert verbal reciprocity in the Russian language. Verbal reciprocity can be overt or covert and come in many different forms. We claim that reciprocity in the Russian language is a scale category. There are several derivational-morphological classes of Russian reciprocal verbs, which represent different states on the grammaticalization scale. There is a verb class of fully overt grammaticalization (reciprocal-reflexive verbs that are at the same time grammatical reciprocals, e.g. *obnimat'sya*), as well as the segment of fully covert reciprocity containing verbs that convey reciprocity without affixes (e.g. *vrazhdovat'*). However, between these two classes there are several intermediate verbal groups. Depending on the researcher's approach, they can be defined either as overt or as covert reciprocals. Construction grammar methodology provides us with objective criteria of exploring the verbs' properties through their contextual functioning. We analyzed how Russian reciprocal verbs tend to function taking into account their collostructional environment. The research is carried out by the Voronezh lexical-typological group. The systemic status of Russian reciprocal verbs intermediate classes is defined from the point of view of their continuity — discreteness on the grammaticalization scale.

Key words: linguistic categorization; covert categories; reciprocity; reciprocal-reflexive verbs; construction grammar; grammaticalization scale.

About the authors: *Olga Boriskina* — Prof. Dr., Theoretical and Applied Linguistics Department, Faculty of Romance and Germanic Philology, Voronezh State University (e-mail: boriskinatipl@mail.ru); *Vladimir Kartavtsev* — PhD Student, Theoretical and Applied Linguistics Department, Faculty of Romance and Germanic Philology, Voronezh State University (e-mail: kartavtsev-study-2012@yandex.ru).

References

1. Apresyan Yu.D. *Eksperimental'noe issledovanie semantiki russkogo glagola* [Experimental Research of the Russian Verb Semantics]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 256 p. (In Russ.)
2. Boriskina O.O. *Kriptoklassy anglijskogo yazyka* [Cryptotypes of the English Language]. Voronezh, Istoki Publ., 2011. 333 p. (In Russ.)
3. Boriskina O.O., Kartavtsev V.N. Skrytye glagol'nye retsiproki v sopostavitel'nom aspekte [Covert Verbal Reciprocals in Comparative Aspect]. *Vestnik VGU: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsia* [Proceedings of VSU: Linguistics and Intercultural Communication]. 2018, № 3, pp. 87–92. (In Russ.)
4. Vinogradov V.A. Variativnost' imennykh klassifikatsii [Variability of Nominative Classifications]. *Yazyki mira: problemy yazykovoj variativnosti*. [Languages of the World: Problems of Language Variability]. Moscow, 1990, pp. 171–209. (In Russ.)
5. Golikova O.A. *Imennaia klassifikativnost' v yazyke: kriptoklass "Res Planae"*: avtoref. dis. [Nominative Classification in the Language: the Cryptotype "Res Planae": Candidate Thesis Abstract]. Voronezh, 2018. 28 p. (In Russ.)
6. Donina O.V. *Skrytaia kategorizatsia emotsii v variantakh yazyka*: avtoref. dis. [Covert Categorization of Emotions in Language Variants: Candidate Thesis Abstract]. Voronezh, 2017. 24 p. (In Russ.)

7. Kartavtsev V.N. O statuse retsiprochnosti v russkom yazyke [On Status of Reciprocity in the Russian Language]. *Izvestia SmolGU*. [Proceedings of SmolSU]. 2018, № 2, pp. 156–169. (In Russ.)
8. Kashkin V.B. *Funktsional'naia tipologiia (neopredelennyi artikl')* [Functional Typology (Indefinite Article)]. Voronezh, Publ. VGTU, 2001. 255 p. (In Russ.)
9. Kibrik A.E. et al. *Vvedenie v nauku o yazyke* [Introduction to the Science about the Language]. Moscow, 2019. 672 p. (In Russ.)
10. Knyazev Yu.P. *Grammaticheskaiia semantika: Russkii yazyk v tipologicheskoi perspective* [Grammatical Semantics: the Russian Language in Typological Perspective]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2007. 704 p. (In Russ.)
11. Kretov A.A., Titov V.T. Rol' skrytykh kategorii v tipologicheskom opisanii grammatiki romanskikh yazykov [Role of Cryptotypes in Typological Description of the Roman Languages Grammar]. *Vestnik VGU: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsia*. [Proceedings of VSU: Linguistics and Intercultural Communication]. 2010, № 1, pp. 7–12. (In Russ.)
12. Mel'nikov G.P. *Sistemologiya i yazykovye aspekty kibernetiki* [Systemology and Language Aspects of Cybernetics]. Moscow, Soviet Radio Publ., 1978. 368 p. (In Russ.)
13. *Natsional'nyj korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (accessed: 25.07.2019). (In Russ.)
14. Norman B.Yu. *Perekhodnost', zalog, vozvratnost'* [Transitivity, Voice, Reflexivity]. Minsk, Publ. BGU, 1972. 132 p. (In Russ.)
15. Plungyan V.A. *Obshchaia morfologiia: vvedenie v problematiku* [General Morphology: Introduction to the Range of Problems]. Moscow, Editorial URSS, 2000. 383 p. (In Russ.)
16. Raspopov I.P., Lomov A.M. *Osnovy russkoi grammatiki: Morfologiia i sintaksis* [Basics of the Russian Grammar: Morphology and Syntax]. Voronezh, Publ. VGU, 1984. 361 p. (In Russ.)
17. Rakhilina E.V. *Lingvistika konstruktivnaya* [Construction Linguistics]. Moscow, "Azbukovnik" Publ., 2010. 584 p. (In Russ.)
18. Rakhilina E.V., Testeleys Ya.G. *Nauchnoe nasledie Ch. Fillmore i sovremennaya teoriia yazyka* [Charles Fillmore's Legacy and Modern Theoretical Linguistics]. *Voprosy yazykoznanii*. [Issues of Linguistics]. 2016, № 2, pp. 7–21. (In Russ.)
19. Testeleys Ya.G. *Vvedenie v obshchii sintaksis* [Introduction to General Syntax]. Moscow, RGGU Publ., 2001. 800 p. (in Russ.)
20. Fillmore Ch.J. The mechanisms of "Construction Grammar". *Proceedings of the Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society*. 1988, № 14, pp. 35–55.
21. Goldberg A. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago, University of Chicago Press, 1995. 271 p.
22. Kemmer S.E. *The middle voice: a typological and diachronic study*. Doctoral dissertation. Stanford University, 1988. 363 p.
23. Nedjalkov V.P. *Reciprocal Constructions*. Amsterdam, John Benjamins, 2007. V. 1–5. 2219 p.

Г.А. Филатова

**ТРАНСФОРМАЦИИ КОМПЛЕКСА АПЕЛЛЯЦИЙ
К ЧИТАТЕЛЮ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ РОМАНА
Р. ЖЕЛЯЗНЫ “CREATURES OF LIGHT AND DARKNESS”**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В фокусе исследования — трансформации различных способов апелляции к читателю при переводе на русский язык. Такие средства заслуживают особого внимания, так как позволяют автору выразить отношение как к проблемам, поднимаемым в произведении, так и к самим читателям. Интерпретация воздействия указанных средств на читателя при переводе на другой язык требует учета комплексности этих средств, взаимосвязи их между собой и с другими текстовыми механизмами. Иллюстративным материалом является роман Р. Желязны “Creatures of Light and Darkness” и три его русских перевода. Можно заключить, что средства апелляции к читателю не ограничены каким-либо одним языковым уровнем, а работают как функциональный комплекс. Наиболее часто встречаются следующие языковые средства: обращение в форме императива, вопросы к читателю, условные конструкции с упоминанием читателя, высказывания с обобщенным значением. Результаты исследования позволяют выявить перевод, наиболее близкий к оригиналу в прагматическом плане, а также продемонстрировать разницу между языками при передаче способов привлечения внимания читателя и создания иллюзии диалога с ним. Анализ русских переводов и их сопоставление с оригиналом позволяет выделить основные переводческие стратегии: увеличение количества текстовых фрагментов, адресованных читателю, вместе с интенсивным вовлечением читателя в сюжет и, напротив, максимальное отдаление читателя от мира текста.

Ключевые слова: перевод; сопоставительный анализ; фантастическое повествование; фактор адресата; апелляции к читателю.

Апелляции к читателю представляют собой интересный объект для исследования, поскольку это явно выраженная форма взаимодействия нарратора с внетекстовым адресатом. В ходе сопоставительного анализа ряда текстов как оригинальных, так и переводных, оказалось, что помимо классических, грамматически оформленных обращений к читателю, в произведении могут быть

Филатова Ганна Алексеевна — аспирант, специалист по учебно-методической работе кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: gphilatova@gmail.com).

выделены и другие не прямые способы апелляции к нему, функционально сопоставимые с традиционными обращениями. Общность этих на первый взгляд разнородных элементов текста заключается в акцентировании апеллятивной функции [Бюлер, 1993; Якобсон, 1975] высказывания, предполагающем немедленное привлечение внимания читателя, стимулирование его определенной реакции на прочитанное. В некоторых случаях специфика повествования и построения текста предполагает, что привлечение разнородных средств обращения к адресату — не случайность, а сознательное использование автором комплекса средств с апеллятивной функцией. При этом такие средства не ограничены каким-либо одним языковым уровнем и соединяют разные способы организации текста и выделения позиций повествователя и адресата.

Объектом данного исследования являются стратегии перевода функционального комплекса апелляций к читателю при переводе романа на русский язык, а материалом — роман Р. Желязны *“Creatures of Light and Darkness”* (1969) и три его перевода на русский язык: В. Лапицкого (1992), М. Денисова и С. Барышевой (1993) и А. Ганько¹ (2003).

Произведения Желязны, в том числе выбранный нами роман, продолжают фантастическую традицию. Они повествуют о необычайном [Ковтун, 1999], в них деформируется время и пространство для создания нового мира [Лахманн, 2009]. Кроме того, в романе *“Creatures of Light and Darkness”* на базе прецедентных феноменов [Красных, 2008] культурно-мифологического канона создается новая псевдомифологическая система. Однако для исследователя-лингвиста роман интересен прежде всего тем, что изначально задумывался как экспериментальное произведение, своего рода письменное упражнение [Kovacs, 2009]: в нем совмещаются различные роды литературы, жанры и функциональные стили.

В основе сюжета лежит египетская мифология, которая дополняется футуристическими технологиями и элементами греческих и скандинавских мифов. Некоторые персонажи содержат отсылки к различным культурным и историческим источникам (например, цитируют Шекспира, Гейне, Киплинга или якобы участвуют в реальных исторических событиях²). Основная сюжетная линия — сражение

¹ Псевдоним группы переводчиков издательства «Центрполиграф».

² Перевод В. Лапицкого: «Все знают о Генерале, скачущем по свету в одиночку. Со страниц истории доносятся громовые удары копыт его боевого коня, Бронзы. Он летел с эскадрилей Лафайетта. Он прикрывал отступление в долине Джарамы. В лютую стужу помогал удерживать Сталинград. С горсткой друзей пытался захватить Кубу... В тяжелую пору жил он в Вашингтоне в палатке, пока другой, знаменитейший генерал не попросил его уйти. Он был бит в Литл-Роке, а в Беркли ему плеснули в лицо кислотой...»

египетских богов со старым божеством, стремящимся уничтожить фикциональную вселенную. Оно осложняется интригами, борьбой за власть и попытками преодолеть разногласия перед лицом общей опасности.

Текст имеет ярко выраженную коммуникативную направленность: в нем встречается значительное количество фрагментов, адресованных читателю. По специфике подобных апелляций можно предположить, что читатель находится вне сюжета, но имеет возможность наблюдать за ним, поэтому регулярно возникает фигура нарратора, приглашающего читателя к диалогу.

Цель работы состоит в том, чтобы охарактеризовать языковые средства, которые обеспечивают реализацию апелляций к читателю, продемонстрировать их роль в выражении авторских интенций, а также показать различные стратегии перевода подобных фрагментов, влияющие на рецепцию произведения.

В данной работе проанализированы такие аспекты парадигматики и синтагматики переводного текста, как обращение в форме императива, различные типы вопросов к читателю, условные конструкции с упоминанием читателя, высказывания с обобщенным значением.

Метод исследования — сопоставительный семантико-синтаксический анализ: «варианты перевода произведения сравниваются друг с другом относительно оригинала по ряду аспектов» [Уржа, 2016: 55]. Анализ фрагментов с обобщенным значением основан на исследованиях по коммуникативным регистрам [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004; Завьялова, 2005].

Перед тем как перейти к анализу, необходимо упомянуть о стратегическом различии переводов, которое связано с вариативностью перевода английского местоимения *you* и связанных с ним глагольных форм. В русском языке, как и в ряде других, есть противопоставление местоимений «ты» — «вы» относительно категории числа и категории вежливости, а в английском в форме “*you*” объединяются все возможные обращения к собеседнику и нивелируется разница между фамильярной и официальной ситуацией общения. В переводе Денисова и Барышевой и в переводе Ганько все глагольные формы и местоимения, имеющие отношение к читателю, выражаются формами 2-го лица множественного числа, в то время как перевод Лапицкого дает исключительно единственное число 2-го лица, что влияет на степень приближенности текста к читателю и на степень доверительности отношений между читателем и нарратором.

Главный способ апелляции к читателю — употребление глаголов в форме императива, преимущественно глаголов перцептивного восприятия (требование куда-либо посмотреть, что-то послушать, почувствовать и т.д.), однако иногда появляются указания на необ-

ходимое ментальное или другое действие (подумать, забыть и т.д.). Подобные указания в клаузах, обращенных к читателю, превращают фоновое описание локуса в важную часть нарратива, наблюдение за миром выдвигается на первый план [Уржа, 2018]. Данный тип апелляций представлен в табл. 1 и 2.

Таблица 1

R. Zelazny	В. Лапицкий	М. Денисов, С. Барышева	А. Ганько
Listen to the world. It is called Bliss, and it is not hard to hear at all: <...> Then forget the sounds and the words and look at the world	Прислушайся к миру. Зовется он Блис, и услышать его <i>легче легкого</i> ; <...>. Теперь забуди слова и звуки и взгляни на этот мир	Прислушайтесь к этому миру. Он зовется Блис, и его совсем нетрудно услышать: <...>. Итак, забудьте <i>пустые</i> звуки и взгляните на этот мир	Прислушайтесь к этому миру, он называется Блис, и его совсем нетрудно слушать: <...>. А теперь забудьте о звуках и словах и взгляните на сам этот мир

В данном фрагменте следует отметить также семантическое приращение в переводах Лапицкого и Денисова и Барышевой (выделено курсивом). В отличие от перевода Ганько, наиболее точно воспроизводящего семантику и структуру оригинала, в этих переводах увеличена эмоциональная напряженность (*легче легкого* вместо *нетрудно* и *not hard*) и усилена степень указанного признака (*пустые звуки и случайные слова* вместо просто *the sounds and the words*).

Таблица 2

R. Zelazny	В. Лапицкий	М. Денисов, С. Барышева	А. Ганько
Smell the world. Taste it, swallow it and hold it in your belly. Burst with it. ...Like the man with the eyepatch and the alpenstock	Обоняй этот мир. Пробуй его, глота́й , переваривай . Лопни от него. Как человек с альпенштоком, глаз которого прикрывает повязка	Вдохните этот мир. Попробуйте на вкус, пейте его и объедайтесь им. ...Как этот человек с повязкой на глазу и альпенштоком	Принюхайтесь к этому миру. Попробуйте его на вкус, проглотите , примите в себя. Наслаждайтесь им, как вон тот человек с повязкой на глазу и посохом в руке

Различия переводов в табл. 2 касаются собственно лексем, обозначающих действия (*hold in belly* — *переваривай* — *объедайтесь* — *примите* и т.д.), при этом можно заметить, что в переводе Лапицкого фрагмент в стилистическом плане выглядит более грубо и натуралистично (в том числе из-за форм глагола в единственном числе). Только этот перевод сохраняет оригинальную фразу *burst*

with it (лонни от него), которая подчёркивает многогранность мира, чрезмерное количество его физических проявлений, доступных для перцепции. Кроме того, необходимо отметить, что в двух переводах используется форма несовершенного вида глаголов (у Лапицкого — почти все лексемы, у Денисова и Барышевой — только половина), что позволяет обратить внимание читателя на длительность процесса, на долгое взаимодействие с этим миром. В переводе Ганько этот аспект нивелирован, все глаголы даны в форме совершенного вида.

Похожий тип апелляций, использующий прямое обращение к читателю и акцентирующий различные способы перцепции описываемого локуса, иллюстрируется в табл. 3.

Таблица 3

R. Zelazny	В. Лапицкий	М. Денисов, С. Барышева	А. Ганько
There is nothing in the great Hall to cast such a shadow, but had you ears in that place you could hear a faint breathing. <...> It moves slowly about the Hall and returns to rest upon the throne, blotting it completely from your sight, had you eyes in that place	И нечему в Тронном Зале Дома Мертвых отбрасывать подобную тень, но, будь у тебя в этом Зале уши , услышали бы они тихое дыхание. <...> Медленно движется она по Залу и наконец возвращается, чтобы остаться на троне, целиком закрывая его от твоих глаз, будь у тебя там таковые	В огромном зале нет ничего, что могло бы отбрасывать такую тень, но окажись вы там, вы могли бы услышать слабое дыхание. <...> Она медленно движется по залу, останавливается у трона, и там, где он только что возвышался, зияет чернота	В Большом Чертоге нет никаких предметов, способных отбрасывать такую тень, но человеческий слух могло бы уловить легкое дыхание. <...> Тень медленно скользит по Чертогу. Вот она падает на трон, полностью скрывая его из виду

При описании фантастической локации Желязны ориентируется на потенциальное восприятие читателя, указывая на различные каналы перцепции (*ears, eyes*), однако читатель не только не приближается к миру, а напротив, подчеркивается, что читателя здесь нет, а даже если бы и мог быть, то он всё равно ничего бы не услышал и не увидел. При этом переводчики выбирают разные стратегии для описания данного места.

В переводах Денисова и Барышевой придаточное условное предложение начинается с предположения о нахождении в этом месте самого читателя (*окажись вы там*), в то время как в оригинале и в переводе Лапицкого этот фрагмент предполагает наличие там не самого читателя, а его перцептивного органа (*будь у тебя в месте*

том глаза). Напротив, в главной части предложения переводы Денисова и Барышевой совпадают с оригиналом: субъектом восприятия является сам читатель (*вы бы не услышали*), а в переводе Лапицкого субъектом являются те же органы (*они бы услышали*). При этом перевод Лапицкого является наиболее близким к оригиналу: это единственный текст, который сохраняет упоминание глаз. В противоположность этому перевод Ганько максимально снижает степень участия читателя в наблюдении, полностью выводя его из этой локации: убраны все апелляции к читателю (*человеческий слух* вместо *вы бы услышали*).

Пример в табл. 4 демонстрирует вопросы, также адресованные внетекстовому читателю. Предполагается, что он в состоянии увидеть все перечисленные цвета и объекты, а также способен вступить в коммуникацию и отреагировать на «реплики» нарратора.

Таблица 4

R. Zelazny	В. Лапицкий	М. Денисов, С. Барышева	А. Ганько
First, colors: Name one. Red? There's a riverbank that color, green stream hauled between, snagged on purple rocks. <...> Pick any color—they're all about. <...> Okay?	Прежде всего — цвета; назови один. Красный? Цвет берегов, между которыми лениво несет свои воды зеленый поток, натывается на фиолетовые камни. <...> Выбери любой цвет — все они тут под рукой. <...> Подходит?	Дайте имя цвету... Красный? Вот берега реки — красные, и зеленый поток в них, и пурпурные камни в изумрудной воде. <...> Выбирайте любой цвет — все они тут. <...> Порядок?	Во-первых, цвета. Назовите один. Красный? Вот берега реки как раз такого цвета, а между ними струится зеленый поток с пурпурными камешками на дне. <...> Выберите любой цвет — и он тут непременно найдется. <...> Вас это устраивает?

Перевод Ганько использует в последней фразе местоимение второго лица, адресуя риторический вопрос конкретному адресату — читателю. В двух других переводах выбранная форма вопроса подразумевает адресата имплицитно (*подходит* — кому, *порядок* — для кого). Апелляции такого типа встречаются еще не раз (например, в начале того же фрагмента), при этом они поддерживаются императивными формами, адресованными тому же собеседнику и реализующими активное воздействие нарратора на читателя.

Наконец, чтобы привлечь внимание адресата, можно не только приближать события, но и отдаляться, абстрагироваться от конкретных событий, апеллируя к неким универсальным обобщениям. Для выражения подобного значения часто используются высказывания

с обобщающим компонентом и фрагменты генеритивного регистра. В таких высказываниях информация обобщается на «высшей ступени абстракции от событийного места и времени» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004: 30].

На пересечении высказываний с обобщенным смыслом и обращений к читателю находится тип апелляций, представленный в табл. 5.

Местоимения способны не только обозначать участников диалога, но и служить средством абстракции для отождествления ряда однотипных ситуаций [Булыгина, Шмелев, 1997: 335]. Местоимение 2-го лица может подразумевать не некоторого данного субъекта, а некоторое обобщённо мыслимое лицо как совокупность отдельных индивидуальностей, в число которых входит и адресат. Аналогичными свойствами могут обладать и формы 2-го лица настоящего времени глагола, что часто используется для придания высказыванию обобщающего значения.

Таблица 5

R. Zelazny	В. Лапицкий	М. Денисов, С. Барышева	А. Ганько
If one were to descend far enough beneath that sea which surrounds it, however, one would emerge from the underside of the waters and enter into the planet's atmosphere. Descending still farther, one would reach dry land	Если же, однако, нырнуть, погрузиться достаточно глубоко в окружающее этот мир море, то вынырнешь на морском дне в верхние слои атмосферы. Спускаясь дальше, доберешься и до суши	Но если достаточно глубоко погрузиться в океан этого мира, то пересечешь нижнюю поверхность вод и войдешь в атмосферу планеты. Опускаясь еще ниже, достигнешь земли	Если, однако, кому-нибудь придет в голову опуститься в глубины моря, составляющего оболочку, то, вынырнув по другую сторону вод, он попадет в атмосферу планеты. Еще ниже отыщется и суша

Несмотря на стратегию обращения к адресату на *Вы*, при использовании глаголов 2-го лица в высказываниях с обобщающим значением Денисов и Барышева используют единственное число, как и Лапицкий. Использование подобной формы предполагает, что любой читатель, оказавшийся в этом мире, должен будет совершить указанные действия и получит точно такие же впечатления, какие возникли у самого нарратора, описывающего данную локацию. Характерно, что в оригинале, напротив, нет такого включения читателя, что более точно передает перевод Ганько, а в последнем предложении даже усиливает (не *one would reach land*, а *суша отыщется*).

Заключение

По итогам исследования можно заключить, что апелляции к читателю могут претерпевать значительные изменения в переводном тексте.

Как правило, императивы сохраняют свое значение и положение в тексте, хотя иногда исходная семантика английского императива осложняется значением форм единственного и множественного числа в русском языке. Для перевода глаголов перцептивного восприятия обычно используются соответствующие лексемы, хотя есть случаи изменения значения в пользу выбранной стратегии (аудиальный или визуальный канал восприятия). Значительные изменения в переводах могут претерпевать высказывания с обобщающим значением в силу вариативности средств передачи генеритивного регистра в русском языке и отличия их от английских аналогов.

Главное различие между трансформациями в разных переводах романа Р. Желязны *“The Creatures of Light and Darkness”* состоит в отношении к использованию апелляций к читателю. Перевод А. Ганько максимально отдаляет читателя от мира произведения, уменьшает возможность видеть всё «собственными глазами». Перевод В. Лапицкого, напротив, чаще других использует конструкции, позволяющие вовлечь читателя в фикциональную действительность хотя бы посредством тщательного наблюдения за ней. Именно в его переводе чаще встречаются отклонения от оригинала, обусловленные желанием лишний раз обратиться к адресату. Перевод М. Денисова и С. Барышевой находится примерно между этими полюсами, но тяготеет скорее к снижению степени участия читателя в событиях произведения.

Список литературы

1. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
2. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 1993.
3. Завьялова О.С. К проблеме разграничения информативного и генеритивного регистров // Вопросы русского языкознания: Традиции и тенденции в современной грамматической науке. Вып. 12, 2005. С. 178–186.
4. Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
5. Ковтун Е.Н. Художественный вымысел в литературе XX в. М., 2008.
6. Красных ВВ. Единицы языка vs. единицы дискурса и лингвокультуры (к вопросу о статусе прецедентных феноменов и стереотипов) // Вопросы психолингвистики. 2008. № 7. С. 53–58.
7. Лахманн Р. Дискурсы фантастического. М., 2009.

8. Уржа А.В. Первый план и фон нарратива: направления зарубежных исследований в сфере лингвистики и переводоведения // *Slověne*. 2018. Vol. 7. № 2. С. 494–526.
9. Уржа А.В. Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики. М.: Издательство «Спутник+», 2016.
10. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
11. Kovacs C.S. “... And Call Me Roger”: The Literary Life of Roger Zelazny. The Collected Stories of Roger Zelazny. Vol. 2: Power & Light. Framingham (MA), 2009.

Ganna Filatova

TRANSFORMATION OF THE COMPLEX OF ADDRESS TO THE READER IN RUSSIAN TRANSLATIONS OF THE NOVEL BY R. ZELAZNY ‘CREATURES OF LIGHT AND DARKNESS’

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Drawing on R. Zelazny’s *Creatures of Light and Darkness* and its three Russian translations, the research discusses diverse ways of addressing the reader by the author. The interpretation of the linguistic means which make an impact on the reader requires taking into account a functional complex of structural elements of the text. The means of addressing the reader are not limited to any language level, they work as a functional complex. More often than not it includes the forms of imperative, questions to the reader, conditional constructions mentioning the reader, statements with a generalized meaning. The research helps to identify the translation which is the closest to the original in meaning and to show how differently in different languages the same author attracts the reader’s attention. The contrastive analysis of the translations and the original text help to identify the translator’s strategies: either providing a most accurate reproduction of the text fragments addressed to the reader with intensive involvement of the reader in the plot or removing the reader from the text altogether.

Key words: translation; comparative analysis; fiction; factor of addressee; ways of addressing the reader.

About the author: *Ganna Filatova* — PhD Student, Specialist in Educational and Methodical Work at the Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: gphilatova@gmail.com).

References

1. Bulygina T.V., Shmelyov A.D. *Yazykovaya konceptualizatsiya mira (na materiale russkoj grammatiki)* [Language conceptualization of the world (by the

- material of Russian grammar)]. Moscow, *School «Russian culture's languages» Publ.*, 1997, 576 p. (In Russ.)
2. Bühler K. Teoriya yazyka: Reprezentativnaya funktsiya yazyka [Theory of language: Representative function of language]. 1993, 501 p. (In Russ.)
 3. Jakobson R.O. Lingvistika i poetika // Strukturalizm: “za” i “protiv” [Linguistics and poetics] // Structuralism: “for” and “against”. 1975, pp. 193–230.
 4. Kovacs C.S. “... And Call Me Roger”: The Literary Life of Roger Zelazny. The Collected Stories of Roger Zelazny, Vol. 2: Power & Light. Framingham (MA): NESFA Press, 2009.
 5. Kovtun E.N. Khudozhestvennyy vymysel v literature XX v. [The Fiction in the Literature of the XX century]. Moscow, *Vysshaya Shkola Publ.*, 2009, 406 p. (In Russ.)
 6. Krasnykh V.V. Edinitsy yazyka vs. edinitsy diskursa i lingvokul'tury (k voprosu o statusе pretsedentnykh fenomenov i stereotipov) [Units of language vs. units of discourse and culture (to the question about the status of precedent phenomena and stereotypes)]. *Voprosy psikholingvistiki*, 2008, № 7, pp. 53–58. (In Russ.)
 7. Lachmann R. Diskursy fantasticheskogo [Discourses of Fantastic Art]. Moscow, *Novoye literaturnoye obozreniye Publ.*, 2009, 384 p. (In Russ.)
 8. Urzha A.V. Pervyy plan i fon narrativa: napravleniya zarubezhnykh issledovaniy v sfere lingvistiki i perevodovedeniya [Foreground and Background in a Narrative: Trends in Foreign Linguistic and Translation Studies]. *Slověne*, Vol. 7, № 2, pp. 494–526. (In Russ.)
 9. Urzha A.V. Russkiy perevodnoy khudozhestvennyy tekst s pozitsiy kommunikativnoy grammatiki [Russian translated literary text from the standpoint of communicative grammar]. Moscow, *Sputnik+ Publ.*, 2016, 352 p. (In Russ.)
 10. Zav'yalova O.S. K probleme razgranicheniya informativnogo i generitivnogo registrov [On the problem of distinction between informative and generitive registers]. *Voprosy russkogo yazykoznanija: Traditsii i tendentsii v sovremennoy grammaticheskoy nauke*, Vol. 12, Moscow, 2005, pp. 178–186.
 11. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow, *Nauka Publ.*, 2004, 544 p. (In Russ.)

И.В. Стефанчиков, Т.Г. Давыдов

**ЛАТИНСКИЕ ЭПИГРАФЫ
В АРГЕНТИНСКИХ И УРУГВАЙСКИХ
ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ 1800–1840-Х ГОДОВ**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье отражены особенности использования латинских эпиграфов в периодике Аргентины и Уругвая 1800–1840-х годов. Из двухсот уругвайских и четырёхсот аргентинских газет, содержащихся в архивах национальных библиотек Аргентины и Уругвая, были отобраны издания, в которых имеется латинский эпиграф. Данный материал в своей совокупности до сих пор не был изучен и представляет интерес с точки зрения междисциплинарных исследований. Каждый эпиграф рассмотрен в связи с его идейным содержанием (исторические события, мифологические мотивы) и контекстом эпохи (колониальный период, войны за независимость, появление новых государств). Работа разделена на две части, в которых изложены результаты исследования эпиграфов в периодических изданиях Аргентины и Уругвая. Авторы статьи отмечают языковые особенности текстов: банализацию оригинала, влияние испанского языка, средневековое написание ряда слов. Издатели газет и журналов зачастую не имели доступа к текстам классиков и цитировали их по вторичным источникам, что приводило к неточностям и ошибкам, а также ложной атрибуции цитат. В то же время многие издатели обнаруживают хорошее знание античных авторов; встречаются и оригинальные фразы, что указывает на весьма высокий уровень владения латинским языком. Кроме того, авторы статьи приходят к выводу о том, что использование латинского языка в контекстах данного типа резко снижается в 1830–1840-х годах в связи с культурным сдвигом, вызванным расцветом национализма и частичной утратой латынью своего престижа.

Ключевые слова: латинский язык; эпиграфы; пресса; Аргентина; Уругвай; испанский язык.

Эпиграф — один из транстекстуальных элементов, которые сопровождают основной текст и комментируют его, формируя гори-

Стефанчиков Игорь Вячеславович — аспирант кафедры иберо-романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: i.stf@ya.ru).

Давыдов Тихон Георгиевич — аспирант кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tychondavydov@gmail.com).

зонт ожиданий [Genette, 1985: 60]. Эпиграф даёт читателю подсказки к правильной интерпретации текста [Montalto, 1989: 21–22], но лаконичность и аллюзивный характер могут наполнять эпиграф различными, не всегда однозначными смыслами [Montero, 1997: 190].

Традиция использования эпиграфов в прессе, судя по всему, зарождается в Британии начала XVIII в.: законодателями моды стали *The Taiter* и *The Spectator* Дж. Аддисона и Р. Стила [Montalto, 1996: 235]. Популярность этого явления подтверждается тем, что почти сразу издаются собрания эпиграфов, представленных в прессе [Montalto, 1995: 165]. В Испанию этот обычай перекочевал в конце века.

Данный феномен объясняется размытостью границ между книжной и газетной культурами. Так, многие периодические издания даже в начале XIX в. имели сквозную пагинацию. Подобные детали позволяли периодике приобщиться к престижной книжной традиции [González, 2004: 63]. По выражению Р. Шартье, в эту эпоху «каждая серьезная периодическая публикация стремилась по формату к книге» [Chartier, 1999: 186]. В то же время в XVIII в. начался постепенный переход от мира книг к миру газет, затронувший и Испанию.

Испания жёстко регламентировала ввоз книг и печатного оборудования в колонии, в том числе в вице-королевство Рио-де-ла-Плата¹ [Pierrotti, 2015: 4]. Лишь в 1780 г. в Буэнос-Айресе учреждается собственная типография. Распространение в данном регионе трудов просветителей и первых периодических изданий подхлестнуло развитие революционных идей [Villa, Fernández, 1994: 17].

За десять лет с момента Майской революции 1810 г. в Буэнос-Айресе были опубликованы тысячи изданий: распоряжения новых властей, официальные документы, патриотические песни и т.д. [Асрее, 2013: 28]. На страницах периодических изданий происходит борьба идей, формируется общественное мнение [Luna, 2008: 67]. Распространённой практикой (вероятно, под влиянием европейской традиции) становится использование эпиграфов [González, 2004: 63]. Они позволяли в сжатой форме выразить кредо издателя, будь то свобода торговли, идеалы античности, Просвещения или Американской революции. Встречались цитаты на разных языках, в том числе на французском, итальянском и португальском, но вторым после испанского по количеству текстов был латинский язык.

В данном исследовании мы анализируем латинские эпиграфы к аргентинским и уругвайским² периодическим изданиям 1800–1840-х

¹ Границы вице-королевства, учрежденного в 1776 г., охватывали территории современных Аргентины, Уругвая, Парагвая, Боливии, части Перу и Чили.

² Использование этих понятий — вынужденное упрощение сложной территориально-административной ситуации. Рио-де-ла-Плата в эпоху войн за независимость распадается на провинции, которые в дальнейшем, объединяясь, образуют новые государства. При этом название Аргентины до 1831 г. — *Provincias*

годов³. Такие эпиграфы предваряют каждый номер газеты. Подобный материал представляет особый интерес с точки зрения междисциплинарных исследований, характерных для современного этапа развития классической филологии и испанистики [Оболенская, Шевелева, 2018: 31].

При подготовке корпуса текстов было проанализировано содержание около 200 уругвайских и 400 аргентинских газет из архивов Национальных библиотек Аргентины и Уругвая. В результате было отобрано 34 газеты (18 аргентинских и 16 уругвайских), в которых имеется латинский эпиграф. Все эпиграфы приводятся в оригинальной орфографии и пунктуации (с сохранением опечаток и особенностей выделения курсивом). В рамках данного исследования использовались издания авторов из базы данных *Packard Humanities Institute 5.3*. Перевод примеров принадлежит авторам статьи.

I. Аргентина

I.1. **Telégrafo Mercantil** (1801–1802, Буэнос-Айрес (далее — Б.-А.), 110 номеров)

Admiranda tibi levium spectacula rerum.

In tenui labor: at tenuis non gloria; si quem

Numina læva sinunt, auditque vocatus Apolo. Virg. Lib.4. Georg.

Из: Verg. georg. IV 3; 6–7. Пер.: На удивление тебе зрелище пустяков. / <...> / Подвиг ничтожен, но слава не ничтожна; если только / благоволят боги и слышит мольбы Аполлон!

В № 1–49. Первая газета Рио-де-ла-Платы. Важная задача — распространение знаний о сельском хозяйстве, что объясняет выбор эпиграфа: книга IV «Георгик» посвящена пчеловодству. Для издателя, Ф. Кабельо, газета — смесь разнородных элементов: поэзия, очерки о путешествиях, информация о ценах и т.д. Эта концепция находит отражение в первом стихе эпиграфа. *Apolo* вм. *Apollo* — вероятно, пример исп. влияния.

I.2. **Gazeta de Buenos-Ayres** (1810–1821, Б.-А., 541)

Rará temporum felicitate, ubi sentire quæ velis,

et quæ sentias, dicere licet. Tacito lib. I. Hist.

Unidas del Río de la Plata, а Уругвай стал государством лишь в 1830 г. Мы исходим из представления о существовании на территориях современных Аргентины и Уругвая двух отдельных исторических культурно-политических общностей, что и обуславливает использование терминов «аргентинский» и «уругвайский» и саму структуру работы.

³ В 1801 г. появляется первое периодическое издание Рио-де-ла-Платы — *Telégrafo Mercantil*. В 1851 г. завершается Великая война (*Guerra Grande*), что приводит к глобальной смене эпох: в Аргентине заканчивается 20-летнее правление диктатора Х. Росаса, в Уругвае подходит к концу затяжная гражданская война.

Из: Tac. hist. I 1. Пер.: в годы редкого счастья, когда можно думать, что хочешь, и что думаешь — говорить.

Идея эпитафия принадлежала М. Морено — одному из идеологов Майской революции [Moreno, 1968: 168]. Он сравнивает времена Нервы и Траяна с революционной эпохой: ослабление цензуры, регламент от 22 апреля 1811 г., провозгласивший свободу печати. С 1812 г. без эпитафия.

I.3. **El Censor** (1812, Б.-А., 12)

Tros, Tyriusque mihi nullo discrimine agetur. Æneid. lib. 1.^o

См. комм. к II.1. Пер.: Троянец и тириец — для меня не будет никакой разницы.

I.4. **Mártir, o Libre** (1812, Б.-А., 9)

I.4.1. *Consulite vobis, prospicite patriæ, conservate vos, conjuges, liberos, fortunasque vestras: populi nomen, salutemque defendite.* Cicer. in L. Catilinam. IV II.

Из: Cic. Catil. IV 3 (в эпитафии ошибка). Пер.: Заботьтесь о себе <...>, думайте о будущем Отечества; оберегайте себя, жён, детей и имущество; имя и благополучие <...> народа защищайте.

В № 1–8. У Цицерона к *populi* относится прилагательное *Romani* («римского»), которое в газете опущено. Издатель, Б. Монтеагудо, принадлежал к «якобинскому» крылу революционеров; обращение к образам Цицерона и Катилины легитимировало «революционный правопорядок».

I.4.2. *Rempublicam, vitamque omnium vestrum. ...hodierno die. deorum immortalium summo erga vos amore. ...ex flama atque ferro, ac pene ex faucibus fati ereptam, et vobis conservatam ac restitutam videtis,* Cicer. in L. Catilinam III. In exord. (a)

Из: Cic. Catil. III 1. Пер.: Вы видите, что государство и жизнь всех вас <...> в сегодняшний день по великой милости бессмертных богов <...> спасены от пламени и меча, вырваны чуть ли не из пасти рока, сохранены и возвращены вам. *Catalinam* вм. *Catilinam* — частая опечатка.

В № 9. Указание на римский контекст (*Quirites*, «квириты») вновь опущено. Средневек. написание: *rempublicam* слитно, *pene* вм. *paene*. Возм. влияние исп.: *flama* вм. *flamma*.

I.5. **El Grito del Sud** (1812, Б.-А., 30)

Rara temporum felicitate, ubi sentire quæ velis, et quæ sentias, dicere licet. Tacit. Lib. 1. Hist.

См. пер. к I.2. По мысли издателя, «интеллектуальное рабство», в котором Испания держала свои колонии, побеждено, и Америка впервые наслаждается свободой слова.

I.6. **El Redactor de la Asamblea** (1813–1815, Б.-А., 24)

In posterum hæc lex, imperantibus vestris constituetur. Cicer. De Orat. 92.

Из: Cic. agr. II 59 — in posterum uero lex haec imperatoribus uestris constituitur (в эпиграфе ошибки). Пер.: На будущее этот закон будет установлен для ваших повелевающих (sic!).

Официальный орган Ассамблеи 1813 г. Замена термина *imperatoribus* («императоров», «полководцев») на *imperantibus* делает фразу аграмматичной и приводит к частичной утрате смысла. Банализация: *haec lex* вм. *lex haec*.

I.7. El Independiente (1815, Б.-А., 13)

— *Eripe turpi*—

Colla iugo, liber, liber sum, dic age. Hor. Sat. 7. l. 2. v. 92.

Из: Hor. sat. II 7, 91—92. Пер.: вырви шею / из-под гнусного ярма; свободный, давай, скажи: «Я свободен!»

Издатель газеты — горячий сторонник независимости. «Гнусное ярмо» — триста лет колониальной эпохи.

I.8. El Redactor del Congreso Nacional (1816—1820, Б.-А., 52)

Steriles transmissimus annos.

Hæc ævi mihi prima dies, hæc limina vitæ. Statius lib. 4. Silvarum.

Из: Stat. silu. IV 2, 12—13. Пер.: Мы прошли бесплодные года. / Для меня это первый день эпохи, это пороги жизни.

Официальный орган Национального конгресса. Издатель пишет о бесплодных годах колониальной эпохи и о революции, которая только начинает давать настоящие плоды. Возм., гиперкоррекция: *transmissimus* вм. *transmisimus*; вероятно, банализирующее чтение (*haec limina* вм. *hic limina* («здесь пороги»)), упомянутое в издании Клотца 1911 г., взято из издания Стация, доступного авторам газеты.

I.9. La Crónica Argentina (1816—1817, Б.-А., 40)

Tros, Tyriusque mihi nullo discrimine agetur. Æneid. I. 1.

См. пер. к I.3 и комм. к II.1.

Продолж. I.3: те же издатель, идеи, эпиграф. Претендующая на гексаметр⁴ надпись над изображением солнца *SOLE NOVO, PRÆCLARA LUCE, LIBERTAS NASCITUR ORBE* («при новом солнце, при блистательнейшем свете рождается в мире свобода») м.б. аллюзией на национальный символ Аргентины или название типографии *Imprenta del Sol*, основанной издателем, В. Пасосом. Эта фраза также станет эпиграфом к его мемуарам [Gramuglia, Rosetti, 2017].

I.10. Termómetro del Día (1820, Мендоса, 7)

Est natura hominum novitatis avida -Plin. Hist. Natur.

Из: Plin. n. h. XII 11. Пер.: Природа людей жадна до новизны.

В № 1 издатель дает понять, что газета будет новостной, а не публицистической.

⁴ Метр. схема: — √ | — | — | — √ || — | — | — √ | — ×

I.11. **El Curioso** (1821, Б.-А., 4)

Omne tulit punctum qui miscuit utile dulci,
lectorem delectando, pariterque monendo.

Из: Hor. а. р. 343. Пер.: Все голоса получит тот, кто совмещает приятное с полезным, / доставляя удовольствие читателю и в то же время его наставляя.

Литературная газета; в ней затрагивались и научные темы. Совмещение этих сфер отражено в эпиграфе.

I.12. **La Abeja Argentina** (1822—1823, Б.-А., 15)

Apes favos struunt melleos, nectare florum
melle, fructibus dulcibus victitantes. *Linnæ sist. nat.* 248.

Из: Linn. syst. nat. 348 (в эпиграфе ошибка). Пер.: Пчёлы <...> строят медовые соты, питаюсь нектаром цветов, мёдом, сладкими плодами.

Вероятно, эпиграф только в № 1: в № 4 и № 7 его нет. Научно-популярное издание. При этом цитата из научного труда К. Линнея оформлена как стихи (возм., шутка). Описание пчёл — метафора, созвучная идее издателей: прочное государство строится на основе знаний.

I.13. **Teatro de la Opinión** (1823—1824, Б.-А., 65)

Magnus ab integro sæclorum nascitur ordo....

Jam nova progenies cœlo dimittitur alto. Virg. Eglo. IV.

Из: Verg. ecl. IV 5; 7. Пер.: Сызнова рождается великая вереница веков, / уже с высоких небес посылается новый род.

По мысли издателя, свобода, восторжествовав в Европе и Северной Америке, пришла в Южную Америку, обещая наступление Золотого века (отсылка к эклоге). Возм. влияние исп.: *Eglo* вм. *Eclo*.

I.14. **El Observador Eclesiástico** (1823—1824, Кордоба, 26)

Tempus est, ut incipiat judicium a domo Dei.

Tiempo es ya que comienze la reforma por la casa de Dios

Carta prim. de S. Pedro Apost. cap. 4

Из: 1 Petr 4, 17. Синод. пер.: время начаться суду с дома Божия.

В 1822 г. проводятся секуляризация и религиозная реформа, что вызывает протест Церкви. Издатель газеты, священник, соглашаясь с необходимостью преобразований, предлагает начать реформу изнутри, а не снаружи. Возм., умышленно в пер. на исп. *reforma* вм. *juicio* (= лат. *iudicium*).

I.15. **El Granizo** (1827, Б.-А., 11)

Qui potest capere, capiat.

El que pueda escaparse que se escape. D. MAGNIFI. DE SENECTUTE, lib. XXI.

Из: Mt XIX 12. Синод. пер.: Кто может вместить, да вместит. Пер. с исп.: Кто может улизнуть, да улизнёт.

«Перевод» по созвучию (*capere* — *escaparse*) м.б. шуткой, как и ложная атрибуция цитаты. *D. MAGNIFI.* — это *Doctor Magnifico Emplasto(s)*, шуточное прозвище 51-летнего (возм., отсюда *DE SENECTUTE*⁵) П. Кавии, оппонента издателей сатирической газеты [Ardao, Castellanos, 1946: 98], которые в одной из эпиграмм иронически сравнивают того с Цицероном.

I.16. *Semanario científico, histórico, clínico* (1829, Б.-А., 11)

Ars, vel scientia medica, non est conjectura.

Вероятно, оригинальная фраза. Пер.: Врачебное искусство — или наука — не является догадкой.

Авторы выступают за доказательную медицину (основываясь, однако, на гуморальной теории Леруа-Пельгаса).

I.17. *El Lucero* (1829–1833, Б.-А., 1121)

Periculosiores sunt inimicitiae juxta libertatem. — Tacitus de Germania.

Из: Tac. Germ. XXI 1. Пер.: междоусобицы на почве свободы особенно опасны.

Издатель, П. де Анхелис, поддерживает диктатора Х. Росаса. Ограничение свобод, по его мнению, позволит избежать междоусобиц.

I.18. *El Voto Santafesino* (1847–1849, Санта-Фе, 106)

Erigamus dejectionem Populi nostri, et pugnemus adversus Nationes has, quae convenerunt adversus nos disperdere nos, et sancta nostra, quoniam melius est nos mori in bello, quam videre mala gentis nostrae et sanctorum—L. Machab. cap. 3. vers. 21, 43, 52 et 59.

Из: 1Масс III 43; 52; 58–59 (в эпиграфе ошибка). Синод. пер.: Восставим низверженный народ наш и сразимся <...> с этими язычниками, которые собрались против нас, чтобы погубить нас и святыню нашу. Ибо лучше нам умереть в сражении, нежели видеть бедствия нашего народа и святыни.

Ещё одна газета в поддержку Росаса; враги-унитаристы здесь соотносятся с библейскими *Nationes*.

II. Уругвай

II.1. *The Southern Star* (1807, Монтевидео (далее — М.), 7)

II.1.1. *Tros Rutulusve fuat, nullo discrimine habebō.* Virg.

Из: Verg. Aen. X 108. Пер.: Троянец или рутул — для меня не будет никакой разницы.

В № 1. Двужычная газета, издававшаяся во время оккупации Монтевидео [Стефанчиков, 2019: 174]. Противопоставляла британскую свободу торговли закоснелости испанской монархии. Эпиграф символизирует равенство в правах и справедливый суд. Источником

⁵ Название трактата Цицерона (*Cato Maior de senectute*).

мог стать № 126 *The Spectator*. Ныне (Mynors, 1972) принято чтение *Rutulusne*.

II.1.2. *Tros Rutulusve mihi nullo discrimine agetur. Virg.*

Из: Verg. Aen. X 108 + Verg. Aen. I 574 (см. I.3).

В № 2–7. Издатель смешивает два сходных стиха «Энеиды»: первый — о рутулах (племени, ассимилированном римлянами), второй — о тирийцах (т.е. пунийцах, традиционных врагах Рима). Скорее всего, это сделано не случайно: по мысли британских издателей газеты, британцы и уругвайцы (троянцы и рутулы) могли стать союзниками в борьбе с испанцами (тирийцами).

II.2. *El Sol de las Provincias Unidas* (1814, М., 14)

II.2.1. *Dulcis amor patriæ, dulce videre suos. Ovid.*

Ложно приписывается Овидию: Д. Макдоннелл в словаре изречений Х. Мура («A Dictionary of Quotations», 1831, р. 87) считает это восклицанием поэта, находящегося в ссылке на Чёрном море. Фраза неясного происхождения. Пер.: Сладка любовь к родине, сладко видеть своих.

В № 1–3. Газета, издававшаяся властями Буэнос-Айреса после окончательного изгнания испанцев в 1814 г. Фраза символизирует радость от того, что соотечественники (*compatriotas*) по обе стороны Рио-де-ла-Платы наконец смогли увидеться. При этом речь идёт об «аргентинском народе» [González, 2013: 202].

II.2.2. *Deus nobis hæc otia fecit. Virg.*

Из: Verg. ecl. I 6. Пер.: бог нам дал это спокойствие.

В № 4–14. Вергилий имеет в виду Октавиана Августа; в газете, судя по всему, речь идет о христианском боге, восстановившем единство.

II.3. *La Aurora* (1822–1823, М., 17)

Pulchrum est benefacere rei publicæ. SALLUST.

Из: Sall. Cat. 3, 1. Пер.: Прекрасно работать на благо государства, [а ещё прекраснее достойно говорить о нём].

В 1817 г. Уругвай стал частью Португальской, а в 1822 г. — Бразильской империи. Газета выступала против «аристократического правления» губернатора К. Лекора [González, 2013: 383, 433], что объясняет выбор эпитафия: Саллюстий также обличал нравы аристократии. Возм., в газете *res publica* трактуется не как «государство», а как «республика». Средневек. написание: слитное *benefacere* вм. *bene facere*.

II.4. *Serenas tardes do molhe* (1823, М., 1)

Pastillos Rufillus olet, Gorgonius hircum.

Nil medium est.

A pastilhas cheira hnm /sic/, outro a bodum

Não ha meio termo. Horat. Sat. 2. Lib. 1.

Из: Hor. sat. I 2, 27–28. Пер.: От Руфилла пахнет жвачкой, от Гаргония — козлом. / Среднего не дано.

В порт. переводе имена персонажей заменены на обезличенные *hum* («один») и *outro* («другой»). «Глупцы, избегая одних пороков, оказываются во власти других <...>; шеголь Руфилл, от которого исходит аромат жевательной резинки (*pastillus*), противопоставляется пахнущему козлом неопрятному Гаргонию» [Гимадеев, 2018: 359].

II.5. **El Ciudadano** (1823, М., 9)

Pro Patria.

Вероятно, из Hor. c. III 2, 13. Пер.: За Отечество.

Газета, основанная сторонниками воссоединения Уругвая с провинциями Рио-де-ла-Платы — Отечеством в их понимании.

II.6. **Semanario Mercantil de Montevideo** (1826–1829, М., 131)

Veritas odium parit.

Из: Ter. Andr. 68. Пер.: правда рождает ненависть.

Часто эту сентенцию Теренция цитируют в полном виде (ср. Cic. Lael. 89; Quint. inst. VIII 5, 4): *obsequium amicos, ueritas odium parit* («лесть рождает друзей, правда — ненависть»). Газета представляла интересы Бразилии в условиях, когда уругвайское общественное мнение было на стороне Аргентины [González, 2013: 499], что может объяснять выбор эпитафия.

II.7. **Gaceta de la Provincia Oriental** (1826–1827, Канелонес, 16)

Causæ equitatem multum in bello valere compertum est. Polib. lib. 2^o

Тёмное место, возможный перевод: «Известно, что на ход войны большое влияние оказывает справедливость её причины». Фраза в том же написании (за исключением средневеков. *equitatem*, вм. которого видим *æquitatem*), приводится в популярном сборнике изречений С. Гуларта «*Morum philosophia historica...*» (1594, р. 47), но приписана итальянскому гуманисту Б. Фацио: *B. Facius hist.l.2.* Идущая перед этим цитата отсылает к историку Полибию: *Polyb.l.2.* Скорее всего, это и вызвало ошибочную атрибуцию. *In bello*: речь идёт об Аргентино-бразильской войне, итогом которой станет провозглашение независимости Уругвая.

II.8. **El Observador Mercantil** (1828, М., 56)

...utile dulci. Horat.

См. пер. I.11. В проспекте (№ 0) слова *utile* и *dulci*, по-видимому, поняты издателем как номинативы (аналогично исп. *útil* и *dulce*), чем обусловлена форма эпитафия: *Utile et dulci. Orat.* «Полезное» (торговля и экономика) сочетается с «приятным» (литература и искусство).

II.9. Observador Oriental (1828—1829, М., 42)

Dicere de vitiis, parcere personis

Из: Mart. X 33, 10 (parcere personis, dicere de vitiis). Пер.: говорить о пороках, щадить людей.

С № 3. Продолж. II.8. Издатель обещает большее разнообразие материала (в т.ч. сатиру), с чем и связаны смена названия и эпиграфа.

II.10. El Constitucional (1829, Канелонес, с № 6 — М., 26)

Quid leges sine moribus!

Из: Hor. с. III 24, 35. Пер.: что законы без нравов!

Издание освещало процесс подготовки Конституции. Выбор эпиграфа связан с идеей издателя о том, что пресса способствует улучшению нравов и общественному примирению. Он предостерегает коллег от того, чтобы сеять раздор. Издателем добавлен воскл. знак.

II.11. El Relámpago (1831, М., 13)

discordia demens,

Intravit caelos, superosque ad bella coepit,

Из: Sil. IX 288—289. Пер.: безумный Раздор / пришёл на небо и заставил вышних начать войны.

Издатели сравнивают своё время, богатое на раздоры, с эпохой Пунических войн, отмечая, что с тех пор мало что изменилось. Чтение *caelos* (вм. *caelo*), вероятно, обусловлено аналогичным употреблением в Lucr. II 1097 (см. также Segu. Aen. и in Donat.), или влиянием евангельского семитизма (гр. οὐρανοί). В эпиграфе использовано метрически несостоятельное чтение *coepit* (пер., вероятно, «заставил начать») вм. *coegit* («принудил»), принятого ныне (Baue, 1890 и Summers, 1905). Чтение, вероятно, взято из издания Силия Италика, доступного авторам газеты, либо является опечаткой.

II.12. La Tribuna (1833, М., 1)

Bonus civis est, qui no potest pati eam un sua civitate potentiam quoe supra leges velit. Cicerón

Атрибуция Цицерону, возможно, принадлежит О. де Мирабо («Des lettres de cachet et des prisons d'État», 1782, р. 328). Сама фраза встречается уже в *Despertador de Cathalunya* (1713), но приписывается *quidam in aphor. Polit. Sylva*. («Сильвы» А. Полициано). Пер.: Хороший гражданин — тот, кто не может позволить в своем государстве такую власть, которая ставит себя выше закона.

Опечатки (*un* вм. *in*, *quoe* вм. *quae*, отсутствует *esse* перед *uelit*) позволяют предположить, что издатель не владел латинским языком. Возм., *no* вм. *non* можно объяснить исп. влиянием; у Мирабо — *non*.

II.13. La Revista de Montevideo (1834—1835, М., 41)

Legum servi estote, ut liberi esse possitis.

Из: Cic. Cluent. 147 (legum <...> serui sumus ut liberi esse possimus).

Пер.: будьте рабами законов, чтобы стать свободными.

В данном виде фраза приводится у В.-Ж. Этьена де Жуи («La morale appliquée à la politique», 1822, р. 122), откуда, вероятно, и взята издателем. Он говорит, что нельзя ставить личную волю выше закона, подчинение же ему приносит подлинную свободу.

II.14. La Abeja del Plata (1837, М., 16)

Brevis in volatibus est apis, &

initium dulcoris habet fructus illius. Ecclesiast. cap. XI. v. 3.

Из: Sir XI 3. Синод. пер.: Мала пчела между летающими, но плод её — лучший из сластей.

Задача издания — способствовать процветанию нации. Пчела (*abeja*) — символ трудолюбия и бережливости. Ошибка: *uolatibus* («полётами») вм. *uolatilibus* («летающими»).

II.15. The Britannia, and Montevideo Reporter (1842—1844, М., 106)

Caelum non animum mutat.

Из: Hor. epist. I 11, 27: *caelum, non animum mutant, qui trans mare currunt.* Пер.: Небо, не душу меняет, [кто море пересекает].

Уругвайская гражданская война (1839—1851) переросла в международный конфликт с участием европейских добровольцев. Газета публиковалась англичанами и ставила своей задачей защиту интересов британцев (в самом деле пересекших океан — отсюда эпиграф). Возм., ошибка: *mutat* вм. *mutant*.

II.16. Le Moniteur (1842, М., 34)

Utile dulci. (Н)

См. пер. к I.11. Француз А. Ларрок издавал данную газету во время почти девятилетней осады Монтевидео.

Заключение

В ходе исследования были выявлены следующие языковые особенности эпиграфов: влияние испанского (особенно в написании геминат), банализация оригинала, средневековое написание слов. Чаще цитируются популярные авторы (Гораций, Цицерон, Вергилий), но встречаются и более редкие (Силий Италик, К. Линней). Некоторые эпиграфы приписаны античным авторам ошибочно (II.2.1, II.12) или неточно указано место цитирования (I.4.1, I.6, I.12, I.18). В то же время обнаруживаются даже оригинальные фразы (I.9, I.16). Наконец, часть эпиграфов представляет собой испорченный текст, что часто связано с цитированием из вторичных источников.

Стоит отметить, что классическое наследие не исчерпывается эпитафиями: это и латинские цитаты в статьях, и названия периодических изданий (*El Federal - Lex Populi, Lex Dei*-, 1830–1831), и постоянная апелляция к античным идеалам республики и демократии. В Америке начала XIX в., как и в Европе рубежа XVIII–XIX вв., герои античности были для политиков примером для подражания, источником ответов на вопросы революционной эпохи [Taboada, 2014: 193]. Показательно, что вслед за США и революционной Францией латиноамериканские государства объявляют себя *республиками*. Так латинский язык становится ключом к пониманию исторических процессов в Новом свете.

Понимание эпитафий на латыни, которой подавляющее большинство населения свободно не владело, оставалось прерогативой культурной элиты [González, 2013: 364]. Неудивительно, что в соответствии с периодизацией А.И. Солопова использование латинского языка в периодической прессе Аргентины и Уругвая резко уменьшается в 1830–1840-х годах⁶ параллельно с развитием национализма и утратой латынью статуса языка дипломатии [Солопов, 2008: 23–26, 57–63]. С этого времени, как правило, в исследуемых контекстах (за редким исключением иммигрантской периодики) встречается только испанский язык. Уменьшается количество самих эпитафий, что объясняется в том числе изменением газетного формата.

Список литературы

1. Гимадеев И.Р. Была ли известна жевательная резинка в эпоху Горация? // ИЯКФ. Т. 22. 2018. С. 355–362.
2. Оболенская Ю.Л., Шевелева А.Ю. Актуальные тенденции испанского языкознания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2018. № 2. С. 9–34.
3. Солопов А.И. Начала латинской стилистики. М., 2008.
4. Стефанчиков И.В. The Southern Star / La Estrella del Sur (1807): британское присутствие в Монтевидео и язык оккупации // Stephanos. 2019. № 4 (36). С. 173–183.
5. Acree W. La lectura cotidiana. Buenos Aires, 2013.
6. Ardao M., Castellanos A. Bibliografía de Artigas. T. 2. Montevideo, 1946.
7. Chartier R. et al. Cultura escrita, literatura e historia. México, 1999.
8. Genette G. Transtextualidades // Maldoror. № 20. P. 53–62.

⁶ Нельзя, впрочем, сказать, что традиция исчезает совсем: юмористические газеты *¡Zipi-zape!* и *El Látigo* в 1865 и 1876 гг. выбирают в качестве эпитафия слова *Castigat ridendo mores* («смехом бичует нравы»), принадлежащие французскому поэту XVII в. Ж. де Сантелю.

9. *González W.* El Sol de las Provincias Unidas // CLAHR. 2004. № 13:1. P. 53–87.
10. *González W.* Prensa periódica y circulación de ideas. Montevideo, 2013.
11. *Gramuglia P., Rosetti M.* Letrado americano // El Argonauta español. 2017. № 14.
12. *Luna F.* Breve historia de los argentinos. Buenos Aires, 2008.
13. *Montalto D.* El epígrafe espejo de los costumbristas. // Romanticismo. 1996. № 6. P. 231–238.
14. *Montalto D.* La función lúdica de los epígrafes // Romanticismo. № 5. 1995. P. 163–172.
15. *Montalto D.* Uno specchio per i testi // Culture. 1989. P. 427–436.
16. *Montero J.* Un modo de diálogo intertextual // EPOS. XIII. 1997. P. 189–208.
17. *Moreno M.* Memorias. Buenos Aires, 1968.
18. *Pierrotti N.* La educación colonial en Montevideo // Estudios Históricos. 2015. № 14.
19. *Taboada H.* Centauros y eruditos: los clásicos en la Independencia // Latinoamérica. 2014. № 59. P. 193–221.
20. *Villa O., Fernández A.* Revolución, prensa y propaganda // Deslindes. 1994. № 4/5. P. 13–54.

Igor Stefanchikov, Tycho Davydov

LATIN EPIGRAPHS IN ARGENTINIAN AND URUGUAYAN PERIODICALS FROM THE 1800'S TO THE 1840'S

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article discusses the use of Latin epigraphs in the Argentinian and Uruguayan periodicals from the 1800's to the 1840's. We selected thirty-four newspapers that contain Latin epigraphs, which are kept in the national libraries of Argentina and Uruguay. Each epigraph was examined in connection with its ideological content (historical events, mythological motifs) and the context of the epoch (Colonialism, Wars of Independence, the emergence of the new states). The work is divided into two parts, each containing the results for Argentina and Uruguay, respectively. We describe linguistic features of the epigraphs: trivialization, influence of Spanish, and medieval spelling. The editors often did not have access to the original text, so they quoted it from secondary sources, which caused lots of inaccuracies, errors, and false attribution of the quotations. Many editors showed a good knowledge of Classics; they also coined some original phrases, which indicates a high level of proficiency in Latin. In addition, we found out that the use of Latin in the epigraphs

had decreased drastically in the 1830's and the 1840 Argentina's due to a cultural shift caused by the rise of nationalism and gradual decline of Latin.

Key words: Latin; epigraphs; press; Argentina; Uruguay; Spanish.

About the authors: *Igor Stefanchikov* — PhD Student, Department of Ibero-Romance Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: i.stf@ya.ru); *Tycho Davydov* — PhD Student, Department of Classical Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: tychondavydov@gmail.com).

References

1. Gimadeev I.R. Byla li izvestna zhevatel'naya rezinka v epokhu Goratsiya? [Chewing gum in the time of Horace]. *IYaKF* [IELCP], T. 22, 2018, pp. 355–362.
2. Obolenskaya Yu.L., Sheveleva A.Yu. Aktual'nye tendentsii ispanskogo yazykoznaniya [Current Trends of Modern Spanish Linguistics]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9: Philology], № 2, 2018, pp. 9–34.
3. Solopov A.I. *Nachala latinskoj stilistiki* [Initia eloquentiae Latinae]. Moscow, 2008.
4. Stefanchikov I.V. The Southern Star / La Estrella del Sur (1807): britanskoe prisutstvie v Montevideo i yazyk okkupatsii [The Southern Star / La Estrella del Sur (1807): British Military Presence in Montevideo and The Language of Occupation]. *Stephanos*, № 4 (36), 2019, pp. 173–183.
5. Acree W. *La lectura cotidiana* [The Daily Reading]. Buenos Aires, 2013.
6. Ardao M., Castellanos A. *Bibliografía de Artigas, T. 2* [Bibliography of Artigas, v. 2]. Montevideo, 1946.
7. Chartier R. et al. *Cultura escrita, literatura e historia* [Written Culture, Literature and History]. Mexico City, 1999.
8. Genette G. Transtextualidades [Transtextuality]. *Maldoror*, № 20, 1985, pp. 53–62.
9. González W. El Sol de las Provincias Unidas. *CLAHR*, № 13:1, 2004, pp. 53–87.
10. González W. *Prensa periódica y circulación de ideas* [Periodic Press and Circulation of Ideas]. Montevideo, 2013.
11. Gramuglia P., Rosetti M. Letrado americano [American Scholar]. *El Argonauta español* [The Spanish Argonaut], № 14, 2017.
12. Luna F. *Breve historia de los argentinos* [A Short Story of the Argentinians]. Buenos Aires, 2008.
13. Montalto D. El epígrafe espejo de los costumbristas [Epigraph, the Custombrist Mirror]. *Romanticismo* [Romanticism], № 6, 1996, pp. 231–238.
14. Montalto D. La función lúdica de los epígrafes [The Ludic Function of the Epigraphs]. *Romanticismo* [Romanticism], № 5, 1995, pp. 163–172.
15. Montalto D. Uno specchio per i testi [A Mirror for the Texts]. *Culture*. 1989, pp. 427–436.

16. Montero J. Un modo de diálogo intertextual [A Means of Intertextual Dialogue]. *EPOS*, XIII, 1997, pp. 189–208.
17. Moreno M. *Memorias* [Memories]. Buenos Aires, 1968.
18. Pierrotti N. La educación colonial en Montevideo [The Colonial Education in Montevideo]. *Estudios Históricos* [Historical Studies], № 14, 2015.
19. Taboada H. Centauros y eruditos: los clásicos en la Independencia [Centaurus and erudites: the classics during Independence]. *Latinoamérica* [Latin America], № 59, 2014, pp. 193–221.
20. Villa O., Fernández A. Revolución, prensa y propaganda [Revolution, Press and Propaganda]. *Deslindes* [Demarcations], № 4/5, 1994, pp. 13–54.

Чжан Шучунь

СОСТАВ И ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ РУССКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С СУФФИКСОМ -ОСТЬ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В данной статье русские существительные на *-ость* анализируются с учетом словарных и корпусных данных. При этом затрагивается ряд теоретических проблем, возникающих при синхронном словообразовательном анализе — проблема установления мотиватора и критерии сведения слов в один словообразовательный тип. На материале корпуса газетных текстов выявляются некоторые частотные характеристики слов на *-ость* и анализируются их морфонологические особенности. Рассматривается также семантическая специфика слов на *-ость*, мотивированных существительными.

Ключевые слова: словообразовательный тип; суффикс *-ость*; морфонологическая модель; синхронная мотивация.

Существительные с суффиксом *-ость* в силу частотности их употребления и важных текстовых функций неоднократно описывались лингвистами. Однако с развитием синхронного словообразования их изучение получило новый импульс. Он связан со становлением понятия «словообразовательный тип», которое позволяет описывать словообразовательные модели более системно и комплексно, по большему числу значимых параметров — формальных, семантических и функциональных. В последнее время в связи с компьютеризацией лингвистических исследований, с созданием корпусов текстов и баз данных появилась также возможность проводить «сплошной» сбор и количественную оценку производных слов. По этой причине мы считаем полезным и актуальным снова обратиться к такому традиционному для русистики объекту исследования, как слова с суффиксом *-ость*. Материалом исследования послужили тексты электронного корпуса «Русские газеты конца 20-го века» (1 млн словоупотреблений, далее — Корпус), а также словарные базы данных по «Грамматическому словарю русского языка» А.А. Зализняка и по «Толковому словарю русского языка»

Чжан Шучунь — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: shushu8522@mail.ru).

под ред. Н.Ю. Шведовой¹). Целью статьи является использование данного материала для более углубленного описания выбранного объекта исследования.

Характеристика состава и частотности существительных на *-ость*

Состав и частотность употребления лексических единиц зависит от конкретного типа текстов и времени их написания, поэтому здесь лучше всего использовать данные не словарей, а корпусов текстов. Поиск в электронном корпусе «Русские газеты конца 20-го века» позволил получить список из 1268 слов с финалью *ость* с количеством употреблений каждого. Наиболее употребительными оказались следующие слова: *возможность* (575 случаев употребления), *деятельность* (477), *безопасность* (382), *частность* (244²), *стоимость* (234), *должность* (211), *собственность* (205), *необходимость* (185).

Употребительность слова отражает важность передаваемого им смысла, поэтому частотный анализ дает возможность получить представление о свойствах, признаках и понятиях, имеющих наибольшее культурное и общественное значение для носителей языка в тот или иной период. Именно эти слова должны исследоваться в первую очередь, а также входить в лексические минимумы РКИ. Как можно увидеть, некоторые из самых частотных слов на *-ость* отражают реалии, получившие высокую актуальность в России конца XX в. (ср. *безопасность, стоимость, собственность*).

Анализ корпусов позволяет также определить те слова, которые не вошли в словари. С этой целью нами было произведено сравнение списка слов на *-ость*, полученного из базы «Грамматического словаря русского языка» [Зализняк, 1977] со списком единиц корпуса. Было обнаружено 263 единицы корпуса, отсутствующие в данном словаре. Их анализ показал, что в значительной части случаев это слова, где суффикс не является формантом, т.е. производные от слов на *-ость*. Существительные на *-ость*, в силу своей качественной семантики, легко модифицируются и сами выступают как модификаторы, в том числе как приложения (ср.: *актер-личность, коммуно-совковость, рэйн-мрачность* и т.п.). Регулярный характер имеют производные от *-ость* с аффиксоидами *само-*, *сверх-*, *полу-*, *микро-*. Среди «новых» слов есть также слова с приставкой НЕ- (*невостребованность, неглубокость* и др.).

Однако наибольший интерес среди отсутствующих в словаре единиц представляют слова, образованные собственно с помощью *-ость*.

¹ Корпус и базы данных созданы в Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии (ЛОКЛЛ) филологического факультета МГУ.

² Высокая частотность обусловлена употреблением в обороте *в частности*.

Обнаружилось, что такие слова — это синтаксические дериваты, что подтверждает главную функцию данного словообразовательного типа — быть средством номинализации. Среди «новых» слов некоторые являются неузуальными (например, *шоустость* — ‘свойство, присущее шоу’), но подавляющее большинство относится к узуальной лексике. Это свидетельствует о том, что русские словари отражают далеко не все производные на *-ость*, использующиеся в языке. Очевидно, последовательно отражаются прежде всего те, значение которых непредсказуемо (например, слова, ставшие лексическими дериватами) или же самые частотные и привычные.

Проведенное сопоставление со словником «Толкового словаря» Н.Ю. Шведовой [Шведова, 2011] дало результаты, близкие к «Грамматическому словарю» — 307 единиц Корпуса, включая составные, в нем отсутствуют. Нужно отметить, что значение большинства производных существительных, отсутствующих в этих словарях, достаточно предсказуемо, и для него не обязательна лексикографическая фиксация.

Можно предположить, что отсутствие слова в словарях, отражающих состав текстов сложившийся к 1970-м годам, может быть связано и с недостаточной актуальностью какого-то понятия. Само образование существительного на *-ость* свидетельствует о формировании такого понятия, об оформлении его как самостоятельного объекта мысли, а изменение частотности его употребления говорит о степени актуальности. Анализ показал, что к самым частотным из «новых» слов Корпуса относятся следующие слова на *-ость*: *оргпреступность* (19); *собираемость* (13); *госсобственность* (11); *госбезопасность* (6); *латентность* (5); *инаковость* (4); *престижность* (4); *ангажированность* (4); *вовлеченность* (4); *комфортность* (4); *конфиденциальность* (4). Основная часть этих слов отражает те свойства и явления, которые приобрели большую значимость именно в 1990-е годы.

Результаты анализа мотиватора

Анализ мотивирующих слов производился на материале «Толкового словаря» Н.Ю. Шведовой [Шведова, 2011], поскольку в этом словаре последовательно дается отсылка синтаксических дериватов к производящему слову. Всего в базе данных по этому словарю оказалось 3466 производных существительных с исследуемым суффиксом. Среди них 27 слов является сложносоставными, 3324 мотивируются прилагательными, подавляющее большинство из которых является качественными. Для 57 слов указывается мотиватор иной части речи: 28 слов мотивируются глаголами, 29 — существительными. У остальных 58 единиц в Словаре нет прямых отсылок к мотивирую-

щим словам. Все они без исключений выступают как лексические дериваты, т.е. лексикализированы.

Стоит отметить, что определение синхронного производящего для русского слова является достаточно сложным процессом даже для такого регулярного словообразовательного типа, как слова на *-ость*. Во-первых, семантическая производность может быть уже утрачена словом из-за утраты или устаревания исходного прилагательного. Так, *ярость* <— *ярый* описывается в словаре Шведовой как непроеизводное, хотя прилагательное *ярый* здесь представлено. Ср.: *ярый*¹: То же, что *яростный* (высок.); *ярость*¹: Сильный гнев.; *яростный*¹: Полный ярости, гнева [Шведова, 2011].

Во-вторых, нужно различать формальную и смысловую производность, а также учитывать возможность полимотивации [Ширшов, 2004: 12]. Главным критерием при установлении синхронной мотивированности является критерий Г.О. Винокура [Винокур, 1946]. Предложенный им способ — толкование через родственное слово — хорошо выявляет собственно синхронные ассоциативные связи между словами. Применение этого приема показывает, что слово *задолженность*, например, мотивируется не прилагательным и не глаголом, а существительным же *долг*. См. его толкование в Словаре: *Наличие долгов, невыполненных обязательств; сами такие долги...* [Шведова, 2011].

Мотивация существительным носит у существительных на *-ость* далеко не единичный характер. В корпусе были обнаружены следующие слова данного типа: *аварийность*, *калорийность*, *смертность*, *удойность*, *численность*, *этажность*. В случаях типа *этажность* (см. также *размерность* и др.) производность от существительного очевидна, так как прилагательное *этажный* практически не употребляется. В остальных случаях она также имеет место. Ее явным сигналом является возникновение количественной семантики у слова на *-ость*, которую хорошо выявляет сравнение с семантикой соотносительных прилагательных. Ср., например, толкования слов *смертный* и *смертность* в «Толковом словаре русского языка» [Ушаков, 2005]: *смертный*¹: Подверженный **смерти**, такой, что должен закончить свое существование смертью; *смертность*¹: Количество **смертей** за какой-нибудь срок.

Как отмечают исследователи, производные на *-ость* с количественным значением характерны прежде всего для научно-технических текстов и выполняют в русском языке терминологические функции (см., например, [Даниленко, 1978]). Источником этого значения можно считать конкретно-предметную семантику исходного существительного. Если ее нет, то количественная семантика может уходить на второй план и в производном возникает

качественное значение ‘обладание подобными качествами, свойствами’. Ср. следующие контексты употребления мотивированных существительными слов *шоу*||*ст~ость* и *триллер*||*н~ость*, найденные в Корпусе:

* *Как и во всей продукции «ВиДа», агент здесь сделан на «видности», «шоустости»;*

* *В картине дешевая **триллерность**, которая не помешала Папанову сыграть великую роль.*

В Словаре [Шведова, 2011] случаи мотивации существительным учитываются достаточно последовательно. Здесь оказалось 26 слов с отсылкой к существительным. При этом у основной их части фиксируется многозначность за счет совмещения функций номинализации и лексической деривации (см. *аварийность*, *преступность*, *частотность* и др.). Источником такой многозначности является возможность двойной мотивации — и существительным, и прилагательным.

В Словаре последовательно отражена и отглагольная мотивация (см.: *вместимость* = ‘способность вмещать’, а также *выживаемость*, *заболеваемость*, *нуждаемость*, *обеспеченность*, *окупаемость*, *освещенность*, *оснащенность*, *посещаемость*, *рождаемость* и др.). Нужно отметить, однако, что в части этих случаев возможна и конкретно-предметная мотивация существительным, что порождает количественное значение. См., например, толкование слова *рождаемость* в том же Словаре: *рождаемость*: Количество рождений.

Поскольку слова на *-ость* мотивируются не только прилагательными, то возникает вопрос о том, можно ли сводить их в один словообразовательный тип (СТ). По строгому определению, в один СТ можно сводить только слова, образованные от одной части речи [Земская, 2011: 190]. Однако представляется, что слова типа *строгость* и *размерность* можно рассматривать как варианты внутри одного словообразовательного типа. Даже при отсутствии соответствующего прилагательного и присоединении *-ость* непосредственно к существительному (ср. *размер* > *размерность*), возникает словообразовательный результат, аналогичный основной модели типа, т.е. образуется производное с семантикой ‘имя качества, перенесенное во вторичную, предметную позицию’. Поскольку изосемичной для качественной семантики является позиция прилагательного, то случаи типа *размерность*, где реальной транспозиции нет и существительное образуется от существительного же, языковое сознание воспринимает как результат трех-, а не двухступенчатой деривации (*размер* > **размерный* > *размерность*). Благодаря этому восстанавливается пропущенное прилагательное и устанавливается соответствие между семантикой и синтаксической позицией. Интересно, что это

восстановление находит в русском языке формальное выражение — с помощью составных вариантов суффикса *-ость*. Пропущенное в нем признаковое слово представлено в них первым субморф, совпадающим с формантом прилагательного или причастий. На регулярный характер этого явления указывает составной характер форманта в корпусных неологизмах (ср. *шоу||ст~ость*, *триллер||н~ость*).

Особую проблему при анализе единиц на *-ость* составляют слова, в составе которых компонент *-ость* выделяется в синхронии лишь формально. При признании существования особого, субморфного уровня членения русского слова (см. [Кукушкина, 2016: 25–27]), можно говорить о том, что в русском языке есть целый ряд бинарных корней с субморфом *-ость*. Ср.: *жисмол~ость*, *ведом~ость*, *вол~ость*, *тр~ость*.

Анализ состава формантов и морфонологических моделей

В «Толковом словаре словообразовательных единиц русского языка» [Ефремова, 1996] для суффикса *-ость* указаны четыре варианта: *-енн~ост'-*, *-им~ост'-*, *-н~ост'-*, *-т~ост'*. Первые их сегменты соотносительны с суффиксами страдательных причастий и производных от них прилагательных. В связи с этим определение варианта при наличии соотносительного атрибута зависит от того, чем мотивировать слово и что принимать за базовый компонент. Так, при толковании слова типа *защищенность* через инфинитив (*защищать*) в них нужно выделять составной формант *-енн~ост'-*. При другом подходе составные форманты имеет смысл выделять только при отсутствии соотносительного атрибута. В таком случае составные форманты выделяются в очень небольшом числе слов. Так, в корпусе обнаружено два слова с *-им~ост'-*: *решимость* и *пробудимость*; пять отыменных производных с *-н~ост'-*: *готовность*, *живность*, *общность*, *погрешность* и *триллерность* (от сущ. *триллер*). Этот же вариант можно выделять и у слов *смертность*, *калорийность*, *аварийность*, *этажность*, *кислотность*, *удойность*, если исходить из их мотивированности существительным. Вариант *-ен~ост'-* представлен в словах *численность* и *задолженность*.

Суффикс *-ость* и его варианты являются поконсонантными, т.е. требуют перед собой закрытого варианта исходной основы. Открытые основы перед ним должны закрываться, т.е. должен использоваться их усеченный или наращенный консонизатором вариант [Кукушкина, 2016: 132–135]. В Корпусе найден всего один случай образования от открытой основы — *шоу-стость*. Здесь используется сочетание консонизатора (с) и составного варианта *-т~ость*. В ре-

зультате в позиции форманта возникает сочетание, напоминающее суффикс прилагательного *-ист-*.

Для русских словообразовательных типов очень важна акцентуация, а именно — избираемая словообразовательным типом модель ударения. Русский язык стремится к унификации места ударения в словах с одинаковым суффиксом (см. о законе развития доминантности суффиксов в русском языке [Зализняк, 1985]). Как пишет А.А. Зализняк [там же: 29–30], схема ударения и место ударения у производных слов, содержащих суффикс, выводится по правилам из морфологического состава слова. Суффикс *-ость* относится, по Зализняку, к левоударным недоминантным [там же: 86]. Это означает, что сильные производящие основы (с ударным непоследним слогом основы в начальной форме), сохраняют перед ним свое ударение (*пра́вильный* > *пра́вильность*). У ударных производящих основ с конечным ударным слогом, в том числе односложных, акцентуационные требования основы и суффикса совпадают, поэтому исходной ударение тоже не меняется (ср.: *весёлый* > *весёлость*, *го́рдый* > *го́рдость* и др.).

Что касается прилагательных с флексийным ударением в начальной форме (т.е. на *-ой*), то с ними данный суффикс сочетается плохо. Как отмечает А.А. Зализняк, он несоединим с неодносложными, а также производными односложными основами этого типа (кроме *молодо́й*) [Зализняк, 1985: 86]. Мы проверили данную закономерность на материале Корпуса, и она подтвердилась. Из 1202-х производных существительных от прилагательных с окончанием *-ой* в Корпусе образуются только 10 существительных: *молодость*, *живность* и *живость*, *тупость*, *злость*, *святость*, *сырость*, *гнилость*, *сухость* и *крутость*. Все они, кроме *молодость*, образованы от односложных и непроизводных прилагательных.

Акцентуация и сочетаемость отличает *-ость* от синонимичных правоударных суффиксов *-от* (*а́*) и *-изн* (*а́*). Последние позволяют сохранять исходное ударение прилагательных на *-ой* и регулярно сочетаются с ними. Ср.: *упря́мый* > *упря́мость*, но *прямо́й* > не **пря́мость*, а *пря́мизна́*, а также *се́дина́*, *пря́мота́*; *дорогови́зна́* и пр.

Ударение в словах на *-ость* в норме является колонным, т.е. сохраняется во всех формах слова на одном и том же слоге от начала. Это связано прежде всего с тем, что формы множественного числа от слов на *-ость* малоупотребительны, а подвижное ударение является средством противопоставления форм числа. Из 3155 существительных с суффиксом *-ость* в «Грамматическом словаре» А.А. Зализняка 3149 относятся к акцентному типу *а*. Подвижное ударение представлено лишь у следующих слов со схемой ударения *е*

(т.е. с наосновным ударением в и. мн. и флексийным в косвенных падежах мн. числа): *крепость* (в 2 и 3 значениях), *новость*, *плоскость*, *полость* (в 1 и 2 значениях), *скорость* и *ведомость*. Нужно отметить, что все слова с подвижным ударением имеют значение лексического деривата (или обоих дериватов) и конкретную семантику, что и позволяет употреблять их во множественном числе.

Колонность и сохранение места ударения производящего слова — свойства словообразовательного типа, которые удобно использовать при его обучении.

Список литературы

1. *Ефремова Т.Ф.* Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 1996.
2. *Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка. М., 1977.
3. *Зализняк А.А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
4. *Земская Е.А.* Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
5. *Кукушкина О.В.* Морфология современного русского литературного языка. М., 2016.
6. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка. М., 2005.
7. *Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка с включением сведений об этимологии слов. М., 2011.
8. *Шишов И.А.* Толковый словообразовательный словарь русского языка. М., 2004.

Shuchun Zhang

COMPOSITION AND CHARACTERISTICS OF RUSSIAN NOUNS FORMED WITH SUFFIX -OST' A CASE OF THE CORPUS DATABASE 'RUSSKIYE GAZETY KONTSA DVADTSATOGO VEKA'

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article discusses the most productive types of abstract nouns in the Russian language — nouns formed with suffix -ost', which are considered as one of the most common and simple types of formed abstract nouns in the standard modern Russian language. Nonetheless, analyzing the characteristics of the nouns of this type, included in the Shvedova Dictionary, it is noteworthy that a significant number of words formed with this suffix demonstrate diverse linguistic features. While mainly used for forming abstract nouns from adjectives, the suffix -ost' functions in many words as an element capable of forming nouns directly from other nouns

or verbs. In these cases of nominalization the studied suffix plays a differed role than regularly — it adds a sense of ‘quantity’ to the meaning of the original word-motivator. A significant attention has been paid to the morphonological features of the analyzed words. The comparison study of the corpus data and dictionary texts shows that nearly 300 words with the suffix -ost’ included in the Corpus have not been included in the explanatory dictionaries which we have consulted during the study. Their absence in the dictionary proves productivity of the given word-formation model and shows the social meaning of the concepts that became significant when the texts were created. Utilizing corpus data and dictionary texts, the article studies the given word-formation type from several aspects in order to help in building a fuller description of this word-formation type in the future.

Key words: word-formation type; suffix -ost’; morphonological model; synchronic word-formation.

About the author: *Shuchun Zhang* — PhD Student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: shushu8522@mail.ru).

References

1. Efremova T.F. Tolkovyj slovar’ slovoobrazovatel’nykh edinits russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of Russian Word-forming Elements]. Moscow, *Russkij yazyk Publ*, 1996. 638 p.
2. Zaliznyak A.A. Grammaticheskij slovar’ russkogo yazyka [Grammatical Dictionary of the Russian Language]. Moscow, *Russkij yazyk Publ*, 1977. 880 p.
3. Zaliznyak A.A. Ot praslavyanskoj aktsentuatsii k russkoj [From Proto-Slavic Accentuation to Russian]. Moscow, *Nauka Publ*, 1985. 429 p.
4. Zemskaya E.A. Sovremennyy russkij yazyk. Slovoobrazovanie [Modern Russian Language. The Word-formation.]. Moscow, *Flinta Publ*, 2011. 328 p.
5. Kukushkina O.V. Morfonologiya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Morphonology of the Modern Standard Russian Language]. Moscow, *MSU Press*, 2016. 337 p.
6. Ushakov D.N. Tolkovyj slovar’ russkogo yazyka. [Explanatory Dictionary of Russian Language]. Moscow, *Alta-Print*, 2005.
7. Shvedova N.U. Tolkovyj slovar’ russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij ob etimologii slov [Explanatory Dictionary of the Russian Language with Etymological Information of Words]. Moscow, *Azbukovnik Publ*, 2011. 1174 p.
8. Shirshov I.A. Tolkovyj slovoobrazovatel’nyj slovar’ russkogo yazyka. [Explanatory Dictionary of Russian Word-formation]. Moscow, *AST Publ*, 2004. 1024 p.

П.В. Ярошенко

СИНЕСТЕЗИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ И МОДЕЛИ ЕЕ ПЕРЕВОДА

(на примере стихотворения А. Рембо)

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье рассматриваются языковые проявления синестезии в художественном тексте на уровне словосочетания. В качестве материала используются текст стихотворения А. Рембо «Пьяный корабль» и пятнадцать его переводов на русский язык (от начала XX до начала XXI в.). На базе понятия сенсорного семантического компонента (семы, относящейся к области сенсорной перцепции) выделяются и описываются три типа синестезийных словосочетаний. Каждый тип анализируется с точки зрения количества и конфигурации сенсорных компонентов в рамках словосочетания. Для формальной характеристики типов синестезийных словосочетаний предлагается компонентная формула. На основе материала формируются четыре модели перевода синестезийных словосочетаний. В статье сравниваются индексы синестезийной плотности (общее количество синестезийных словосочетаний) оригинала и переводов и описывается компенсаторная мера, позволяющая сохранить баланс синестезийной составляющей в переводе, — введение дополнительных, авторских синестезийных словосочетаний, аналогов которым не находится в исходном тексте. Наиболее частотной, по результатам исследования, оказывается модель, подразумевающая полное опущение синестезийного словосочетания в переводе. Второй по частотности является противоположная модель — полное совпадение конфигурации сенсорных компонентов в словосочетании в оригинале и переводе. Было выявлено также, что индекс синестезийной плотности текста не коррелирует с близостью перевода к оригиналу, так как наиболее насыщенными синестезией оказались переводы, авторы которых активно вводили новые синестезийные словосочетания, опуская при этом оригинальные¹.

Ключевые слова: синестезия; идеастезия; перевод; переводоведение; семантика; французский язык; русский язык; множественные переводы; лингвостилистика.

Ярошенко Полина Владимировна — аспирант кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: polina.iaroshenko@yandex.ru).

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 19–012–00620.

Синестезия активно изучается в различных сферах науки, в том числе и в лингвистике. Одним из первых лингвистов, рассмотревших синестезию с языковой точки зрения, был С. Ульманн. В исследовании [Ullmann, 1957] анализируются синестезийные метафоры на материале художественных текстов на французском и английском языках и выводятся паттерны семантических переходов между сенсорными модальностями. С. Ульманн оказал значительное влияние на формирование теории синестезии в лингвистике². Можно выделить две тенденции, воспринятые исследователями конца XX — начала XXI в.: рассмотрение синестетического переноса как универсальной разновидности семантического сдвига³ и определение синестезии через особый тип метафоры⁴.

В настоящее время языковые проявления синестезии рассматриваются с разных позиций: в рамках общей теории фигур [Bonhomme, 1998], на уровне фонетики и графики [Ramachandran, Hubbard, 2005; Simner, Glover, Mowat, 2006], с точки зрения семантических связей между ощущениями и понятиями [Nikolić, 2009].

Несмотря на отсутствие единой концепции синестезии в лингвистике, можно отметить систематическое разграничение собственно синестезии (физиологического порядка) и языковых проявлений, в основе которых лежат сенсорные ассоциации. Синестезия рассматривается лингвистами как некий механизм мышления, который находит воплощение в языке.

В статье языковые проявления синестезии рассматриваются на уровне словосочетания⁵. В качестве материала используются текст стихотворения А. Рембо «Пьяный корабль» и 15 его переводов на русский язык: В. Эльснер (1909); С. Бобров (1910); В. Набоков (1928); Д. Бродский (1929); Б. Лившиц (1935); П. Антокольский (после 1945); Л. Мартынов (1974); М. Кудинов (1982); Д. Самойлов (1984); Е. Витковский (1986); А. Големба (1988); Е. Головин (дата неизвестна); М. Анищенко (2003—2004); А. Кротков (2005); А. Чернов (2011).

Наличие значительного количества переводов позволило сформировать на их основе авторский корпус текстов⁶. Таким образом, настоящее исследование имеет непосредственное отношение к теории переводной множественности и корпусной традуктологии⁷.

² Подробнее о роли исследований С. Ульманна см. [Day, 1995].

³ Например, см. исследования [Leech 1969; Williams, 1976].

⁴ Рассмотрение синестезии как типа метафоры остается актуальным и в настоящее время. В рамках когнитивной теории метафоры синестезию трактуют такие исследователи, как S. Day, C. Osgood, R. Nordquist и др.

⁵ Словосочетание понимается в широком значении термина: включая как предикативные, так и непредикативные конструкции.

⁶ Отметим, что авторский корпус был обработан вручную.

⁷ Внедрение корпусного метода в переводоведение на данный момент представляет область активного интереса лингвистов и переводчиков [Baker, 1993; Look, 2012; 2016].

Основным вспомогательным конструктом в исследовании выступает **сенсорный семантический компонент** (далее — ССК) — элементарная составляющая смысла слова, относящаяся к сфере сенсорной перцепции⁸. ССК — как бы «плацдарм» для формирования синестезии в рамках словосочетания при соблюдении определенных условий. Отметим, что проявление синестезии невозможно в словосочетаниях, где слово с ССК употребляется в буквальном значении, характеризуя объективные свойства предмета (например, *сладкое пирожное, красное платье*).

Рассмотрим, в каких типах сочетания слов проявляется синестезия. Во-первых, синестезийное словосочетание подразумевает искажение в восприятии (намеренное или обусловленное особенностью строения мозга — в данном случае не принципиально), поскольку характеристика предмету, явлению или понятию дается посредством «неправильного» сенсорного канала: так, в словосочетании *гладкий звук* аудиальные свойства описываются через тактильную характеристику; в сочетании *сладкий голос* звук характеризуется через вкусовую перцепцию. Во-вторых, для синестезийных словосочетаний характерно нарушение языкового кода на лингвостилистическом уровне: синестетическое проявление в языке, как правило, связано с фигурами речи. Синестезия может выступать основой, на базе которой формируются метафора, метонимия, гипаллага, олицетворение и др.

Принципиально важно, что критерий полисенсорности восприятия, основополагающий для традиционного определения сути феномена, теряет обязательность в рамках лингвистического подхода⁹: рассматриваются сочетания слов, где содержатся ССК одной модальности, и словосочетания, где только один член содержит ССК.

В рамках исследования было обработано 166 синестезийных словосочетаний, из которых 20 выделены в оригинальном французском тексте, а 146 — общее количество для совокупности переводов.

Тип I. Поликомпонентное полисенсорное синестезийное словосочетание (далее — **чистая синестезия**). Словосочетания типа I можно описать формулой ССК (x) + ССК (y), где индексы (x) и (y) указывают на ССК различных модальностей. Примеры: *rousseurs amères* — ССК (зрение) + ССК (вкус), *раздавались цвета* — ССК (слух) + ССК (зрение), *среброкрылое пенье* — ССК (зрение) + ССК (слух), *свет горечи* — ССК (зрение) + ССК (вкус).

⁸ Е.В. Падучева в работе «Динамические модели в семантике лексики», анализируя глаголы сенсорного восприятия, отмечает, что рамки этого тематического класса достаточно размыты и трудноопределимы [Падучева, 2004: 198].

⁹ См., например: [Bretones-Callejas, 2005; Day, 1995; Nikolić, 2009].

Отметим, что именно тип I является своеобразным прототипом проявления синестетических ассоциаций на вербальном уровне, а типы II и III, описание которых последует далее, можно охарактеризовать как периферийные, но тесно связанные с синестезией.

Тип II. Поликомпонентное моносенсорное синестезийное словосочетание. Формула: ССК (x) + ССК (x), где (x) обозначает ССК одинаковой модальности. Как правило, такой тип сочетания характеризуется некоторой смысловой парадоксальностью. Словосочетания типа II часто строятся на базе оксюморона: *соленую горечью* — ССК (вкус) + ССК (вкус), *лиловый мрак* — ССК (зрение) + ССК (зрение), *azurs verts* — ССК (зрение) + ССК (зрение). Несмотря на принадлежность обоих ССК к одной модальности, в словосочетаниях не дается объективной характеристики (так, горечь фактически не может быть соленой или сладкой). По этой причине мнение лингвистов, относящих подобные словосочетания к синестезийным, представляется обоснованным.

Тип III. Монокомпонентное синестезийное словосочетание. Формула: ССК (x) + N, где N — слово, не содержащее ССК. Спорным является вопрос о статусе слова N. Часто ССК-слова сочетаются с абстрактными понятиями: *рыжина любви*, *taché d'horreurs*. Некоторые исследователи полагают, что ключевым моментом при формировании такого типа сочетания является именно присутствие абстрактного понятия [Bretones-Callejas 2005]. Для обозначения такого ассоциативного механизма предлагается термин **идеастезия** [Nikolić, 2009]. Сочетания типа III уместно будет обозначить этим термином, принимая во внимание, что в нашем исследовании **идеастезия** трактуется несколько шире, не ограничивая слова, вступающие во взаимодействие с ССК-лексикой, абстрактными понятиями. В материале встретилась лексика, которую нельзя отнести к классу абстрактных понятий: *dévorant les azurs*, *сладость архипелагов*, *окрасив бред* и проч.

Такие слова были сгруппированы в условные семантические классы: 1) чувства и эмоции (*l'âcre amour*, *горец страха*); 2) физические состояния человека (*экстаз* [...] *полнозвучней лири*); 3) физические состояния, свойства объектов, действия с объектами (*flottaison blême*, *жрал*¹⁰ *лазурь*); 4) временные периоды (*la nuit verte*, *юность горька*, *в перламутровом полдне*); 5) явления окружающей действительности (*soleil amer*, *горькие туманы*); 6) слова, соотносимые с лексическим полем текста (*le poème lactescent*, *поэтическая патока*); 7) глаголы

¹⁰ Уточним, что глаголы сходные по значению с глаголом «есть» (принимать пишу) мы не относим к лексемам, содержащим ССК, поскольку компонент сенсорного восприятия отсутствует, акцент делается на процессе поглощения пищи как таковом, а не на вкусовом восприятии.

ментального действия (*постигал лазурь*); 8) ментальные представления (*лазурным сном, синяки видений*).

Отметим, что при рассмотрении иного материала или расширении корпуса потенциально возможно возникновение других семантических классов, данный перечень не является исчерпывающим.

В нашем материале встречаются как достаточно стереотипные сочетания, своего рода **синестезийные клише**, так и **авторские фигуры**. Предположительно, синестезийные словосочетания изначально являются нарушением языкового кода, но затем потенциально могут входить в нормативный дискурс (*горечь утраты, кислая физиономия, зеленая тоска и др.*).

Далее рассмотрим модели перевода синестезийных словосочетаний. Были выделены четыре модели перевода, четыре возможных «сценария». Отметим, что модели строятся на базе понятия ССК, поэтому иные факторы, как, например, изменения частеречной принадлежности при переводе в данном случае не учитывались.

Модель 1. Полное совпадение оригинала и перевода. ССК сохраняют семантику и остаются в пределах той же модальности. Так, для *noirs parfums* в пер. Витковского находим соответствие: *смердя до черноты* — формула ССК (*обоняние*) + ССК (*зрение*) сохраняется, а частеречная структура претерпевает значительные изменения. Другие примеры: *crépuscule embaumé* — пер. Лившица: *в пахучем сумраке*, пер. Самойлова: *в пахучих сумерках*; *éveil jaune et bleu* — пер. Мартынова: *жёлто-голубое восстание от сна*; *immobilités bleus* — пер. Витковского: *синева недвижимой*.

Модель 2. Модификация ССК в пределах одной модальности. Модальность ССК сохраняется, однако семантика претерпевает изменения: *rousseurs atères* — пер. Головина: *багровая горечь* (СКК цвета + СКК вкуса); *nuit verte* — пер. Эльснера: *слепительно-снежная ночь* (СКК цвета + временной период).

Модель 3. Модификация ССК со сменой модальности. Синестезия в переводе сохраняется, но ССК меняет модальность: *soleil ater* — пер. Эльснера: *тяжёлое¹¹ солнце* (СКК вкуса заменяется на СКК осязания).

Модель 4. Отсутствие синестезии. В тексте перевода нет эквивалента синестезийному сочетанию оригинала.

Согласно нашему материалу, самой частотной оказывается **модель 4** (76% случаев). Второе место занимает противоположная тенденция — **модель 1** (21%). С большим отставанием идут **модели 2** (2%) и **3** (1%).

¹¹ В рамках исследования весовые характеристики предметов включены в модальность осязания, поскольку в данном случае подразумевается ощущение давления.

Отметим, что переводчики активно прибегали к **компенсаторной мере**: вводили новые, авторские синестезийные словосочетания, аналоги которых отсутствуют в оригинале. Например: [...] *les serpents géants dévorés des punaises* // *Choient, des arbres tordus, avec de noirs parfums!* — в оригинале есть одно синестезийное словосочетание; в пер. Кроткова — [...] *Как липка похоть змей по свилеватым сучьям* // *От душных ласк клопов, что их дотла грызут* — два синестезийных словосочетания, однако они авторские, аналог для *noirs parfums* отсутствует.

Далее были подсчитаны индексы синестезийной плотности каждого текста (общее количество синестезийных словосочетаний). Были сделаны следующие выводы: индексы переводов оказались ниже показателей оригинала (в среднем на 50%); высокий процент утраты синестезии при переводе является подтверждением гипотезы, что перевод менее насыщен оригинальными лингвостилистическими приемами, нежели исходный текст¹². На нашем материале наблюдается также отсутствие устойчивой корреляции между индексом синестезийной плотности и степенью сохранения синестезийных словосочетаний оригинала (рис. 1).

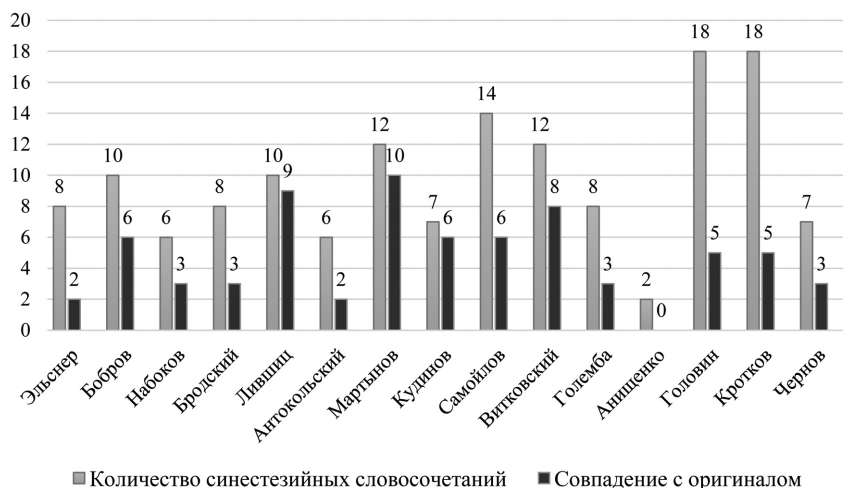


Рисунок 1

На рис. 1 визуализировано соотношение синестезийной составляющей перевода в целом и степень ее близости к оригиналу. Осо-

¹² Эта гипотеза возведена в ранг переводческой универсалии, к которой обращаются в своих работах многие исследователи [Baker, 1993; Berman, 1999; Loock, 2016; Разлогова, 2017; Задорнова, 2020].

бенно выделяются переводы Головина и Кроткова, которые имеют самый высокий индекс синестезийной плотности — их отставание от оригинала по этому параметру незначительно, в то время как уровень соответствия оригиналу достаточно низок. В передаче синестезий оригинала «лидируют» переводы Лившица и Мартынова. В целом процент передачи исходной синестезии оригинала в переводе крайне низок: средний показатель составил 24%, что примерно в два раза ниже, чем показатель общей синестезийности текста перевода в сравнении с оригиналом.

Список литературы

1. Антология одного стихотворения. «Пьяный корабль» А. Рембо и переводы на русский язык. [Электронный ресурс]. URL: [http://wikilivres.ru/Пьяный_корабль_\(Рембо\)](http://wikilivres.ru/Пьяный_корабль_(Рембо)) (дата обращения: 17.05.2019).
2. *Задорнова В.Я.* Синестезия как стилистический прием в прозе В. Набокова и возможности его передачи на другом языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2020. № 1. С. 9—19.
3. *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
4. *Разлогова Е.Э.* Стандартные и нестандартные варианты перевода // Вопросы языкознания. 2017. № 4. С. 52—73.
5. *Baker M.* Corpus Linguistics and Translation Studies: Implications and Applications // Text and Technology. Amsterdam, 1993. P. 233—250.
6. *Berman A.* La traduction et la lettre ou l'auberge du lointain. Paris, 1999.
7. *Bonhomme M.* Les figures clés du discours. Paris, 1998.
8. *Bretones-Callejas C.M.* What's your Definition of Synesthesia: a Matter of Language or Thought? // Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society, 2005. [Электронный ресурс] URL: <https://escholarship.org/uc/item/5471c5sr> (дата обращения: 17.05.2019).
9. *Day S.* Synaesthetic metaphors in English. West Lafayette, 1995. [Электронный ресурс] URL: http://www.daysyn.com/Day_1995_-_Synaesthetic_metaphors_in_English_-_part_1.pdf (дата обращения: 26.05.2019).
10. *Leech G.N.* A Linguistic Guide to English Poetry. L., 1969.
11. *Loock R.* La traductologie de corpus. Lille, 2016.
12. *Nikolić D.* Is synaesthesia actually ideasthesia? // Proceedings of the Third International Congress on Synaesthesia, Science & Art. Granada, 2009. [Электронный ресурс] URL: <http://www.danko-nikolic.com/wp-content/uploads/2011/09/Synaesthesia2009-Nikolic-Ideasthesia.pdf> (дата обращения: 17.05.2019).
13. *Ramachandran V., Hubbard E.* Synaesthesia: a window into the hard problem of consciousness // Synaesthesia: Perspectives from cognitive neuroscience. Oxford, 2005. P. 127—189.
14. *Rimbaud A.* Oeuvres complètes. Paris, 1972.
15. *Simner J., Glover L., Mowat A.* Linguistic Determinants Of Word Colouring In Grapheme-Colour Synaesthesia // Cortex. 2006. № 42 (2). P. 281—289.

16. Trésor de la Langue Française informatisé. [Электронный ресурс] URL: <http://atilf.atilf.fr> (дата обращения: 18.05.2019).
17. Ullmann S. The Principles of Semantics. Glasgow, 1957.

Polina Iaroshenko

**THE SYNAESTHESIA IN LITERARY TEXT
AND ITS TRANSLATION PATTERNS:
THE CASE OF A POEM BY A. RIMBAUD**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This paper aims to study the phenomenon of synaesthesia in a literary text at the word combination level. This is a case study of Arthur Rimbaud's poem 'The Drunken Boat' and its fifteen translations into Russian in the 20th and 21st centuries. Drawing on the notion of the sensory semantic component, three types of synaesthetic word combinations were defined. Each type was analysed in terms of quantity and configuration of synaesthetic components within a word combination. In order to identify synaesthetic word combination types a component formula was elaborated. Moreover, 'four synaesthetic word combinations' translation patterns were formulated. The indexes of synaesthetic density (the number of synaesthetic word combinations used in a text) of the original and its translations were compared, and compensatory mechanisms used to preserve synaesthetic content in the translations were analysed. Our study has shown that the most frequent pattern is the omission of a synaesthetic word combination in the translation. The second frequent pattern is the complete preservation of synaesthesia in translation. Finally, it has been found that the most synaesthetically dense translations are made by the authors who actively introduced their new synaesthetic word combinations and omitted those of the original.

Key words: synaesthesia; ideasthesia; translation; translation studies; semantics; French; Russian; re-translation; stylistics.

About the author: *Polina Iaroshenko* — PhD Student, French Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: polina.iaroshenko@yandex.ru).

References

1. Antologiya odnogo stixotvoreniya. "P'yanyj korabl'" A. Rembo i perevody na russkij yazyk [Anthology of One Poem. A. Rimbaud's Drunken Boat and Its Russian Translations]. Available at: http://wikilivres.ru/P'yanyj_korabl'_ (Rembo) (accessed: 18.05.2019).
2. Zadornova V. Sinesteziya kak stilisticheskij priyom v proze V. Nabokova i vozmozhnosti ego peredachi na drugom yazyke [Synaesthesia As A Stylistic De-

- vice In V. Nabokov's Russian Prose And Its Rendering Into English]. *Vestnik Mockovskogo Universiteta. Seriya 9: Filologiya*, 2020. № 1. (In Russ.)
3. Paducheva E.V. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki [Dynamic Models In Lexical Semantics]. Moscow, *Jazyki Slavyanskoi kultury Publ.*, 2004. 608 p.
 4. Razlogova E.E. Standartnye i nestandartnye varianty perevoda [Standard and Non-standard Versions Of Translation]. *Voprosy Jazykoznanija*, 2017, № 4, pp. 52–73. (In Russ.).
 5. Baker M. Corpus Linguistics and Translation Studies: Implications and Applications. *Text and Technology*, 1993, pp.233–250.
 6. Berman A. *La traduction et la lettre ou l'auberge du lointain*. Paris, Seuil Publ., 1999. 144 p.
 7. Bonhomme M. *Les figures clés du discours*. Paris, Seuil Publ., 1998. 92 p.
 8. Bretones-Callejas C.M. What's your Definition of Synesthesia: a Matter of Language or Thought? *Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society*, 2005. Available at: <http://escholarship.org/uc/item/5471c5sr> (accessed: 17.05.2019).
 9. Day S. *Synaesthetic metaphors in English*. West Lafayette, 1995. 148 p. Available at: http://www.daysyn.com/Day_1995_-_Synaesthetic_metaphors_in_English_-_part_1.pdf (accessed: 26.05.2019).
 10. Leech G.N. *A Linguistic Guide to English Poetry*. London, Longman, 1969. 240 p.
 11. Loock R. *La traductologie de corpus*. Lille, Presses Universitaires du Septentrion, 2016. 259 p.
 12. Nikolić D. Is synaesthesia actually ideaesthesia? *Proceedings of the Third International Congress on Synaesthesia, Science & Art*. Granada, 2009. Available at: <http://www.danko-nikolic.com/wp-content/uploads/2011/09/Synaesthesia2009-Nikolic-Ideaesthesia.pdf> (accessed: 17.05.2019)
 13. Ramachandran V., Hubbard E. Synaesthesia: a window into the hard problem of consciousness. *Synaesthesia: Perspectives from cognitive neuroscience*. Oxford, 2005, pp. 127–189.
 14. Rimbaud A. *Oeuvres complètes*. Paris, 1972. 995 p.
 15. Simner J., Glover L., Mowat A. Linguistic Determinants Of Word Colouring In Grapheme-Colour Synaesthesia. *Cortex*, 2006, № 42 (2), pp. 281–289.
 16. Trésor de la Langue Française informatisé Available at: <http://atilf.atilf.fr> (accessed: 18.05.2019).
 17. Ullmann S. *The Principles of Semantics*. Glasgow, Jackson, Son and Co, 1957. 314 p.

С.А. Харламова

**МЕТОД РЕШЕНИЯ ГОМЕРОВСКИХ ПРОБЛЕМ
В «ПОЭТИКЕ» АРИСТОТЕЛЯ
И “DE AUDIENDIS POETIS” ПЛУТАРХА**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Трактат Плутарха “De audiendis poetis” является учебным пособием для юношей, как понимать трудные места в поэзии. Поэтические проблемы представляют собой опасность для юных душ без опытного проводника, в роли которого выступает сам автор. Анализируя поэтические цитаты, Плутарх учит юношей извлекать из чтения поэтических произведений пользу. В качестве материала для изложения своих идей Плутарх чаще всего использует цитаты из гомеровских поэм. Плутарха как платоника волнуют этические темы, связанные с изображением характеров и поступков героев, поэтому в определении круга гомеровских проблем Плутарх следует за Платоном. Решение же проблем у авторов различается: Платон удаляет все стихи, вызывающие затруднение, изгоняя миметическую поэзию из идеального Государства, в то время как Плутарх интерпретирует их, пытаясь решить заложенные в них поэтические проблемы. Метод решения поэтических проблем в “De audiendis poetis” можно сравнить с методом, представленным Аристотелем в двадцать пятой главе «Поэтики». В данной статье рассматриваются лишь те гомеровские цитаты, проблемы в которых могут быть объяснены посредством лингвистического анализа. Решения подобных проблем впоследствии приобрели название λύσεις ἐκ τῆς λέξεως. «Поэтика» Аристотеля — первое дошедшее до нас произведение, в котором приводятся подобные решения при рассмотрении гомеровских проблем. Задача данной статьи показать, что Плутарх был в курсе того, как правильное понимание отдельных слов способно решить затруднение, заключенное в поэтических строчках.

Ключевые слова: “De audiendis poetis”; Плутарх; Платон; Аристотель; «Поэтика»; гомеровская проблема; цитата.

Трактат Плутарха “De audiendis poetis” («Как юноше слушать поэтические произведения») — педагогическое сочинение, в котором автор разбирает трудные места. Цель — помочь юношам избежать пагубного влияния, которое порой может оказывать поэзия.

Харламова Софья Александровна — аспирант третьего года обучения кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: sofya.kharlamowa@yandex.ru).

Сто шесть цитат из двухсот восьми взяты из «Илиады» и «Одиссеи». Критика Гомера давно стала общим местом в античной традиции [Destree, Hermann, 2011: 1–20], и так называемые гомеровские проблемы были сформулированы задолго до Плутарха. Основное свидетельство существования этой традиции — гомеровские схолии, которые являются хранилищем идей как грамматиков (Зенодот, Аристарх), так и философов (Платон, Аристотель) [Nünlist, 2009].

Платоник Плутарх рассматривает поэзию в первую очередь с этической стороны. По замечанию исследователей [Hunter, Russell, 2011: 9] Плутарха так же, как и Платона, волнует польза поэзии. Патрик Лейк [Lake, 2011] проанализировал гомеровские цитаты в диалоге «Государство», распределив их по тематическим группам. В “De audiendis poetis” используются примерно те же эпизоды. Главной темой является изображение богов, а также героического характера. Плутарх утверждает в первой главе “De audiendis poetis”, что невозможно заставить юношей не читать поэтических произведений, но возможно научить их извлекать из них пользу, не поддаваясь дурному воздействию (15a5–10). В отличие от Платона Плутарх *решает* трудные, «отрицательные», как назвал их Эрнесто Вальджильо [Valgiglio, 1973], примеры поэзии, а не предаёт их цензуре.

На мой взгляд, в “De audiendis poetis” можно выделять два типа отрицательных примеров:

- 1) отрицательные примеры, которые могут лишь казаться отрицательными;
- 2) отрицательные примеры, которые действительно являются отрицательными.

Относительно второй группы примеров у Плутарха такое мнение: отрицательные примеры поэзии для обучения юношества необходимы сами по себе как контраст хорошим примерам (29b2–5).

В настоящей статье речь пойдет о первом типе примеров.

Итак, существует причина, по которой определенные места в поэтических произведениях оказываются трудными для понимания. Однако Плутарх далеко не первый, кто обратил на это внимание.

В ходе анализа трактата становится ясно, что Плутарх был в курсе литературной традиции, дошедшей до нас в комментариях схолий bT и D [Hunter, Russell, 2011: 9–10].

Большинство исследователей согласно, что довольно значительная часть экзегетических схолиев bT восходит к комментариям, авторами которых были александрийцы. Одним из важнейших доказательств влияния перипатетической философии на александрийскую филологию оказывается присутствие шаблона «проблема»

и «решение» в комментариях схолиастов. Этот же шаблон был обнаружен мной в “De audiendis poetis”. Первое же его изложение дошло до нас в двадцать пятой главе «Поэтики» Аристотеля.

Маловероятно, что Аристотель первым создал формат рассмотрения поэтического отрывка в качестве вопроса-проблемы, заслуживающего дальнейшего внимания [Lucas, 1968: 232]. Проблемы могут быть разного толка: могут относиться к сфере этических вопросов, которые волновали Ксенофана или Платона, к сфере формальной, лингвистической, которая могла интересовать, например, софистов [Gallavotti, 1974: 199]. Проблемы сфокусированы на противоречии и неправдоподобности гомеровского текста, которые могут вызывать сомнения в его подлинности. Радикальным решением может стать цензура, как у Платона в диалоге «Государство», более мягким — атетеза (об атетированных гомеровских цитатах в “De audiendis poetis” [Харламова, 2016]).

Аристотель не удаляет поэтические цитаты, а систематизирует их на основе того [Lucas, 1968: 233]:

- 1) о чем говорит поэт: объекты подражания (1460b6–11);
- 2) как поэт говорит: средства, с помощью которых подражает объектам (1460b11–13).

Существует также третий вид проблем, возникающих на основании ошибки, которая бывает двух видов: по отношению к самой поэзии или случайная (1460b15–16).

Остановимся на втором пункте, т.е. на тех проблемах, которые возникают из-за выбора изобразительных средств. Тип проблем, о котором говорит Аристотель, похож на то, о чем говорит преимущественно в шестой главе “De audiendis poetis” Плутарх. Оба автора утверждают, что поэтическая проблема может быть разрешена, если обратить внимание на употребление и значение слов. Это те отрицательные примеры поэзии, выделяемые у Плутарха, которые лишь кажутся таковыми.

Намного позднее, уже в комментариях Порфирия, решения посредством интерпретации средств изображения получают техническое название *λύσεις ἐκ τῆς λέξεως* [Carroll, 1895: 40].

Итак, в 1460b11–13 Аристотель говорит, что речь выражается или обыденной речью, или может выражаться в глоссах и метафорах. Затем Аристотель перечисляет возможные решения (1461 a9-b10), которые современный комментатор Дональд Лукас выделяет в числе шести: 1) *γλῶττα* «глосса»; 2) *μεταφορά* «метафора»; 3) *προσφδία* «ударение»; 4) *διαίρεσις* «словораздел»; 5) *ἀμφιβολία* «двусмысленность»; 6) *ἔθος* «словоупотребление».

Пожалуй, главной особенностью “De audiendis poetis”, вызывающей наибольшие трудности, является то, что Плутарх не пользуется

техническими терминами. Подобным образом поступают и схолиасты: они занимаются описанием того, что обозначает термин, вместо того, чтобы назвать его [Nünlist, 2009: 3, n. 10].

Итак, у Плутарха ни в одном месте трактата не сказано о существовании поэтической «проблемы» или ее «решения». В то же время в пятой главе мы встречаем общее рассуждение о том, что в поэзии отдельное слово или фраза может скрыть от читателей истинную мысль поэта, это необходимо прояснять и на это нужно обращать внимание (22b6–8). Это рассуждение очень похоже на то, о чем говорит Аристотель и то, что в дальнейшем будет иметь название λύσεις ἐκ τῆς λέξεως.

В 1461a9–11 у Аристотеля даны три примера решения гомеровских проблем посредством глоссы. В данном месте к глоссам отнесены у Аристотеля все слова, вызывающие затруднения. Само слово «глосса» в значении редкого, непонятного слова употребляется уже в начале V в. до н.э. в связи с изучением Гомера [Hunter, Russell, 2011: 125]; Аристотель в двадцатой главе «Поэтики» (1457b1–5) говорит о глоссе как о слове из другого диалекта, не известном для большинства носителей языка. Однако в разбираемом месте далеко не все слова, вызывающие затруднения, являются диалектизмами: это слова, имеющие несколько значений, некоторые из них не очевидны при невдумчивом чтении (подробнее см. [Lucas, 1968: 241]).

Плутарх в шестой главе трактата также говорит о глоссах: он призывает избегать их употребления (22 c9–10). В следующем отрывке (22d2–9) Плутарх соглашается с тем, что знание необычных слов свидетельствует об учености, и приводит некоторые глоссы (например, “θάνατον” — название смерти у македонцев). Заканчивает же он мыслью о том, что важнее для получения пользы знать, как поэты употребляют имена богов, что имеют в виду под словами τύχη и μοῖρα, и употребляются ли они в одном значении или в разных (22d8–9). В конечном счете для Плутарха несущественно, как характеризовать тип слова: главное — сделать его ясным для понимания и решить тем самым проблему.

Аристотель приводит несколько примеров решения проблем с помощью словоупотребления (ῥησις) на материале гомеровских цитат (1461a27–31). Затруднение, возникающее в последнем из примеров, по словам самого автора, может быть решено посредством словоупотребления или посредством метафоры (1461a30–31). Очевидно, что Аристотель не разграничивает проблемы строго по типам решения. Типы решения подбираются им по примеру ключей: какой подойдет лучше. Более того, решения, кажущиеся одному учёному вескими, оказываются далеко не всегда такими для последующих поколений

грамматиков. В комментарии к «Поэтике» Д. Лукас часто приводит комментарии Порфирия к тем же гомеровским цитатам, являющимися предметом рассуждения у Аристотеля. И мнения двух философов относительно решения проблем того или иного поэтического места часто не совпадают.

Для Плутарха также важно быть вписанным в историю изучения вопроса поэтических проблем. Более того, он считает умение справляться с трудными местами поэтических сочинений необходимым обрядом инициации, которое позволит юношам перейти к изучению философии.

К типу решений поэтических проблем через словоупотребление у Плутарха можно отнести пассаж о слове “ἐὐδαιμονία” (24f8–25a4). Поэты и философы, по замечанию Плутарха, совсем по-разному употребляют это слово. У философов это термин, обозначающий приобретение всех благ, обладание ими или совершенство блаженной жизни в соответствии с природой. У поэтов это слово будет обозначать совсем другое. Плутарх здесь вполне отчетливо разграничивает сферы употребления слов в зависимости от области словесности. Он заканчивает отрывок, который, на мой взгляд, посвящен словоупотреблению, фразой о том, что каждому, кто будет читать, необходимо следить за употреблением метафор и изменением значением слов (25b5–6).

Для Плутарха, не использующего терминов, встречающихся в двадцать пятой главе «Поэтики», кроме разве что “γλῶττα” и “μεταφορά”, тем более не существенно, каким образом будет решена поэтическая проблема. Например, он нигде не рассуждает о таком типе решения, как ἀμφιβολία «двусмысленность» (Аристотель дает лишь один пример поэтической проблемы с подобным решением (1461a25–26)). Однако Плутарх на протяжении шестой главы много раз говорит о том, что слова многообразны по своему значению (22f3–6; 23a4–9 и др.) и главное — толковать вызывающие подозрения поэтические места в лучшую сторону (22c6–8). Это похоже на то, о чем говорит также и Аристотель: нужно рассматривать, в скольких значениях может выступать цитата и как бы лучше было ее объяснить (1461a31–35). Плутарх сосредоточен на значениях слов в поэзии, так как именно они производят на слушателей наиболее сильный эффект. Для него, как для платоника, важна сфера этического, поэтому он уделяет такое внимание тому, как употребляются в поэзии имена богов и как изображены герои (23a9–24c6). Возможно, поэтому у него не встречается тип решения проблем с помощью ударения (προσφθία) и словораздела (διάρσις): его больше интересуют типы проблем, связанных с лексическими средствами выражения.

Представляется неправильным не замечать влияние аристотелевского метода решения проблем посредством анализа изобразительных средств (ἐκ τῆς λέξεως), описанного в двадцать пятой главе «Поэтики», на метод работы Плутарха с трудными, отрицательными примерами поэзии. Можно назвать множество причин, почему такая связь не выглядит очевидной для большинства исследователей (никто не писал на эту тему). Главная причина, на мой взгляд, состоит в том, что нет тенденции воспринимать в качестве проблем приведенные в трактате гомеровские цитаты. При этом отмечается связь между литературными изысканиями Плутарха в “De audiendis poetis” и комментариями схолиастов [Hunter, Russell, 2011: 9–10]. Более того, как уже было замечено, написано немало работ о влиянии «Поэтики» и «Гомеровских проблем» на метод работы александрийских грамматиков: Зенодота, Аристофана, Аристарха [Richardson, 1994; Nagy, 2009; Schironi, 2009; Montanari, 2014]. Представляется наиболее вероятным, что Аристотель повлиял на Плутарха опосредованно, через комментарии грамматиков, которые существовали во времена Плутарха и были ему доступны. Так, например, современные исследователи считают уже не вызывающим сомнений существование комментариев (ὑπομνήματα) к Гомеру Аристарха и его учеников [Pfeiffer, 1968: 217; Janko, 1992: 26; Apthorp, 1980: 132]. Эти комментарии в последующем стали также источником для известных гомеровских схолий.

Тип решений проблем ἐκ τῆς λέξεως можно применить лишь к одному виду из трех выделяемых Аристотелем поэтических проблем. В дальнейшем необходимо сосредоточиться на вопросе о том, представлены ли в трактате Плутарха два других типа проблем, выделяемых Аристотелем (1460b6–11; 1460b15–16), а также на их решениях.

Список литературы

1. Харламова С.А. Атетированные стихи поэм Гомера в трактате Плутарха “De audiendis poetis” // Индоевропейское языкознание и классическая филология. СПб., 2016. № 20. С. 744–754.
2. Carroll M. Aristotle’s poetics, C. XXV. In the light of Homeric Scholia. Baltimore, 1885.
3. Destree P., Herrmann F.-G. Plato and the poet. Leiden; Boston, 2011.
4. Dickey E. Ancient Greek Scholarship. A Guide to Finding, Reading, and Understanding Scholia, Commentaries, Lexica, And Grammatical Treatises, From Their Beginnings to the Byzantine Period. Oxford, 2007.
5. Gallavotti C. Aristotele. Dell’ arte poetica. Verona, 1974.

6. *Gigon O.* Aristotelis Opera, volumen tertium, Librorum Deperditorum Fragmenta. Berlin; N.Y., 1987.
7. *Hunter R., Russell D.* Plutarch: How to study poetry (De audiendis poetis). Cambridge, 2011.
8. *Janko R.* The Iliad: A Commentary. Vol. IV: Books 13–16. Cambridge, 1992.
9. *Lake P.G.* Plato's Homeric dialogue: Homeric quotation, paraphrase and allusion in the *Republic*. Dissertation. N.Y., 2011.
10. *Lucas D.W.* Aristotle's Poetics. Introduction, Commentary, and Appendices. Oxford, 1968.
11. *Montanari F.* Dal Peripato ad Alessandria // Eikasmós. Quaderni Bolognesi di Filologia Classica — Studi. 2014. № 25. P. 79–102.
12. *Nagy G.* Poetry as Performance: Homer and beyond. Cambridge, 1996.
13. *Nünlist R.* The Ancient Critic at Work. Terms and Concepts of Literary Criticism in Greek Scholia. Cambridge, 2009.
14. *Pfeiffer R.* History of Classical Scholarship: From the beginnings to the end of the Hellenistic age. Oxford, 1968.
15. *Richardson N.J.* Aristotle and Hellenistic scholarship // La philologie grecque à l'époque hellénistique et romaine, Entretiens préparés et présidés par Franco Montanari, Vandoeuvres-Genève, 1994. P. 7–38.
16. *Rose V.* Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta. Lipsiae, 1994.
17. *Schironi F.S.* Theory into practice: Aristotelian principles in Aristarchean philology // Classical Philology CIV (2009), pp. 279–316.
18. *Valgiglio E.* Plutarco. De Audiendis Poetis. Introduzione, testo, commento, traduzione. Torino, 1973.

Sophia Kharlamova

TACKLING HOMERIC PROBLEMS IN ARISTOTLE'S 'POETICS' AND PLUTARCH'S 'HOW TO STUDY POETRY'

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

'De audiendis poetis' (How to study poetry) is a discussion of the danger, that is given to young men's minds in poetry, and it is a proper guidance to how to avoid it and to make poetry more beneficial for readers. Plutarch is interested in "difficult places" of poetry that are defined with moral issues, for example, the problem of divine nature. Most quotations belong to Homer. The circle of Homeric problems to Plutarch is pretty the same as it is to Plato, they are both concerned about morality: what the right actions of heroes are, how they should react in different situations. As regards solutions to poetry problems, solving methods of authors are

as far as it can be. Plato's method is to eliminate all quotations that seem to be a problem. While Plutarch tends to treat problems in a different way. First of all, he is sure that some problem can be solved. It can be compared with how he in the 'De audiendis poetis' and Aristotle in ch. 25 of 'Poetics' solve poetry problems. This article considers examples of the problems from 'De audiendis poetis' that only can be solved by a purely linguistic explanation. Porphyry will later call these solutions λύσεις ἐκ τῆς λέξεως. The aim of the article is to show that Plutarch realized that some difficult places in poetry, consisting of pictures that greatly affect the youth's mind can be fixed by right interpretation of words.

Key words: 'How to study poetry'; Plutarch; Poetics; Aristotle; Plato; Homeric problem; quotation.

About the author: Sofia Kharlamova — PhD Student, Department of Classics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: sofya.kharlamova@yandex.ru).

References

1. Kharlamova S.A. Atetirovannye stichi poem Gomera v tractate Plutarha "De audiendis poetis" [Athetized verses of Homer's poems in Plutarch's essay "De audiendis poetis"] *Indoevropskoje jazykoznanie i klassicheskaja filologija*, 2016, № 20, pp. 744–754. Saint Petersburg. (In Russ.)
2. Carroll M. *Aristotle's poetics, C. XXV. In the light of Homeric Scholia*. Baltimore, 1885.
3. Destree P., Herrmann F.-G. *Plato and the poet*. Leiden-Boston, 2011.
4. Dickey E. *Ancient Greek Scholarship. A Guide to Finding, Reading, and Understanding Scholia, Commentaries, Lexica, And Grammatical Treatises, From Their Beginnings to the Byzantine Period*. Oxford, 2007.
5. Gallavotti C. *Aristotele. Dell' arte poetica*. Verona, 1974.
6. Gigon O. *Aristotelis Opera, volumen tertium, Librorum Deperditorum Fragmenta*. Berlin-New York, 1987.
7. Hunter R., Russell D. *Plutarch: How to study poetry (De audiendis poetis)*. Cambridge, 2011.
8. Janko R. *The Iliad: A Commentary. Volume IV: Books 13–16*. Cambridge, 1992.
9. Lake P.G. *Plato's Homeric dialogue: Homeric quotation, paraphrase and allusion in the Republic*. Dissertation. N.Y., 2011.
10. Lucas D.W. *Aristotle's Poetics. Introduction, Commentary, and Appendices*. Oxford, 1968.
11. Montanari F. Dal Peripato ad Alessandria. *Eikasmós*. Quaderni Bolognesi di Filologia Classica — Studi. 2014. № 25, pp. 79–102.
12. Nagy G. *Poetry as Performance: Homer and beyond*. Cambridge, 1996.
13. Nünlist R. *The Ancient Critic at Work. Terms and Concepts of Literary Criticism in Greek Scholia*. Cambridge, 2009.

14. Pfeiffer R. *History of Classical Scholarship: From the beginnings to the end of the Hellenistic age*. Oxford, 1968.
15. Richardson N.J. Aristotle and Hellenistic scholarship. *La philologie grecque à l'époque hellénistique et romaine*, Entretiens préparés et présidés par Franco Montanari, Vandoeuvres-Genève, 1994, pp. 7–38.
16. Rose V. *Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta*. Lipsiae, 1994.
17. Schironi F.S. Theory into practice: Aristotelian principles in Aristarchean philology. *Classical Philology* CIV (2009), pp. 279–316.
18. Valgiglio E. *Plutarco. De Audiendis Poetis. Introduzione, testo, commento, traduzione*. Torino, 1973.

Т.Г. Чеснокова

**«СУПРУЖЕСКАЯ ВОЙНА» ИЛИ «УКРОЩЕНИЕ
СТРОПТИВОЙ»? КАРТИНА СЕМЕЙНЫХ НРАВОВ
В КОМЕДИИ ДЖ. КОЛМАНА «РЕВНИВАЯ ЖЕНА»:
ТРАДИЦИИ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25 а*

Обращаясь к комедии английского драматурга XVIII в. Дж. Колмана Старшего «Ревнивая жена», автор статьи сосредоточивает внимание на особенностях трактовки семейной темы и соотношении мотивов «супружеской войны» и «цивилизованного» укрощения в сюжетной структуре пьесы, исследует их функциональные смыслы и этапы взаимодействия в истории английской комедии, опираясь на методологические принципы исторической поэтики. Сохраняя независимость в драматургии раннего периода и тяготея к противоположному идеологическому наполнению, указанные мотивы обнаруживают тенденцию к некоторому сближению в театре эпохи Реставрации, в основном — за счет поглощения «укрощения» «супружеской войной», определяющей целостную картину семейных нравов в комедии данного типа.

Возрождение мотива укрощения (в его обновленной — цивилизованной форме) совпадает со становлением просветительского театра, с его жизне-строительным пафосом и тенденцией к «натурализации» семейной морали. Эта тенденция затрагивает и сентиментальную драму, и традиционалистскую «веселую» комедию, которые в равной степени предрасположены к мирному разрешению семейных конфликтов и объединению обоих мотивов в единой сюжетной структуре.

На этом фоне комедия Дж. Колмана демонстрирует редкое равновесие «веселых» и сентиментальных тенденций благодаря неоднозначной трактовке причины семейных раздоров (ревнивая «чувствительность» / жажда власти над мужем). Образ «ревнивой жены» миссис Оукли становится одним из лучших художественных достижений драматурга, а созданная Колманом картина семейных нравов находит отклик в произведениях английских комедиографов разных направлений и в творчестве континентальных авторов (в частности, П.Ж.-Б. Дефоржа).

Чеснокова Татьяна Григорьевна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН (e-mail: tchesno@bk.ru).

Ключевые слова: Джордж Колман Старший; «Ревнивая жена»; «веселая» и сентиментальная комедия; жанр; мотив; структура; «супружеская война»; «цивилизованное» укрощение; литературный контекст; литературные связи.

**«Супружеская война» и «укрощение злой жены»:
соотношение мотивов в английской комедии
(от истоков до Реставрации)**

Начиная с ранних этапов развития английского национального театра фарсово-комедийные мотивы «супружеской войны» и «укрощения строптивой», обнаруживая близкое родство, демонстрируют в то же время функционально-смысловые различия, препятствующие их отождествлению. Различно, в частности, их имплицитное идеологическое наполнение. «Супружеская война» — устойчивое состояние комически перевернутого мира (см. подробнее: [Чеснокова, 2013]) и результат нарушения патриархальной иерархии, когда важнейшие прерогативы главы семьи оказываются сосредоточены в руках «слабейшей» половины (как, например, в «Веселой пьесе о муже Джоне Джоне, его жене Тиб и священнике сэре Джане» Дж. Хейвуда, 1533). «Укрощение» строптивой — средство предотвращения анархического произвола, обусловленного неподчинением жены мужу (начиная с анонимной комедии «Укрощение одной строптивой», опубл. 1594). Основной посыл изображения супружеской войны, таким образом, фарсовый, а картин укрощения — фарсово-моралистический, поскольку стратегия укротителя мыслится как путь к более прочному миру на почве патриархальной иерархии.

Традиционное укрощение, впрочем, уже в шекспировской версии (опубл. 1623) проблематизируется, допуская смысловой разворот в самых разных направлениях. Исследователи и в наши дни не могут прийти к согласию относительно идейного (и жанрового) стержня «Укрощения строптивой», воспринимая пьесу то как фарс, то как романическую комедию, то как завуалированное программное социально-политическое послание. Разнообразие мнений, однако, служит лучшим свидетельством неоднозначности текста, который отбрасывает неизбежную тень на позднейшие драматические попытки в том же роде, обнажая в них, с одной стороны, сужение смыслового диапазона, а с другой — сюжетную зависимость от классической версии. В драматургии XVII и XVIII вв. чистые «комедии укрощения» откровенно вторичны по отношению к пьесе Шекспира, выступая в качестве ее продолжения — «сиквела» («Укрощение укротителя» Дж. Флетчера, ок. 1611) или сценической переделки («Шотландец Сони, или Укрощение строптивой» Дж. Лэси, 1667,

«Катарина и Петруччио» Д. Гаррика, 1754, и др.). При этом их авторы переносят акцент на воинственную активность героини (нередко — в союзе со всем ее женским окружением) в послесвадебный (а не в предсвадебный) период, погружая тем самым внимание зрителя в картину семейных нравов и сближая традиционное «укрошение» с «супружеской войной».

Преобладание «военных» стратегий в трактовке семейной темы — заметная черта комедии Реставрации, отвечающая заложенной в ней установке на остроумно-скептическое разоблачение «войны всех против всех», царящей за благополучным фасадом общественных нравов. Взамен укрощения на первый план здесь выдвигается «вечная» супружеская война, изображаемая как результат комической власти жены («Она хотела бы, если б могла» Дж. Этериджа, 1668) либо (чаще) как тайный подкоп под формально незыблемый, но в сущности лишь номинальный авторитет мужа (от «Деревенской жены» У. Уичерли, 1675, до «Заговора жен» Дж. Ванбру, 1705, — английской переделки данкуровских «Модных мещанок», 1692).

«Цивилизованное» укрощение и просветительский идеал: от войны к миру

Ситуация начинает меняться на рубеже XVII–XVIII вв., когда появляется почва для обновления и новой формы сближения анализируемых мотивов. В комедии эпохи Просвещения традиционное «укрошение» приобретает форму цивилизованного «перевоспитания» и выступает уже не как предупредительная мера в начале семейных отношений, но как реакция на длительное нарушение гендерной иерархии. Так происходит уже в предреставрационной «Ветренице» Дж. Шерли (1635), где муж решается образумить легкомысленную супругу лишь после затянувшегося периода женского правления (или патриархального «безвластия»). Однако Шерли здесь не столько предвосхищает драму «морального возрождения» начала XVIII в. (термин, актуализированный А. Голлапуди [Gollapudi, 2011: 1 etc.]), сколько останавливается на пороге реставрационной комедии нравов, приближаясь к ее канону, но сохраняя обязательную для драматургии первой половины XVII столетия моральную перспективу. Почти разрушенная в комедии Реставрации, эта перспектива возрождается в «морализованной» комедии XVIII в., выдвигающей цель обуздания женского произвола в качестве зеркальной параллели к не менее актуальной задаче — «укрошения» убежденного либертена. При этом одного лишь фактического соблюдения нравственной нормы и гендерной иерархии в семье далеко не достаточно — важно, чтобы оно сложилось на твердой почве морального убеждения. Воспита-

тельные меры на этом фоне приобретают характер не столько физического, сколько морального воздействия и получают оправдание как «мирное» средство против повседневных эксцессов застарелой супружеской войны. Цивилизованное укрощение воспринимается поэтому не только как функциональный, но и как нравственный антипод последней и отвечает новому для эпохи — «сугубо мирному идеалу частного человека» [Зыкова, 2018: 29].

Именно эта стратегия нашла преломление в комедии Джорджа Колмана Старшего «Ревнивая жена» (*The Jealous Wife*, 1761) — одной из лучших английских пьес, написанных в период «между Филдингом и Шериданом». Для автора, снискавшего благосклонность публики сатирическим фарсом «Мисс Полли Хаником», это была первая большая комедия, полностью оправдавшая его надежды на прочный и долговременный успех.

В истории английской литературы XVIII столетия (и на пересечении разных ее направлений и жанров) место «Ревнивой жены» довольно своеобразно. Глубоко укорененная в сценической традиции и закрепившаяся на сцене вплоть до конца XIX в. [Nicoll, 1955: 167—168], пьеса Колмана была тесно связана также с повествовательными жанрами, представляя собой драматическую адаптацию «Истории Тома Джонса» (1749). Впрочем, мотивы и образы знаменитого филдинговского романа подверглись в сценической версии настолько значительной трансформации, что, если бы Колман, по остроумному замечанию У. Хэзлитта, сам не признался в заимствованиях, его секрет так и остался бы нераскрытым [Colman, 1818: VII; Чеснокова, 2018: 120].

Структура комедии «Ревнивая жена»: от Филдинга к Колману

Сюжетная структура комедии складывается из двух линий — любовной и семейной, первая из которых восходит к фабуле «Тома Джонса» (см. подробнее: [Чеснокова, 2018: 122 и далее]). Литературный потомок Джонса, Чарлз Оукли прямодушен и храбр, но несдержан и вспыльчив. То и дело теряя контроль над собой (в том числе под влиянием виновных паров), молодой человек восстанавливает против себя потенциального тестя, еще менее уравновешенного, чем он сам. Возлюбленная героя (Хэрриет) столь же скромна, сколь решительна, доказывая последнее бегством из дома, где ее принуждают к ненавистному браку. Благоразумная девушка тем не менее не торопится упасть в объятия безрассудного юноши, а ее побег из дома (аналогичный побегу Софьи) и поиски отцом, отвергнутым женихом и влюбленным героем организуют комедийную фабулу,

«очищенную» как от любовных грехопадений Тома, так и от социальной пропасти, разделяющей филдинговского найденыша с дочерью богатого сквайра (вплоть до финального узнавания).

Однако помимо упрямого самодурства отца героини (старого Рассета), а также вмешательства двух соперников (деревенского и городского), угроза благополучной развязке (хотя и второстепенная) исходит от действий еще одного лица, имеющего весьма отдаленное отношение к делам двух влюбленных. Это «заглавная» героиня комедии — «ревнивая жена» миссис Оукли. В пьесе Колмана отношения супругов Оукли (дяди и тетки героя по мужу) образуют особую линию, не имеющую аналогов в романе Филдинга. И как бы ни забавляли читателей «Тома Джонса» отдельные остроумные сцены семейного быта, Колман отталкивается не от них, а от домашней картины, почерпнутой из нравоописательной эссеистики Р. Стила (в журнале «Зритель»).

Семейная линия: источники и интерпретация

Опубликованные в двух номерах «Зрителя» «письма в редакцию» (№ 212, 216, от 2 и 7 ноября 1711 г.) живо изображают семейные неурядицы некоего сэра Энтони Фримена, который по слабости характера и мягкости нрава впадает в зависимость от капризов жены, но отваживается на бунт при поддержке холостого приятеля [The Spectator, 1854: 186—188, 197—200]. Развитие событий показывает, однако, что Фримену не по плечу предпринятый «подвиг», и даже его молодой друг, не видя необходимой твердости в поведении спасаемого, начинает жалеть, что ввязался в историю, которая может дурно сказаться на его репутации и лишить шансов на удачное сватовство в будущем. Итог восстания остается открытым, но похоже, что «жертве» так и не хватит решимости избавиться от семейного рабства и стать свободным человеком в своем собственном доме (оправдав говорящую фамилию Freeman).

Линия Оукли в пьесе напоминает историю Фрименов (за исключением финала и отдельных нюансов), но представлена более развернуто, так что семейный «фон» временами теснит основную — любовную интригу. Мистер Оукли (дружелюбно настроенный дядюшка-покровитель молодого героя) перенимает некоторые сюжетные функции филдинговского Олверти [Чеснокова, 2018: 128] и, подобно последнему, лишает «беспутного» юношу своего покровительства, поддавшись влиянию близкого окружения. Но если слабость доброго сквайра состояла в излишнем доверии к недобросовестным обвинителям Тома, то Оукли, еще в первом действии убедившийся в честности племянника, не торопится оказать ему

помощь из страха вызвать неудовольствие жены, заподозрившей тайную связь между собственным мужем и юной возлюбленной Чарлза.

Как близкий родственник и опекун Чарлза, Оукли не единственный *частичный* дублер Олверти (у Филдинга — одинокого вдовца). Его родной брат — убежденный холостяк майор Оукли — своей суровостью в отношении женщин компенсирует мягкосердечную податливость Оукли-джентльмена и восполняет недостаток решительных действий с его стороны, подталкивая последнего к семейному бунту и обеспечивая племянника наследством, достаточным для его вступления в брак с героиней (как Олверти — Тома). Комическое снижение образов, функционально восходящих к характеру Олверти, и их подчеркнута юмористическая окраска подтверждают тяготение Колмана к той разновидности комедийного жанра, которая вскоре получит название «веселой комедии» (от оригинального голдсмитовского “laughing comedy” [British dramatists, 1976: 751–753]). Однако вершиной юмористического мастерства драматурга является в пьесе другой — «заглавный» персонаж.

Развивая набросок характера «чувствительной» тиранки миссис Фримен, не способной расстаться с супругом ни на минуту, Колман дополнил его чертами маниакально ревнивой жены — комедийного типа, завоевавшего популярность со времен постановки сибберовской «Последней ставки женщины» (1707), героиня которой не знает иных занятий, кроме мучительной и бесплодной слежки за легкомысленным мужем.

Образ «ревнивой жены»: характер, сюжетные функции, антисентиментальная сатира

В контексте любовной интриги роль миссис Оукли как одного из «блокаторов» благополучной развязки сравнительно невелика. «Ревнивая жена» «всего лишь» лишает мужа возможности дать приют в своем доме беглянке Хэрриет, что уберегло бы девушку от семейного принуждения и коварных интриг, а заодно помогло двум влюбленным соединиться. Но несмотря на второстепенную сюжетную функцию (и благодаря цепочке умело построенных сцен, в которых градус напряжения между супругами Оукли постоянно растет), внимание зрителя то и дело возвращается к «ревнивой жене» и перипетиям борьбы за главенство в семействе Оукли.

Подобно своей предшественнице миссис Фримен, миссис Оукли скандалами и обмороками лишает мужа всякой личной свободы, рассматривая любое проявление его независимости (от намерения прогуляться в компании брата до просмотра нескрытой корре-

спонденции) как угрозу домашнему порядку и свидетельство тайной вины. Именно с письма, предназначенного Чарлзу, но по ошибке доставленного его дяде, начинается мнимый роман злополучного Оукли-мужа с невестой племянника, причем все абсурдные обвинения, возведенные на молодого повесу сумасшедшим отцом юной девушки, миссис Оукли без колебаний относит на счет своего супруга. В ее воображении добропорядочный семьянин превращается в коварного оболъстителя легкомысленных барышень, способного поместить молодую любовницу под крышей семейного очага — к вящему поношению обманутой супруги. В этом болезненном заблуждении миссис Оукли пребывает вплоть до финальной сцены, отступая лишь перед свидетельством самого обвинителя — старого Рассета, немного уgomонившегося и вернувшего себе утраченную способность вести относительно связную речь.

Сам Оукли (которому супруга уже в первом действии приписала «больше любовниц, чем было когда-либо у турецкого султана»¹, I.I) поначалу усматривает в эксцентричных поступках жены лишь преувеличенное выражение ее нежной привязанности. Он сознает, насколько жалкую роль играет в отношениях с миссис Оукли, но, жалуясь на семейный «ад», вменяет себе в заслугу «чувствительную» готовность идти на уступки жене: «Видеть женщину в столь удрученном состоянии — женщину, которую любишь, — свою жену — кто может вынести подобное зрелище?» (I.I). Более проникательно судит о своей невестке ее деверь — майор, который не без сарказма (в духе присущего ему женоненавистнического «гумора») обвиняет госпожу Оукли (а заодно с нею весь женский пол) в стремлении утвердить свою власть над мужчиной.

Комически «острая» циничные тирады майора Оукли, чьи отзывы о великодушной Хэрриет пронизаны тем же скептическим ядом, что и все остальные его суждения о женщинах, Колман, однако, не позволяет читателю / зрителю усомниться если не в полной, то хотя бы в частичной справедливости разоблачений, адресованных майором капризной невестке. Ревнивый «гумор» госпожи Оукли тем самым отчетливо вписывается в традицию сатирического изображения строптивых жен, чьи потуги на власть (или злостный отказ подчиняться «естественной» власти мужа) подвергаются осуждению как источник хаоса и путь к разрушению семьи. Одновременно насмешка над ложной чувствительностью делает «Ревнивую жену» одним из звеньев в осуществлении антисентиментальной программы развития комедийного жанра, которая явится вскоре толчком к созданию ряда классических образцов «веселой» комедии.

¹ Здесь и далее цит. по: [Garrick, Colman The Elder, 1982]. Перевод мой. — Т.Ч.

Своеобразие развязки и стилевая неоднородность комедии

Юмор окрашивает в пьесе трактовку самого перехода от хаоса супружеской войны к порядку и миру. И если в шекспировском «Укрощении» мятежником именовалась строптивая супруга, то в «Ревнивой жене» узурпация власти ревнивицей оказалась столь давней и прочной, что «мятежом» (а точнее «открытым актом неповиновения») иронически объявляется восстание подкаблучника-мужа «против суверенной власти его госпожи-жены» (IV.I). Заметим, однако, что, хотя основной задачей семейной интриги является утверждение мужского главенства, «просвещенная» версия укрощения исключает какое-либо (пусть даже временное) насилие. В этом смысле антифеминистская позиция майора, сыгравшая свою роль на этапе внушения брату недостающей ему храбрости, в конце концов вытесняется более мягкими методами «укрощения». На новом этапе инициатива переходит к добросердечному Оукли, который не только начинает, по словам майора, «творить чудеса» (V. III), но и вносит поправки в доктрину учителя: «Не воображайте, что, если я стремлюсь быть гуманным, это лишает меня решимости. Теперь, когда я уверился в своем праве, я буду отстаивать его вдесятеро тверже, чем вы» (V. III). В излагаемом таким образом «гуманном» проекте укрощения на первый план выдвигается не приоритет воли мужа, а его право на принятие самостоятельных решений. Не менее важно и то, что в ходе отвоевания Оукли-мужем личной свободы взаимно противоречащие гипотезы относительно характера и мотивов его супруги проверяются, чтобы в итоге уступить место наиболее взвешенной (и близкой к действительности) концепции — в соответствии с принципом: от гипотезы — «к истине через эмпирическую проверку» [Snider, 2015: 405; Bender, 2012: 38–57].

Потерпев на пути к желанной свободе ряд неудач, Оукли-подкаблучник в итоге выигрывает финальную битву. К этому времени миссис Оукли окончательно утрачивает контроль над собой и, вынося семейные распри на обозрение полудюжины посторонних свидетелей, причиняет серьезный урон как своей репутации, так и общественной репутации мужа. И эту-то трансформацию чувствительной слабости в асоциальный порок мистер Оукли, столь покладистый и терпеливый в семейном быту, пресекает решительно и беспощадно.

Вся эта ситуация также оказывается серьезной проверкой и для «ревнивой жены», чьи мотивы до сих пор были двойственны: эгоистическая любовь соперничала в ней с откровенным тиранством, а удушающая, но искренняя забота — с желанием иметь под рукой подходящий объект для вымещения желчи («Вы только оттачиваете

на нем свой дурной нрав», IV.I). Неожданное преобразование Оукли из бессловесного подкаблучника в уверенного в себе хозяина дома ставит строптивую женщину перед выбором: цепляться за остатки поколебленной власти или вспомнить о более серьезной опасности — потери любви и уважения мужа. Жажда взаимности (к вящему благу самой героини) одерживает в ней верх, и как только спесь и самоуверенность уступают место раскаянию, любящий муж, подобно героям сентиментальной драмы, раскрывает заблудшей супруге объятия, признаваясь, каких трудов ему стоило скрывать свои чувства под маской.

Комедия Колмана, таким образом, как и многие образцы «веселого» жанра, сосредоточила в себе не только классические черты «семейной» комедии нравов (с элементами антисентиментальной сатиры), но и скрытые зерна сентименталистской драмы, заложенные в мотиве «цивилизованного» укрощения как эффективного способа завершения супружеской войны. Подтверждением этой неоднородности может служить тот факт, что переключки с характерами и сюжетными ситуациями «Ревнивой жены» встречаются в таких непохожих произведениях, как сентиментальная комедия Р. Камберленда «Братья» (1769) и тяготеющие к полюсу «веселой» комедии пьесы А. Мерфи и Р.Б. Шеридана («Все неправы», 1761, и «Школа злословия», 1777). Не менее показательны и те жанрово-стилевые сдвиги, которым подвергся сюжет «Ревнивой жены» в перделке П.Ж.-Б. Дефоржа («La Femme Jalouse», 1785), в которой комический «фон» окончательно выдвинулся на первый план, а комедия домашнего неурядиства растворилась в сентиментальной мелодраме ревнивых заблуждений.

Список литературы

1. *Зыкова Е.П.* Эволюция классицизма в XVIII в. и английский роман // *Studia litterarum*. 2018. Т. 3. № 3. С. 26–45.
2. *Чеснокова Т.Г.* Мотив «супружеской войны» в английской комедии от Шекспира до Шеридана // *Вестник МГПУ. Сер. Филологическое образование*. 2013. № 1 (10). С. 83–90.
3. *Чеснокова Т.Г.* «Ревнивая жена» Дж. Колмана Старшего: драматургическая обработка «Истории Тома Джонса» и ее место в истории английской «веселой» комедии // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология*. 2018. № 4. С. 117–133.
4. *Bender J.* *Ends of Enlightenment*. Stanford, 2012.
5. *Garrick D., Colman the Elder G.* *Plays*. Cambridge, 1982.
6. *British Dramatists from Dryden to Sheridan*. Edwardsville, 1976.
7. *Colman G.* *The Jealous Wife / With the Remarks by W.H.* London, W. Boxberry and Co., 1818. VII, 80 p.

8. Gollapudi A. Moral Reform in Comedy and Culture, 1696–1748. Colorado, 2011.
9. Nicoll A. A History of English Drama 1660–1900. Vol. III. Cambridge, 1955.
10. Snider A. What was Enlightenment? // The Eighteenth Century. 2015. Vol. 56. No. 3 (Fall). P. 403–407.
11. The Spectator: In 4 volumes. Vol. II. No. 153–321. L., 1854.

Tatiana Chesnokova

**‘CONJUGAL WAR’ OR ‘THE TAMING OF THE SHREW’?
THE PICTURE OF FAMILY MORES IN ‘THE JEALOUS WIFE’
BY GEORGE COLMAN THE ELDER: TRADITIONS
AND LITERARY CONTEXT**

*Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences
25 a Povarskaya Str., Moscow, 121069*

The main focus in the study of George Colman’s *The Jealous Wife* is on the playwright’s interpretation of family matters and the relationship between the “conjugal war” and “the taming” motifs. The functional semantics of the motifs and their interrelations in the history of English drama are viewed through the lens of the historical poetics methodology. Appearing in the early drama as independent and ideologically opposed, these motifs tend to converge in the Restoration comedy — mainly as a result of “the conjugal war” absorbing “the taming of the bad wife” motif in the picture of family life. The revival of the civilised “taming” motif coincides with the formation of the Enlightenment theatre, its ambition to improve mankind and tendency to “naturalise” family ethics. The latter covers both sentimental drama and traditionally oriented “laughing” comedy, equally disposed to the peaceful resolution of domestic conflicts and to the combination of the two motifs in the integral plot structure. Against this background, Colman’s comedy is marked by the balance of the “laughing” and sentimental tendencies (the former prevailing) due to an ambivalent interpretation of the reason of family strife (jealous sensitivity or the urge to dominate). The image of “the jealous wife” Mrs. Oakley makes it one of the best achievements by the playwright, and the picture of family mores created by him is echoed in the comedies of English dramatists with different artistic premises and in the works of continental authors (like P.J.-B. Desforges).

Key words: George Colman the Elder; *The Jealous Wife*; the laughing and sentimental comedy; genre; motif; structure; “conjugal war”; “civilised” taming; literary context; literary links.

About the author: *Tatiana Chesnokova* — PhD, Senior Researcher, Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences (e-mail: tchesno@bk.ru).

References

1. Zykova E.P. Evolyutsiya klassitsizma v XVIII v. i angliiskii roman [The evolution of Classicism in the XVIII century and the English novel]. *Studia litterarum*, 2018, vol. 3, no. 3, pp. 26–45. (In Russ.)
2. Chesnokova T.G. Motiv “supruzheskoi voiny” v angliiskoi komedii ot Shekspira do Sheridana [The motif of the “conjugal war” in the English comedy from Shakespeare to Sheridan]. *Vestnik MGPU. Seriya Filologicheskoe obrazovanie* [Vestnik Moscow City Teacher Training University. Series: Philological education], 2013, no. 1 (10), pp. 83–90. (In Russ.)
3. Chesnokova T.G. “Revnivaya zhena” Dzh. Kolmana Starshego: dramaturgicheskaya obrabotka “Istorii Toma Dzhonsa” i ee mesto v istorii angliiskoi “veseloi” komedii [The Jealous Wife by George Colman the Elder: the dramatic adaptation of *The History of Tom Jones* and its place in the history of English “laughing” comedy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* [Moscow University Philology Bulletin], 2018, no. 4, pp. 117–133. (In Russ.)
4. Bender J. *Ends of Enlightenment*. Stanford, Stanford UP, 2012. 312 p.
5. Garrick D., Colman the Elder G. *Plays*. Cambridge, Cambridge UP, 1982. IX, 217 p.
6. *British Dramatists from Dryden to Sheridan*. Edwardsville, Southern Illinois UP, 1976. XVII, 958 p.
7. Coleman G. *The Jealous Wife* / With the Remarks by W.H. London, W. Boxberry and Co., 1818. VII, 80 p.
8. Gollapudi A. *Moral Reform in Comedy and Culture, 1696–1748*. Colorado, Colorado State UP, 2011. 180 p.
9. Nicoll A. *A History of English Drama 1660–1900*. Vol. III. Cambridge, Cambridge UP, 1955. VI, 423 p.
10. Snider A. What was Enlightenment? *The Eighteenth Century*, 2015, vol. 56, no. 3 (Fall), pp. 403–407.
11. *The Spectator*. In 4 volumes. Vol. II. No. 153–321. London, Thomas Bosworth, 1854. 522 p.

А.Е. Яковец

**РЕЧЕВОЕ САМОИСПРАВЛЕНИЕ
КАК ФАКТОР СОЗДАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ТЕКСТА
У ТОМАСА БЕРНХАРДА (повесть «Хождение», 1971)**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье осмысливается проблема речевого моделирования художественного текста в литературе модернизма. На фоне глобальных общекультурных изменений, спровоцировавших пересмотр эстетических задач и технических средств их достижения во всех сферах искусства, литература начинает проявлять интерес к конструктивным и смыслопорождающим возможностям языка. В результате эксперимента с формальными и динамическими измерениями высказывания литература обогащается новыми принципами построения словесного произведения, открывая для себя возможность работать не только в пространстве сюжета, но и в пространстве речи как структурно-ритмического целого. Материалом для апробации теоретических положений статьи служит повесть австрийского писателя Томаса Бернхарда «Хождение». Для речевых субъектов, действующих в пространстве текстов Бернхарда, характерен аналогичный тип речевого поведения, отличающийся особой требовательностью к выразительным возможностям слова. Как правило, это герои-правдоискатели, которые пытаются говорить по существу, довести свое высказывание до смыслового предела и добиться в нем разрешения первоосновных вопросов бытия. Данная субъектность мотивирует появление в текстах Бернхарда многочисленных оборотов, оформляющих речевое самоисправление. Анализ повести призван продемонстрировать, как, превращая речевую автокорректуру в ключевой принцип логико-структурного развертывания художественного высказывания, Бернхард создает из нее подчеркнуто выверенную художественную структуру, организованную с опорой на принципы музыкальной риторики. В статье рассматривается, какие уникальные художественные эффекты порождает встреча этих двух противоположностей — предельно формальной композиции и нарочито предварительного, пробного высказывания, — и в режиме «пристального чтения» прослеживается превращение чернового материала языка в литературу.

Ключевые слова: литература модернизма; австрийская литература; Томас Бернхард; конверсационный анализ; логический позитивизм; моторика.

Яковец Анна Евгеньевна — аспирант кафедры общей теории словесности филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: la-traviata@yandex.ru).

На фоне превращения общества во все более сложный организм художественная литература второй половины XIX в. вовлекается в развертывание двух самостоятельных, но взаимосвязанных процессов. С одной стороны, она открывает для себя новые области контакта с внехудожественной действительностью — контекстами, социолектами, социальными типами, — изображение которых обогащает словесность новыми сюжетными и поэтологическими возможностями. С другой стороны, взаимодействие с множеством автономных, социально опосредованных языков подрывает представление о функциональном превосходстве речи, оформленной по правилам риторики, хорошего литературного вкуса и требованиям актуальных поэтологических программ, и, как следствие, указывает на потенциальную множественность эстетических и языковых оптик в художественной словесности¹.

Крупнейший автор немецкоязычной литературы второй половины XX в. Томас Бернхард (1931–1989) — чрезвычайно яркий пример включения языковой проблематики в литературный процесс, не входящий ни в одну очевидную линию художественного эксперимента, будь то театр абсурда или конкретная поэзия или «искусство выражения» (перформанс, автоматическое письмо). За рамками двух наиболее общих форм авангардного и поставангардного эксперимента («искусство формы» и «искусство выражения») [Heinrich, 1991: 24] Бернхард разрабатывает альтернативную логику письма, не разводящую структурные и динамические аспекты речи, а объединяющую их. Характерный для его творчества интерес к пограничным состояниям речевого субъекта выдают в Бернхарде одного из ярчайших представителей послевоенного авангарда, художественное мышление которого определяют языковой эксперимент, вопрошание специфической сущности искусства, работа в пространстве речи, а не в пространстве сюжета. За более чем тридцатилетнюю карьеру Бернхард заявил о себе в крупной и малой прозе, а также в драматургии. Чтобы подробнее рассмотреть намеченные моменты его творчества, я предлагаю обратиться к повести «Хождение» (*Gehen*, 1971), созданной автором в середине творческого пути и в этом смысле достаточно показательной для того типа художественного письма, развитие которого являлось главным творческим проектом Бернхарда.

Негативной интенцией письма у Бернхарда выступают логические несообразности речи. Такая установка предполагает, что пишущий осознает основания речевых парадоксов и ищет возможность их разрешения в несовершенном, но единственно возможном медиуме

¹ Подробнее см. [Jauß, 1968; Lachmann, 1994].

языка. Философским коррелятом экспериментов Бернхарда видятся тексты Людвиг Витгенштейна («Логико-философский трактат» (*Tractatus Logico-Philosophicus*, 1921), «Философские исследования» (*Philosophische Untersuchungen*, 1953)). Следуя тезису Витгенштейна о том, что философские проблемы — это прежде всего проблемы значения и понимания, Бернхард отбрасывает разработку концептуальной стороны сюжетного конфликта и представляет его как бесплодный поиск своего места в системе чужих высказываний. В этой связи развиваемое в тексте отношение к работам этого философа не является проходным фактом: фигура Витгенштейна различима за повестью «Племянник Витгенштейна» (*Wittgensteins Neffe*, 1982), рассказом «Гете умирает» (*Goethe schtirbt*, 1982) и романом «Корректур» (*Korrektur*, 1975).

В центре «Хождения» находятся три фигуры — рассказчик, некто Элер и их общий друг Каррер. Помимо дружбы трех героев «Хождения» связывает обычай прогуливаться по улицам Вены. Во время одной из прогулок Элер рассказывает Карреру о самоубийстве их общего знакомого, химика Холленштайнера. Взволнованный этим рассказом, Каррер не хочет оставаться один и просит Элера составить ему компанию в покупке новых кальсон; в лавке во время примерки Каррер останавливает свое внимание на том, как владелец методично наклеивает бирки на бракованный товар; наблюдение за однообразными движениями вызывают у Каррера нервный срыв, и тот отправляется в сумасшедший дом. После того как Каррер лишается рассудка, в назначенный день и назначенный час на улицу с Элером выходит рассказчик.

Изначальную коммуникативную установку речевого субъекта Бернхарда структурирует ситуация устной аффектированной речи. С точки зрения медийных параметров эту ситуацию характеризует однонаправленность: чтобы отменить сказанное, у нас нет иного выхода кроме как обрамлять свою речь оговорками, парентезами, металингвистическими высказываниями. В отличие от письма, она не гарантирует речевому субъекту власть над вещами, а с головой погружает в живой поток звучащего голоса, в которой одинаковой действительностью обладают как значения, так и заминки, помехи и прочие погрешности коммуникации [Hayashi, 2013: 1]. Этот поток стремится к замыканию контуров — которое, однако, в отличие от говорения по плану, совершается не проективно, а ретроактивно, т.е. так, что каждое последующее речевое действие определяет заново смысл предшествующего и только в конце можно сказать, пришел ли говорящий к чему-нибудь или нет [Feige, 2018: 137–138]. Другой фактор, управляющий динамикой речевой импровизации, — это моторика, на акцентуацию которой работает переключение внима-

ние говорящего с внутренней на внешнюю сторону языка. Проводя аналогию с формалистской теорией сказа [Ханзен-Леве, 2001: 167–218], можно сказать, что здесь «установка на выражение [приводит к] повышенной осязаемости материального языкового субстрата» и стоящих за ним специфических языковых жестов, «речевых эмоций», «артикуляционных и акустических эффектов» (Б. Эйхенбаум), речевой пантомимы. Характерной особенностью такого говорения является то, что говорящий не просто порождает высказывание — он в то же время реагирует на него как слушатель, оценивая с точки зрения ритмико-метрической соразмерности речи, переживает при сочинении процесс порождения речи вместе с персонажами. Исходя из внутреннего ощущения стабилизированной, прототипической формы, говорящий может стремиться к заполнению этой формы речью, тем самым доводя сказанное до конца не столько в логическом, сколько в формально-энергетическом плане.

Эта многомерная речь не существует у Бернхарда сама по себе, в идеальном вакууме мыслительного эксперимента — Бернхард стремится к тому, чтобы показать в тексте контуры коммуникативной ситуации в целом и для этого разрабатывает взаимосвязь речи с другими жизненными системами, в частности, с физическим движением. Для понимания природы этой взаимосвязи важны выводы теорий развития Л.С. Выготского и Ж. Пиаже, единоголосных в том, что для человека первичным источником опыта является движение, что на первых ступенях развития «человеческое восприятие ... непосредственно связано с моторикой [и] составляет только один из моментов в целостном сенсомоторном процессе» [Выготский, 1982: 380]. Иными словами, на раннем этапе становления нормальных речемыслительных реакций человек задействует сенсомоторику, чтобы сконструировать свой вариант реальности, то есть добиться ее субъективного структурирования посредством категорий объекта и пространства, времени и каузальности [Piaget, 1952: 8–9]. С одной стороны, эта неразделенность «конкретного способа существования и того, каким этот мир предстает перед нами» [Матурана, Варела, 2001: 23] создает условия для постоянного динамического взаимодействия между опытом и познанием. По другую сторону от этого скоординированного протекания движения и мысли лежит язык, дающий индивиду возможность отрефлексировать происходящее — отделить сознание от непосредственно заданных функций, выйти в область произвольного и свободного мышления.

В повести «Хождение» Бернхард охватывает обе стороны отношений между мышлением, речью и движением. Беря за основу динамическую картину сознания, писатель изобретает концепту-

альную игру, в которой, как в психологическом тесте, фигура и фон все время меняются местами:

Когда мы идем энергичнее, слабеет наша мысль, говорит Элер, когда энергичнее думаем — шаг. С другой стороны, надо ходить, чтобы думать, говорит Элер, равно как и думать нужно, чтобы продолжать ходить, одно следует из другого и с каждым шагом все с большей ловкостью.

В данном случае усиление и ослабление действия связано с возрастанием или убыванием в нем рефлексивного компонента. То, что остается в ходьбе, когда рассказчик начинает вкладывать большее усилие в размышление, — не что иное, как масса ускользающих микродвижений. В «Хождении» медийная репрезентация движения становится конструктивным принципом, используемым для углубленного анализа и проработки неуловимых стадий движения. Акцентированная моторика речи проявляет себя не содержательно, а функционально, как рутинная и монотонная процедура, дающая разрядку навязчивому желанию сказать что-то, что сказать все равно не удастся. В этом полумеханическом говорении речевой субъект так и не находит выхода из аффективного состояния, однако моторика речи снимает часть напряжения и тем самым заставляет его продолжать движение.

В поиске сходств между ходьбой и мучительным продвижением к границе выражаемого Бернхард фокусирует внимание на механической форме речи — воспроизведении сказанного. «В сущности, все, что говорится, является цитатой», — резюмирует рассказчик, тут же замечая, что эта сентенция принадлежит не ему, а Карреру, и тем самым утверждает этот принцип в действии. Механика его речи может быть описана следующим образом: он начинает говорить, произнося фразу как бы от себя, от первого лица, а затем моделирует ее при помощи фреймирующих предложений «он сказал» (*sagte er*), «считает он» (*so er*), указывающих на то, что все сказанное ранее представляло собой косвенную речь. Здесь важно отметить, как немецкий язык с его пунктуационными правилами и грамматическими особенностями позволяет оформлять прямую речь на письме без кавычек и ставить фреймирующее предложение в любом месте фразы, тем самым участвуя в создании специфического художественного эффекта. Например:

Шеррер настаивал на том, чтобы я все время давал показания о случившемся в лавке Рустеншахера, здесь, в отношении случившегося в лавке Рустеншахера, говорит Элер, Шеррер требовал от меня абсолютной точности, ничего не пропускайте, снова и снова повторял он, говорит Элер, я и по сей день слышу, как он снова и снова говорит, пока я без умолку говорил о случившемся в лавке Рустеншахера. Это происшествие стало если угодно ключевым, сказал я Шерреру, сказал Элер, но ни в коем случае не основным.

Если взглянуть на принцип развертывания речи с точки зрения конверсационного анализа, то данный тип речевого жеста — когда говорящий прерывает прогрессивно-направленную динамику реплики, чтобы включить в нее дополнительное слово или фразу — соответствует операции вставки (insert) [Schegloff, 2013: 45–46]. Такой вид речевой автокорректировки или починки (repair) примечателен тем, что он инициируется самим говорящим в пределах порождаемой им реплики, до условного момента перехода (transition place), в котором другой участник коммуникации может вступить в разговор и поменять роль говорящего [Schegloff, 2013: 42]. При этом рассказчик резко переключается с говорения на рефлексивную оценку сказанного и, заметив в нем речевое несоответствие, принимается исправлять фразу на опережение, предвосхищая вторжение в его реплику со стороны собеседника.

Множественное фреймирование прямой речи — лишь наиболее яркое проявление того дискурсивного поведения, которое демонстрирует речевой субъект в тексте Бернхарда. Он вновь и вновь отступает от устоявшихся на протяжении многих веков форм повествования, в которых есть последовательность развития, устремленность к смысловому отбору и интерпретации событий жизни [Labov, Waletzky, 1967: 12–44]. Опосредуя свое появление в тексте цитатой, снова и снова возвращаясь назад для переопределения сказанного, он демонстрирует предельную серьезность в отношении своего будущего высказывания и за неимением большего наполняет его самым конкретным из имеющихся содержанием: сообщением о факте чужой речи. Такая логика письма оправдана с точки зрения стартовой ситуации повести: она дана с самого начала, и в традиционном смысле у пишущего субъекта нет в запасе никакой интриги, которая могла бы служить импульсом для продвижения в повествовании. Как следствие, ему не остается ничего иного кроме как двигаться вглубь текста, заниматься не описанием нового опыта, а, по выражению Витгенштейна, упорядочиванием уже известного. И странным образом, это реверсивное движение обнаруживает в себе такой же потенциал бесконечности, что и линейное. Иными словами, поставив себе задачу уточнить сказанное, довести его абсолютного максимума точности, пишущий попадает в ловушку, описанную уже Зеноном: в случае Бернхарда Ахиллесом оказывается пишущий, а черепахой — невыразимый в своей окончательности смысл, маячащий на мыслительном горизонте, но не достижимый при помощи слов, потому что любое уточняющее, корректирующее выражение на каждом последующем шаге речемыслительной деятельности само вызывает к корректуре.

И все-таки Бернхард ставит в конце точку, обрамляя речевой поток замкнутым контуром формы и тем самым заставляя его обрести твердые очертания. В «Хождении» как в подлинной модернистской вещи основным двигателем выступает не интрига, а движение речи, организованной посредством темпа, риторических вариаций и мелодико-ритмических оборотов. Именно работа с музыкальным аспектом этой речи позволяет автору добиться созвучия, дискурсивной связности и целостности текста. Если мы взглянем на заключительную часть повести, то окажется, что завершающие ее приемы также заимствованы из музыкальной композиции: Бернхард последовательно вводит вариации тематических отрывков, возникших в начале повести, тем самым устанавливая отношения с уже прошедшими фазами речи.

Благодаря таким структурным и тематическим повторам речь все больше замыкается на саму себя, доводится до предела смысловой избыточности. Но приближаясь к концу, Бернхард неожиданно меняет принцип моделирования речевого потока, вбрасывает в него новый тематический виток:

Когда я лежу в постели, при том условии, что моя сестра оставляет меня в покое, что она не ходит по комнате у меня перед глазами, говорит Каррер, что она не поддается своей привычке, вскоре после того, как я улегся, открывать все ящики, все комоды и внезапно все эти ящики и комоды опустошать, я размышляю о том, о чем я думал весь прошлый день, говорит Каррер.

Как тут же станет ясно, эта микросцена нужна для того, чтобы накинуть еще одну метаязыковую петлю на сказанное, смоделировать в языковом материале процесс обобщения, «быстрого охвата мыслью всех предыдущих стадий» развития речи [Назайкинский, 1982: 288—289]. Смысл этой речевой коды состоит в попытке построить на ходу что-то помимо линейности спонтанного монолога, выстроить из массы исторгнутых из себя слов логико-смысловую иерархию. В частности, это относится и к данному отрывку. «Я закрываю глаза и кладу руки на покрывало и вспоминаю весь прошлый день с возрастающей интенсивностью, говорит Каррер», — сообщает рассказчик. Содержание этого воспоминания, возможно, является подступом к тому призрачному, отсутствующему сюжету, прорваться к которому читатель безуспешно пытается на протяжении всей вещи. Все более глубокое погружение в мир собственного мышления в определенный момент грозит достичь предела безумия, признает рассказчик, цитируя Каррера, и добавляет: время, когда он считался с этой опасностью, прошло. Однако в последний момент Бернхард

вновь лишает нас возможности увидеть собственными глазами тот самый момент, из которого вырастает вся история: в диалектическом порядке патологическое равнодушие сознания к собственной гибели обращается в поистине философскую бесстрастность. На том самом месте, где герой объявляет, что достиг на протяжении мыслительной жизни покоя и равновесия между разрывающими ум противоречиями, речь прекращается, как прекращается всякое движение в точке приложения равных разнонаправленных сил.

Список литературы

1. *Выготский Л.С.* Лекции по психологии // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2: Проблемы общей психологии. М., 1982.
2. *Матурана У., Варела Ф.* Древо познания: Биологические корни человеческого понимания. М., 2001.
3. *Назайкинский Е.В.* Логика музыкальной композиции. М., 1982.
4. *Ханзен-Лёве О.А.* Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. М., 2001.
5. *Шкловский В.* Искусство как прием [1917]. М., 1929.
6. *Эйхенбаум Б.М.* Иллюзия сказа // Эйхенбаум Б.М. «Сквозь литературу»: Сборник статей. Л., 1924а. С. 152–156.
7. *Bernhard T.* *Gehen.* Suhrkamp, 1971.
8. *Feige D.M.* *Design — Eine philosophische Analyse.* Suhrkamp, 2018.
9. *Freud S.* Bemerkungen über einen Fall von Zwangsneurose // Freud S. *Gesammelte Werke, chronologisch geordnet.* Band 7. Frankfurt am Main, 1941.
10. *Freud S.* Zur Psychopathologie des Alltagslebens (Über Vergessen, Versprechen, Vergreifen, Aberglaube und Irrtum) [1901] // Freud S. *Gesammelte Werke, chronologisch geordnet.* Band 4. L., 1947.
11. *Hayashi M., Raymond G. and Sidnell J.* (ed.) *Conversational Repair and Human Understanding.* Cambridge University Press, 2013.
12. *Heinrich D.* Kunst und Kunstphilosophie der Gegenwart (Überlegungen mit Rücksicht auf Hegel) // Iser W. (Hrsg.) *Immanente Ästhetik, Ästhetische Reflexion: Lyrik als Paradigma der Moderne; Kolloquium Köln 1964, Vorlagen und Verhandlungen.* München, 1991.
13. *Jauß H.R.* (Hrsg.) *Die nicht mehr schönen Künste. Grenzphänomene des Ästhetischen.* München, 1968.
14. *Labov W. and Waletzky J.* Narrative analysis // Helm J. (ed.) *Essays on the Verbal and Visual Arts.* Seattle, 1967. P. 12–44.
15. *Lachmann R.* Die Zerstörung der schönen Rede. Rhetorische Tradition und Konzepte des Poetischen. München, 1994.
16. *Piaget J.* *The Origins of Intelligence in Children.* N.Y., 1952.
17. *Schegloff E.A.* Sequence organization in interaction: A Primer in Conversation Analysis I. Cambridge, 2007.

**SPEECH REPAIR IN THE CREATION
OF LITERARY TEXT BY THOMAS BERNHARD
("Walking", 1971)**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article focuses on the principles of text modelling in the literature of modernism. At the time of global cultural changes and revisions of artistic agenda which modernist era had brought, literature started expressing particular interest in constructive and semantic possibilities of language. As a result of the investigations into formal and dynamic dimensions of expression, literature got enriched with new principles of artistic construction, which are based on the dynamics of speech as a structural and rhythmic whole. The article tests these theses addressing the novella "Walking" by the Austrian author Thomas Bernhard. The subjects of Bernhard's fiction works are characterized by a highly self-reflexive type of speech behaviour and special sensitivity for expressive possibilities of the word. Usually these are figures who try to speak in essence, to bring their statement to the limit of meaning and to achieve by that the resolution of the primary questions of being. Specifically, this subjectivity is manifest in numerous speech repairs. The analysis of the novella seeks to demonstrate how by transforming speech autocorrection into a key principle of logical-structural deployment of artistic expression, Bernhard creates an accentuated artistic structure, based on the principles of musical rhetoric. The article discusses what unique artistic effects arise from the meeting of these two opposites — extremely formal composition and deliberately preliminary, trial statement — and in the mode of "close reading" can be traced the transformation of the unedited language into literature.

Key words: modernist literature; Austrian literature; Thomas Bernhard; conversation analysis; logical positivism; motorics.

About the author: *Anna Yakovets* — PhD Student, Department of Discourse and Communication Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: la-traviata@yandex.ru).

References

1. Vygotskii L.S. Lektsii po psihologii. [Lectures on psychology]. Sobranie sochinenii v shesti tomah. Tom vtoroi. Problemy obshchei psihologii. M., *Pedagogika*, 1982.
2. Maturana U., Varela F. Drevo poznaniya: Biologicheskiye korni che-lovecheskogo ponimaniya [The tree of knowledge. Biological basis of human understanding]. M., *Progress-Traditsiya*, 2001.
3. Nazaikinskii E. Logika muzykalnoi kompositsii. [Logic of musical composition]. M.: *Muzyka*, 1982.

4. Hansen / Liove O. Russkii formalism. Metodologicheskaya rekonstruktsiya razvitiya na osnove prinzipa ostraneniya [Russian formalism. Methodological reconstruction of the development based on the principle of defamiliarization]. M.: *Yazyki russkoi kultury*, 2001.
5. Shklovskii V. *Iskusstvo kak priem* [Art as device]. M., 1929.
6. Eihenbaum B. Illuziya skaza [Illusion of skaz]. Skvoz literature: Sbornik statei. L.: *Akademiya*, 1924, pp. 152–156.
7. Bernhard T. *Gehen*. Suhrkamp, 1971.
8. Feige D.M. *Design — Eine philosophische Analyse*. Suhrkamp, 2018.
9. Freud S. Bemerkungen über einen Fall von Zwangsneurose. In: Freud, Sigmund. *Gesammelte Werke, chronologisch geordnet*. Band 7. Frankfurt am Main: *Fischer Verlag*, 1941.
10. Freud S. Zur Psychopathologie des Alltagslebens (Über Vergessen, Versprechen, Vergreifen, Aberglaube und Irrtum) [1901]. In: Freud, Sigmund. *Gesammelte Werke, chronologisch geordnet*. Band 4. London: *Imago Publishing*, 1947.
11. Hayashi M., Raymond G. and Sidnell J. (ed.) *Conversational Repair and Human Understanding*. Cambridge: *Cambridge University Press*, 2013.
12. Heinrich D. Kunst und Kunstphilosophie der Gegenwart (Überlegungen mit Rücksicht auf Hegel). In: Iser W. (Hrsg.): *Immanente Ästhetik, Ästhetische Reflexion: Lyrik als Paradigma der Moderne; Kolloquium Köln 1964*, Vorlagen und Verhandlungen. München: *Fink*, 1991.
13. Jauß H.R. (Hrsg.) *Die nicht mehr schönen Künste. Grenzphänomene des Ästhetischen*. München: *Wilhelm Fink Verlag*, 1968.
14. Labov W. and Waletzky J. Narrative analysis. In: Helm, J. (ed.) *Essays on the Verbal and Visual Arts*. Seattle: *U. of Washington Press*, 1967, pp. 12–44.
15. Lachmann R. *Die Zerstörung der schönen Rede. Rhetorische Tradition und Konzepte des Poetischen*. München: *Wilhelm Fink Verlag*, 1994.
16. Piaget J. *The Origins of Intelligence in Children*. New York: *International Universities Press*, 1952.
17. Schegloff E.A. *Sequence organization in interaction: A Primer in Conversation Analysis I*. Cambridge: *Cambridge University Press*, 2007.

И.Б. Ничипоров

**СЕМЬЯ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН:
РОМАНЫ ЮРИЯ ПОЛЯКОВА РУБЕЖА XX–XXI вв.
(«Замыслил я побег...», «Грибной царь»)**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Предметом обсуждения в данной статье стало творчество современного писателя Ю.М. Полякова (род. 1954). В частности, речь идет о характерном для его прозы 1980–2010-х годов художественном отражении истории и современной действительности через частные, семейные судьбы персонажей, в чем просматривается типологическая преемственность по отношению к опыту Ю. Трифонова. Наиболее ярко «мысль семейная» воплощена Поляковым в романах «Замыслил я побег...», «Грибной царь», «Любовь в эпоху перемен» — к первым двум произведениям обращено настоящее исследование. В связи с поставленной темой в работе подробно анализируются персонажный мир произведений, художественные пути постижения семейных — супружеских, поколенческих — отношений. В траекториях жизненных поисков центральных персонажей проявились притягательные для современного сознания «эскапистские» настроения, которые передаются в разветвленной системе лейтмотивов, складывающихся в сквозную ситуацию блуждания во времени и пространстве, которая приобретает социально-психологический и экзистенциальный смысл. Семейные связи формируют в романах Полякова мощное поле притяжения, в орбиту которого подчас в трагикомическом отсвете вовлекаются вехи общественно-политической истории — в частности, переломные события 1991–1993 гг. Сюжетообразующим и смысловым центром романной структуры становятся осознанное или стихийное «выпадение» персонажей из линейного времени, их скитания по дорогам прошлого, проектирование ими утопических моделей будущего. Переживание расцвета и оскудения семейных отношений художественно осмысливается в соотнесении с «эпохой перемен» в частном и общественном бытии и приводит персонажей к самозабвенному поиску альтернативных сценариев личной жизни и стихийному мифотворчеству.

Ключевые слова: Юрий Поляков; современный роман; тема семьи; художественное пространство и время; история и современность.

Ничипоров Илья Борисович — доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: il-boris@yandex.ru).

Проза Ю. Полякова 1980–2010-х годов стала самобытным художественным преломлением современности. Как и в произведениях Ю. Трифонова, а затем и «сорокалетних», осмысление картины мира порубежных десятилетий происходит у Полякова сквозь призму частных судеб персонажей, в причудливых хитросплетениях ритмов их душевной жизни, семейных отношений и социально-исторических сдвигов, а также порожденной меняющимся временем индивидуальной и коллективной мифологии. «Мысль семейная» намечается в ранней повести «ЧП районного масштаба» (1981, опубликована в 1985) и достигает полноты художественного воплощения в романах «Замыслил я побег...» (1997–1999), «Грибной царь» (2001–2005), «Любовь в эпоху перемен» (2013–2015)¹. Предмет исследования в данной работе — первые два романа, созданные на рубеже столетий.

Роман «Замыслил я побег...» (1997–1999) примечателен развернутой детализацией художественного изображения обстоятельств внутренней и семейной жизни центрального персонажа Олега Трудовича Башмакова, спустя «двадцать лет... брачного сосуществования» примеряющего на себя роль «эскейпера», который «замыслил уйти от жены».

Подобно персонажам «московских» повестей Трифонова [Ничипоров, 2014], главный герой романа Полякова запутанной реальности повседневных семейных и общественных отношений все более осознанно пытается противопоставить положительную, как он надеется, альтернативу, обратить вспять уходящее время, «уйти в другую жизнь тихо и благородно — как умереть». Притягательные для современного сознания «эскапистские» настроения художественно передаются в разветвленной системе лейтмотивов, складывающихся в *ситуацию блуждания во времени, которая приобретает социально-психологический и экзистенциальный смысл*.

Композиция романа основана на синхронных, пересекающихся в ключевых эпизодах и в трагическом финале линий изображения раннего брака героя с Катей, с его кризисными чертами, но и немалым запасом прочности, — и растянувшегося на годы выстраивания Башмаковым *воображаемой модели иной жизни*, куда, впрочем, уже не юному человеку хочется «взять с собой» из дома хотя бы аквариумных сомиков, чтобы, подобно рыбкам, находить прибежище в «моточке родного роголистника».

Студенческий брак с Катей, чьи «покорная нежность и тревожное ожидание» не вызвали в Башмакове «ослепительного влечения», однако счастливо избавляли от горечи первых любовных неудач,

¹ Тексты произведений Ю.М. Полякова приводятся по электронному ресурсу: URL: <http://www.e-reading.club/bookbyauthor.php?author=12494>

художественно осмысляется как хрупкий баланс «охранительных» и центробежных импульсов. Гармония совместного формирования и взаимовлияния супругов на пути от юности к зрелости отягощается в изображении Полякова психологическими несовпадениями, скрытыми поединками за первенство в семье, когда вначале «по молодости лет Катя старалась быть соблазнительной, вместо того чтобы быть требовательной», а позднее в «каждой новой ссоре, каждом царственном требовании собирать вещи и уматывать» обнаруживалось болезненное наложение личных противоречий, социальных стереотипов, заданных партийной должностью героя, и интимных отношений, все чаще воспринимаемых супругами в качестве действенного средства нормализации семейного климата.

Семейные, супружеские отношения формируют в произведении мощное поле притяжения, в орбиту которого причудливо, подчас в трагикомическом отсвете вовлекаются вехи общественно-политической истории — в частности, переломные события 1991–1993 гг. В сферу подобного влияния попадает и искусно прописанный Поляковым материальный, вещный мир — от галстуков в гардеробе, и особенно «изменного» галстука как красноречивых свидетельств о прошлой жизни и семейных испытаниях, аквариумных принадлежностей, румынского дивана, «трудновывозимые» габариты которого когда-то помогли «восстановлению семейной цельности», приобретения машины до размышлений Башмакова о том, что «по тому, как собран человек в дорогу, можно судить о его семейном положении и даже о качестве семейной жизни». Это и перебираемые «эскейпером» семейные документы, которые — от райкомовского удостоверения до Катиного свидетельства о Крещении — являют взаимопроникновение «текстов» разных эпох.

«Телесное», бытовое выражение получает в сюжетной динамике романа и таинственное чередование взлетов и падений, разрывов и восстановления супружеской общности, «вялых призывов» к близости и пристальных Катиных наблюдений «за его виноватыми стараниями» после раскрытой измены, готовности героя отречься от домашнего быта — и возвращающегося желания «спокойно завтракать» с женой, «вести размеренно семейный образ жизни», согреться «приятным стограммовым теплом». Даже альтернативные варианты семьи прочно ассоциируются в его сознании с бытовым уютом: тешась иллюзией созидания домашнего пространства, он обустроивал «новую квартиру» Нины Андреевны, и вместе они «зашли по дороге домой в магазин», а впоследствии представлял, как с Ветой, которая проникательно «боялась... материальных подтверждений его прежнего существования»...

Сюжетообразующим и смысловым центром романа Полякова становятся осознанное или стихийное «выпадение» персонажей из линейного времени, их скитания по дорогам прошлого, проектирование ими утопических моделей будущего. Иррациональное и нередко конфликтное пересечение времен, разнящихся поколенческих установок, проступает и в «боковых» сюжетных линиях: в судьбах отца и матери Башмакова, в семейной предыстории Веты, в радикальном отталкивании дочери Даши от опыта родителей, которых она оценивает как «попутчиков», ибо «в любой момент каждый из вас может встать и сойти».

Подобно псевдоисторику — кратковременному кумиру своей жены, главный герой романа, мысленно дистанцируясь от малосодержательной, по его ощущению, повседневности, увлеченно рисует картины будущего своей первой семьи, но, втайне робея перед мифологией «новой» жизни, он сетует на уже почти свершившийся переворот. Впадая в зависимость от опасных стереотипов восприятия времени и собственного возраста, колеблясь между «мне уже поздно» и «у вас еще все впереди», *герой Полякова все острее ощущает себя не столько инициатором, сколько жертвой распада освоенного пространства домашней, семейной жизни.* Возрастные психологические и телесные расхождения с молодой избранницей, метания между ролями новоиспеченного дедушки и легкомысленного жениха ведут его к «самоостраняющему», абсурдистскому видению себя в образе «влюбленного дедушки», в качестве заложника напоминающей о «Москве чеховских трех сестер» [Замшев] мифологии «побега», которая вынуждает его «как последнего идиота, сидеть на вещах в ожидании звонка».

Трагический, прорисованный в гротескно-фантастической манере финал романа «превращает семейный адюльтер в человеческую драму» [Бондаренко], наполнен ужасом от зависания «над пропастью как реальной, так и духовной» [Замшев] и мотивирован неустранимой разъятостью героя между милой ему, «нежно-насмешливой» стихией супружеских чувств, «слаженными объятиями», которые напоминали «движения пары фигуристов, катающихся вместе Бог знает сколько лет», задушевым семейным просмотром старого фильма — и предвидением того, что Катя «не простит предательства этой новой, нарождающейся гармонии совместного старения», состоянием томительного «переживания жизни», приближением «страшного поезда перемен» и горьким самоуподоблением героя промытому аквариуму, поскольку «наверное, именно так выглядит начало новой жизни с новой женщиной».

В романе «Грибной царь» (2001–2005) предметом художественного осмысления и основой социально-психологических обобщений

выступают коллизии семейной жизни центрального персонажа — «неплохо сохранившегося» 45-летнего директора фирмы «Сантех-уют» Михаила Свирельникова.

Возникающий в экспозиции и финале романа мифопоэтический образ Грибного царя ассоциируется как с детскими устремлениями героя к гармонии бытия, так и с его последующими разуверениями, прозрением того, что жизнь погружается в «удушающий табачный дым, отдающий почему-то резким запахом женских духов», что даже заветный Грибной царь «дрогнул, накренился и распался, превратившись в отвратительную кучу слизи, кишашую большими желтыми червями». Поворотные для Свирельникова мысленные и физические «соприкосновения» с Грибным царем как властелином судьбы формируют сквозной психологический сюжет произведения — *ситуацию «путешествий» во времени и пространстве, на грани видимого и воображаемого миров.*

За суетливыми хлопотами делового человека 1990-х гг. в романе прочерчиваются магистральные и периферийные линии семейных ретроспекций. Военная служба в Германии, молодая семейная жизнь с Тоней, надорванная принудительной пьяной близостью, неудачной беременностью, «давней женской обидой, тем неродившимся ребенком»; вынужденное увольнение из армии, «переквалификация» в мастера по квартирному ремонту и брошенное женой «слабак» — оборачиваются самоощущением героя в положении «беглого мужа» и «брачного отщепенца». Пытливо реконструируя в памяти истоки супружеского разлада, Свирельников диагностирует возрастание в себе губительной для брака «*бациллы “сначальной” жизни*», которая посеяла сомнение в нынешней семье как «единственно возможной», постепенно возобладала в сфере сердечных и интимных отношений с женой, «опасно размножилась в его душе и уже доедала иммунитет спасительной мужской лени».

Укорененный в современном сознании *синдром тотальной новизны*, распространяющийся на семью и противоположный ее сокровенному «уюту», упоминание о котором по иронии обстоятельств присутствует в названии детища героя, художественно постигается Поляковым в ближней и дальней исторической ретроспективе. От воспоминаний Свирельникова о буйствах отца и его «примирениях» с матерью, «материализованных» в «десятке нераспечатанных “Ландышей”», о домашних распрях в контексте политических битв начала 1990-х годов в романе протягивается ассоциативная нить к *воинствующе антисемейным интенциям недавних десятилетий* — к сюжету «Любови Яровой», драме Тониной тетки Милды Эвалдовны и Валентина Петровича, который спустя много лет узнал о причастно-

сти тестя к расправе над его отцом в 1930-е годы, после чего «портрет покойной жены с его рабочего стола исчез навсегда»...

Процесс «эрозии... исконных смыслов личностного и общественного бытия» [Голубков, 2015: 71] на уровне частных судеб героев романа вызывает *искусственное разделение пространства доверительного общения и семейной повседневности*: во время свиданий Свирельникова с замужней Эльвирой после близости они «обычно курили и расслабленно делились семейными новостями», искренне полагая, что «измена изменой, а семья семьей». Квазиидеал «сначальной» жизни побуждает Тоню после разрыва с мужем нещадно вырезать его изображения с семейных фотографий, а самого Свирельникова — убеждать себя в окончательном разрыве с былыми привязанностями, в возможности легко переступить через «презрительное разочарование» дочери, достичь после развода того, что «нынешняя злоба уравновесит былую нежность, наступит тупое разочарование», и вдохновенно конструировать «настоящую» жизнь с «новой подругой».

Иллюзия телесного и эмоционального обновления в «сначальной» жизни, якобы открывающей простор для исправления неловкостей и ошибок в прошлой семье, наполняющей «предвкушением... тщательного отцовства», непохожего на то, как когда-то, в бестолковой молодости он опоздал к Тоне в роддом и примчался «потный, хмельной и запыхавшийся», — омрачается у героя Полякова невольной, разрывающей его сознание затерянностью между пространствами оставленных квартир, маршрутами былых — от Ельдугино, Химок и Кимр до Сицилии — поездок с женой, между привычными вещными координатами семейного быта, когда «галстуки ему выбирала и повязывала, разумеется, Тоня», и досадным для него равнодушием к домашнему миру со стороны «малолетней Светки, носившей исключительно джинсы да майки»...

Финал «Грибного царя», как и повести «ЧП районного масштаба», романов «Замыслил я побег...», «Любовь в эпоху перемен», поставляет героя на порог расставания с жизнью и овевя мистическим чувством. Блуждания по лесу, встреча с Грибным царем отчасти возвращают дыхание детства и в то же время знаменуют *прозябание его не только в семейном, но и в онтологическом смысле «захолостяковавшего» «я» на перепутье воспоминаний, проектов будущего и неосуществившихся жизненных альтернатив.*

Итак, «мысль семейная» оказала существенное влияние на психологическую реальность и структурные закономерности романов Ю. Полякова и выразилась в их персонажном мире, через ассоциации между различными судьбами, историей и современностью, посредством скрупулезной речевой, жестовой и предметной

детализации повседневности. Переживание расцвета и оскудения семейных отношений художественно осмысливается в соотношении с «эпохой перемен» в частном и общественном бытии и приводит персонажей к самозабвенному поиску альтернативных сценариев личной жизни, стихийному мифотворчеству, неприкаянным странствиям в лабиринтах пространства и времени.

Список литературы

1. *Поляков Ю.М.* Собр. соч. URL: <http://www.e-reading.club/bookbyauthor.php?author=12494> (accessed: 18.03.2019).
2. *Бондаренко В.* Одинокий и строптивый. URL: <http://www.yuripolyakov.ru/about/literary/odinokiy-i-stroptivyy/> (accessed: 18.03.2019).
3. *Голубков М.М.* К вопросу об онтологической пустоте: роман Юрия Полякова «Грибной царь» как роман о современности // Испытание реализмом. Материалы научно-теоретической конференции «Творчество Юрия Полякова: традиция и новаторство» (к 60-летию писателя). М., 2015. С. 69–76.
4. *Замшев М.* Оромане Ю. Полякова «Замыслил побег...» URL: <http://www.yuripolyakov.ru/about/literary/variant-otveta/> (accessed: 18.03.2019).
5. *Ничипоров И.Б.* Повседневность как предмет духовно-нравственного осмысления в «московских» повестях Ю. Трифонова // Память как механизм культуры в русском литературном процессе (памяти Риммы Михайловны Лазарчук): Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (12–14 марта 2014 г., Череповец) / Отв. ред. Н.В. Володина, Е.В. Грудева, Е.Е. Соловьева. Череповец. С. 91–97. URL: <http://istina.msu.ru/publications/article/7646818/> (accessed: 18.03.2019).

Илья Nichiporov

FAMILY IN THE ERA OF CHANGE: NOVELS BY YURI POLYAKOV AT THE TURN OF THE 21st CENTURY (‘I Devised an Escape...’, ‘The King of Mushrooms’)

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article focuses on the work of the modern writer Yuri Polyakov (b. 1954). Special emphasis is laid on a single characteristic of his prose in the 1980’s — 2010’s, artistic reflection of historical and contemporary reality through the lives of the characters, which can be seen as typological continuity with respect to the experience of Trifonov. The most vividly “family thought” is embodied by

Polyakov in the novels ‘I devised an escape...’, ‘The king of mushrooms’, ‘Love in the era of change’. This study addresses the first two works. The paper scrutinizes the character’s world — marital and generational, analyzing artistic ways of understanding family. Family ties form a powerful field of attraction in Polyakov’s novels, in the orbit of which, sometimes in a tragicomic reflection, milestones social and political history, specifically the pivotal events of 1991–1993. The plot forming and semantic center of the novel structure is the conscious or spontaneous “loss” of the characters from linear time, their wandering along the roads of the past, their design of utopian models of the future. The experience of the heyday and impoverishment of family relations is artistically conceptualized in relation to the “era of change” in private and public life and leads the characters to a selfless search for alternative scenarios of personal life and spontaneous myth-making.

Key words: Yuri Polyakov; modern novel; family theme; artistic space and time; history and modernity.

About the author: *Iliya Nichiporov* — Prof. Dr., Department of the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: il-boris@yandex.ru).

References

1. Polyakov Yu.M. *Sobranie sochinenij*. URL: <http://www.e-reading.club/book-byauthor.php?author=12494>
2. Bondarenko V. *Odinokij i stroptivyy*. URL: <http://www.yuripolyakov.ru/about/literary/odinokij-i-stroptivyy/>
3. Golubkov M.M. K voprosu ob ontologicheskoy pustote: roman Yuriya Polyakova “Gribnoj car” kak roman o sovremennosti. In: *Ispytanie realizmom. Materialy nauchno-teoreticheskoy konferencii “Tvorchestvo Yuriya Polyakova: tradiciya i novatorstvo” (k 60-letiyu pisatelya)*. M., U Nikitskih vorot, 2015, pp. 69–76.
4. Zamshev M. *Oromane Yu. Polyakova “Zamyslilya pobeg...”* URL: <http://www.yuripolyakov.ru/about/literary/variant-otveta/>
5. Nichiporov I.B. Povsednevnost’ kak predmet duhovno-nravstvennogo osmysleniya v “moskovskih” povestiyah Yu. Trifonova. In: *Pamyat’ kak mekhanizm kul’tury v russkom literaturnom processe (pamyati Rimmy Mihajlovny Lazarchuk): Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (12–14 marta 2014 g., Cherepovec)* / Otv. red. N.V. Volodina, E.V. Grudeva, E.E. Solov’eva. Cherepovec, Cherepoveckij gos. un-t, 2014. S. 91–97. URL: <http://istina.msu.ru/publications/article/7646818/>.

Н.Э. Ибадова

**РОМАН Ю. ПОЛЯКОВА «КОЗЛЕНОК В МОЛОКЕ»
КАК ПАРОДИЯ НА ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ ДИСКУРС**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
19991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена анализу жанрового своеобразия «романа-эпиграммы» Ю. Полякова «Козленок в молоке». Трансформация жанровых форм характерна для современной русской литературы. Ю. Поляков, обозначив жанр своего произведения как «роман-эпиграмму», подтвердил свою приверженность традициям русской классической литературы. В то же время писатель, мастер гротескного реализма, виртуозно использует весь арсенал сатирических приемов с целью максимально точно обрисовать ситуацию в литературной среде и в стране в целом в советское и постсоветское время. Абсурден сам сюжет романа, а главным объектом сатиры Ю. Полякова является литературная элита. Автор ввел в повествование и прямую речь героев малые жанры: остроты, насмешки, анекдоты, афоризмы, шутки. Роман изобилует курьезными ситуациями, которые отсылают читателей к ушедшей эпохе. Стиль автора определяется широким использованием гиперболизации, афоризмов, карикатур, пародий, прецедентных феноменов, окказионизмов. В романе Ю. Поляков ведет спор с постмодернизмом, который утверждает релятивизм и отрицает аксиологическую функцию искусства. В то же время автор использует новаторские приемы постмодернистов для гротескного изображения современной русской действительности. Писатель с высочайшим мастерством спародировал актуальную для современного искусства тему создания литературных репутаций и необязательности таланта. Особое место в романе занимает художественное переосмысление вечных тем назначения творчества и взаимоотношений Создателя и его Творения, переосмысление мифа о Пигмалионе и Галатее.

Ключевые слова: жанр; роман-эпиграмма; гротескный реализм; смерть автора; пародия; постмодернизм; постмодернистский дискурс; сатира; творческая интеллигенция; прецедентные феномены.

Обозначая жанр «Козленка в молоке» как «роман-эпиграмму», Ю. Поляков стремился найти жанровое определение, наиболее полно соответствующее художественному замыслу. Будучи синте-

Нармина Эльшад кызы Ибадова — аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: narmina.msu@mail.ru).

тическим жанром, роман довольно легко трансформируется в современные гибриды: «роман-наваждение», «роман-комментарий», «роман-комикс», «роман-гротеск» [Гашкова, 2016: № 12 (34)] и др., при выборе которых автор заведомо рассчитывает на неоднозначное прочтение своего произведения.

Ю. Поляков, с одной стороны, отмечает свою приверженность классической традиции реалистического романа, а с другой, — называя произведение эпиграммой, отсылает нас к пониманию этого жанра как пояснительной надписи (на античных памятниках, например) и как небольшой насмешливой зарисовки. Становится понятной авторская позиция писателя, в основе которой сатирически-пародийное изображение современной действительности, уходящее своими корнями в гротескный реализм Гоголя и Салтыкова-Щедрина. С другой стороны, гротескное изображение мира творческой интеллигенции отсылает читателя к романам Булгакова и Ильфа и Петрова.

М.М. Бахтин назвал гротескным реализмом «специфический тип образности, присущий народной смеховой культуре во всех формах ее проявления» [Бахтин, 2014: 18]. По его наблюдению, празднества связаны с переломными моментами жизни человечества, и гротескный реализм выходит на первый план в эпоху революционных сломов, когда новое сменяет старое. Смеховая культура расцветала в трагические эпохи потому, что именно юмор является жизнеутверждающей силой. В такую эпоху и появилось произведение Ю. Полякова с подзаголовком, указывающим на игровое начало всей книги.

Друзья за ужином в дубовом зале Центрального дома литераторов ведут беседы о литературе. «Текст не имеет никакого значения. <...> Можно вообще не написать ни строчки и быть знаменитым писателем! Тебя будут изучать, обсуждать, цитировать...» [Поляков, 2011: 36], — говорит повествователь, умный, находчивый, но не очень талантливый писатель, которому Поляков не дал ни имени, ни фамилии. «Имена таких бесплодно талантливых людей не имеют никакого значения <...> настоящая интрига всегда безымянна. Мой герой — гений литературной интриги» [Поляков, 2014: 147], — поясняет автор. Такой бесплодный талант — самая драматическая фигура в искусстве. Он знает, как создать шедевр, но сам не может сотворить что-либо значительное, ему уготована роль закулисного вдохновителя и организатора творческого процесса.

Именно с его точки зрения, оценивается ситуация в литературной среде и в стране в целом. Он заключает нелепое пари со своим приятелем о том, что готов первого встречного за два месяца сделать известным писателем. Так из случайного знакомого Витька

герой-повествователь создает овладевшего «золотым минимумом начинающего гения» [Поляков, 2011: 92].

Поляков делает художественную систему постмодернизма предметом своей сатирической типизации. Особое внимание автор уделит обоснованию выбора названия ненаписанного романа Виктора Акашина — «В чашу». По законам жанра, название традиционно должно выражать авторскую позицию и передавать основное содержание произведения. Автор пародийно обыгрывает ситуацию так, что название ничего не выражает, но звучит многообещающе: «Замечательно! Деревенщики увидят в этом явный намек на один из способов рубки избы <...> А чистоплюи-постмодернисты и сочувствующие им усмотрят в этом нечто мусическое и мистериальное. <...> Соцреалисты вообще ничего не поймут, что, собственно, от них и требуется...» [Поляков, 2011: 138].

Поляков показывает, как по-разному реализуются читательские ожидания. Писателей и критиков с такими, на первый взгляд, разными убеждениями объединяет абсолютно одинаковое отношение к литературе: они готовы принять роман, даже не раскрывая «рукопись», обсуждать его, восхищаться, цитировать и даже писать о нем критические статьи.

Немота, характерная для постмодернистского мироощущения, в романе Полякова воплощается в белых листах бумаги. Уложенные в папку, они и есть роман «В чашу». В полном соответствии с концепцией постмодернизма заполнять чистые листы предстоит читателям, которые, не прочитав роман, высказывают мнения о нем, причем самые разнообразные и противоречивые. Барт, как известно, заявил, что текст не несет авторских смыслов. Смысл в текст вкладывает не писатель, а читатель. С представлением о «смерти автора» связано такое важнейшее для постмодернистской литературы понятие, как интертекстуальность — наличие в тексте элементов других текстов, насыщающих произведение мерцающими смыслами. Читатель видит мерцающие смыслы и наполняет текст своим пониманием. Кипяткова рассматривает «В чашу» как роман о любви, почвенник Чурменев убежден, что произведение продолжает традиции деревенской прозы, а Ирискин трактует его с либеральных позиций. Теоретика авангарда Любину-Любченко принадлежит гениальная интерпретация романа «В чашу»: «Чистая страница — это окно в коллективное бессознательное, поэтому, существуя в сознании автора и не существуя на страницах рукописи, роман тем не менее существует в коллективном бессознательном» [Поляков, 2011: 358]. Открытый им метод критик назвал «табулизмом»: «Табулизм — это не просто возносящая нас ввысь энергия чистой страницы, это вообще

запрет — табу на любое буквенное фиксирование художественного образа!» [Поляков, 2011: 358—359].

В «Козленке» автор поднимает актуальную тему необязательности таланта. Его отсутствие компенсируется наличием связей, усвоением некоторых правил игры в литературное творчество: «писательская действительность изобилует случаями, когда слава выбирает и возносит на своих перепончатых крыльях таких умственных заморышей, что просто хочется плакать» [Поляков, 2011: 85]. Поляков ведет спор с постмодернизмом, отрицающим роль художественного дара. На примерах Чурменьева и Витька, получившего Бейкеровскую премию за преследования властью, автор обыгрывает ситуации гонимого литератора. «Гонимость, а не талант, и тем более не трудовой стаж, вот что дает настоящую славу» [Поляков, 2010: 101].

Автор изобличает тех литераторов, которые давно забыли о человечности, взаимоуважении, порядочности. «Писатели — люди патологически завистливые» [Поляков, 2011: 85] и «всегда норовят что-нибудь уволочь из правления» [Поляков, 2011: 147], — говорит герой-повествователь. Для них творчество — это кормушка, способ легкого выбивания благ. Поэт Шерстяной с застывшей на лице гримасой неудавшейся жизни — настоящий вымогатель: он получал премии, менял квартиры и машины за счет членства в Союзе писателей, умудряясь сочинять стихи прямо в приемной правления, где и проводил все свои дни.

Поляков умело пользуется многими сатирическими приемами: гиперболизацией, гротеском, сарказмом, пародией, иронией, шуткой, насмешкой, карикатурой. «После такого обеда комнатная мышь по-собачьи взвыла бы от голода!» [Поляков, 2011: 183], — так описывает автор обед у «старой бетономешалки» [Поляков, 2011: 188] Кипятковой, «скорее похожий на микрохирургическую операцию, осуществляемую по какой-то странной необходимости огромными серебряными старинными ножами и вилками» [Поляков, 2011: 183]. С большим мастерством писатель включает в повествование и прямую речь героев миниатюрные прозаические жанры: афоризмы, шутки, остроты. Текст романа чрезвычайно богат анекдотами и анекдотическими ситуациями (в старом смысле слова «анекдот»: эпизод, в котором раскрываются характеры исторических личностей и эпоха). Полякову удалось блестяще описать быт начала 1990-х годов, особого внимания заслуживают ресторанно-гастрономические подробности (например, бутерброды с выжимкой из борща).

Сатирический дар Полякова проявляется и в использовании различных прецедентных феноменов: прецедентных текстов, ситуаций, высказываний, имен. Аллюзивный принцип языковой игры связан с созданием «стилевой доминанты авторской речи»: «Аллюзивная

составляющая служит источником создания ироничной тональности стиля рассказчика» [Гридина, 2008: 75–76]. Название всего романа и его глав отсылают к прецедентным текстам («Первый бал Витька Акашина» (ср. «Первый бал Наташи Ростовской»), «Виктор Акашин как зеркало русской революции», «Униженный и отстраненный», «Как поссорились Иван Иванович с Иваном Давыдовичем» и др.).

Вслед за Гоголем, Чеховым, Булгаковым автор мастерски пользуется приемом ономастической игры «использование ассоциативного потенциала имени собственного» [Гридина, 2008: 96]. Булгаков в «Мастере и Маргарите» прибегает к этому приему для того, чтобы передать внутреннюю пустоту обитателей дома Грибоедова (Павианов, Двубратский, Буздяк, Бескудников и т.д.). Герои романа Полякова — Меднострев, Костожогов (единственный положительный герой романа), Одуев, Неонилин, Ирискин, Чурменияев, Кипяткова, Горынин, Закусонский, Любин-Любченко, Шерстяной, Шлапоберская, Жгутович. В романе легко угадываются зашифрованные культурные реалии: Бейкеровская (Букеровская) премия, Перепискино (Переделкино), поэт Евгений Вспокоенко (Евтушенко), ведущий передачи «Варим-парим» рок-певец Комаревич («Смак» Макаревича), Авемария (певица Мадонна).

Особое место в романе занимают вечные темы назначения творчества и взаимоотношения Создателя и Творения. «Помимо одного смыслового уровня романа, когда постмодернистское мироощущение становится основой сюжета и объектом злой сатиры, мы находим еще один уровень, скрытый глубже, но не менее важный. Его формирует комическое, травестированное переосмысление мифа о Пигмалионе и Галатее. О творце и его создании. О трагических напряжениях, неизбежно возникающих между творцом и ожившим творением. Или, как скажет сам Поляков, о Галатее, наставившей рога Пигмалиону» [Голубков, 2016: 75]. Повествователь, зарабатывающий на жизнь очерками об истории шинного завода, пионерскими речевками и переводами стихов, решил доказать самому себе и всему миру, что он тоже на что-то способен! «Впервые в бездарной моей жизни я буду не бумагомарателем, сочиняющим полумертвых героев, а вседержителем, придумывающим живых людей!» [Поляков, 2011: 82]

Мастерское использование художественных приемов делает текст насыщенным, эпиграмматически сжатым.

Ироничный пафос прозы Полякова проникнут любовью к человеку и жизни во всех ее формах. Она напоминает людям о главных человеческих ценностях, об осознании своей необходимости стране и делу, о единстве со своим народом. В этом убеждает и оптимистичный финал романа: «Женщина, которую любишь, и книга, которую пишешь, — что может быть главней?» [Поляков, 2011: 432]

Список литературы

1. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 2014.
2. *Гашкова В.А.* Роман новейшего времени как «не жанр» или романная «не форма» новейшего времени // *Universum: Филология и искусствоведение*. 2016. № 12 (34). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/4070>
3. *Голубков М.М.* Сатира Юрия Полякова // *Север*. 2016. № 1–2. С. 71–79.
4. *Гридина Т.А.* Языковая игра в художественном тексте. Екатеринбург, 2008.
5. *Основина Г.А.* О взаимодействии заглавия и текста // *Русский язык в школе*. № 4. М., 2000. С. 62–66.
6. *Поляков Ю.М.* Гипсовый трубач, или Конец фильма. М., 2010.
7. *Поляков Ю.М.* Государственная недостаточность. М., 2014.
8. *Поляков Ю.М.* Козленок в молоке. М., 2011.

Narmina Ibadova

‘A GOATLING IN THE MILK’ AS A PARODY OF POSTMODERN DISCOURSE

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article discusses how to best analyze Yuri Polyakov’s novel-epigram ‘A goatling in the milk’. The transformation of genre forms is typical for modern Russian literature. Polyakov, a master of grotesque realism, masterly uses an arsenal of satiric techniques in order to accurately describe the situation in the literary world and in the country as a whole in Soviet and post-Soviet times. The plot of the novel is absurd, and the literary elite is the main object of his satire. Polyakov incorporated small genres into the narrative: jokes, ridicule, anecdotes, and aphorisms. The novel abounds with curious situations that transfer the reader to the by-gones. Polyakov’s style is determined by a wide use of hyperboles, aphorisms, caricatures, parodies, precedent phenomena, and occasionalisms; the heroes generally appear as direct speech rather than being narratised. In his novel Polyakov is arguing with postmodernism, which, in his opinion, affirms relativism and denies the axiological function of art. Meanwhile, Polyakov uses innovative postmodernists’ techniques for a grotesque depiction of modern Russian reality. He touches upon an array of themes, including the role of talent in creating a literary reputation, the purpose of creativity, the writer’s attitude to his / her creation, and the myth of Pygmalion and Galatea.

Key words: genre; novel-epigram; grotesque realism; author’s death; parody; postmodernism; postmodern discourse; satire; the clerisy; precedent-setting phenomenon.

About the author: *Narmina Ibadova* — PhD Student, Department of the History of Current Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: narmina.msu@mail.ru).

References

1. Bakhtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura srednevekov'ia i Rennessansa* [Creativity of François Rabelais and folk culture of the middle ages and Renaissance] M., Eksmo, 2015, 637 p.
2. Gashkova V.A. *Roman noveishego vremeni kak «ne zhanr» ili romannaia «ne forma» noveishego vremeni*. [Novel of modern times as “not a genre” or novel “not a form” of modern times] *Universum: Filologiya i iskusstvovedenie: elektron. nauchn. zhurn.* 2016. № 12 (34). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/4070>
3. Golubkov M.M. *Satira Iurii Poliakova* [Satire of Yuri Polyakov]. *Sever*, № 1–2, 2016, pp. 71–79.
4. Gridina T.A. *Iazykovaia igra v khudozhestvennom tekste* [Language game in the literary text]. Ekaterinburg, *Ural State Pedagogical University*, 2008, 165 p.
5. Osnovina G.A. *O vzaimodeistvii zaglaviia i teksta* [On the interaction of title and text]. “*Russian language at school*”, № 4. M., 2000, pp. 62–66.
6. Poliakov Iu.M. *Gipsovyi trubach, ili Konets fil'ma* [Plaster trumpeter, or the End of the film] M, *AST*, 2010, 448 p.
7. Poliakov Iu.M. *Gosudarstvennaia nedostatochnost'* [State failure]. M., *AST*, 2014, 608 p.
8. Poliakov Iu.M. *Kozlenok v moloke* [A goatling in the milk]. M., *AST*, 2011, 444 p.

Е.К. Соколинский

**РУССКАЯ КНИГА БЕЗ ГРАНИЦ
(о проекте «Международный сводный каталог
русской книги, 1918–1926»)**

Федеральное государственное бюджетное учреждение

«Российская национальная библиотека»

191069, Санкт-Петербург, Садовая ул., 18

Статья посвящена созданию национального библиографического ресурса, отражающего историю первого послереволюционного десятилетия в России. «Международный сводный каталог русской книги, 1918–1926» — база данных и одновременно печатный каталог. Работа над ними выполняется в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург) при участии 105 крупнейших отечественных и некоторых зарубежных библиотек (при этом отражает фонды более чем 1200 библиотек, музеев, архивов, сведения, постоянно обновляющиеся, из многочисленных библиографических источников). Автор показывает, как в библиографической практике реализуется концепция «русской культуры без границ». Составителями выявлены русскоязычные книги, изданные или хранящиеся в фондах библиотек Европы, Азии, США, Африки, Новой Зеландии; собраны также книги, изданные и хранящиеся в учреждениях Российской Федерации. Определены терминология, методика проекта, принципы отбора материала. Главные цели исследования: репертуарная, каталогизационная и библиографическо-поисковая. Автор статьи раскрывает, в чем каталог дополняет или уточняет традиционные библиографические источники (в том числе энциклопедии). Именной указатель к репертуару образует список: краткий справочник «Лица эпохи», более обширный, чем любая энциклопедия. Демонстрируется, что конкретно может почерпнуть из библиографического ресурса историк, филолог, книговед и краевед. Предполагается и обратная связь составителей с исследователями в различных областях знания.

Ключевые слова: русская книга; национальная библиография; русская эмиграция; справочные пособия; сводные каталоги; поисковые системы.

Путь к этому проекту оказался неблизким. Вначале были безуспешные попытки (с середины 1940-х, позже 1960-х годов) на государственном уровне решить задачу подготовки отечественного книжного репертуара. Предполагалось в кратчайшие сроки, силами

Соколинский Евгений Кириллович — доктор педагогических наук, заведующий сектором сводных каталогов Российской национальной библиотеки (e-mail: sokolinskii_evge@mail.ru).

нескольких крупнейших библиотек СССР, произвести учет русской книги, начиная с XVIII в. и заканчивая 1947, 1957 гг. Проекты оказались неосуществимы. В дальнейшем российская библиографическая наука стала решать более реальные задачи. История русской книжности разделилась на отдельные хронологические отрезки. Вслед за Сводным каталогом русской книги гражданской печати XVIII в. (пять томов с дополнениями вышли к 1975 г.) шесть главных библиотек страны начали готовить Сводный каталог русской книги, 1801–1825 (М., 2000–2019. Т. 1–4). Этот каталог еще не завершен. Сложнее дело обстоит с каталогом книг остального XIX в. — мечтой всех российских библиографов. Каталог за период 1826–1917 гг. был представлен общественности в электронной форме (ок. 600 тыс. записей). Презентация состоялась в 2004 г., финансово его осуществила по материалам главных библиотек России частная фирма «Электронный архив». В силу своей незавершенности (и может ли он быть завершен?), технической нестабильности сайта и платности сводный каталог так и не стал рабочим инструментом для специалистов и тем более широкой аудитории читателей.

Однако пришла пора обратиться библиографам к книге после-революционного периода. В конце XX в. Российская национальная библиотека приступила к новому проекту: «Международный сводный каталог русской книги, 1918–1926» (далее — МСК). Хронологические его рамки определяются следующим образом: нижняя — границей предшествующего каталога, верхняя — началом централизованной каталогизации в СССР. 1918–1926 гг. — период разрухи, раздробленности в стране, перемещения Книжной палаты из Петрограда в Москву. Ни каталоги центральных библиотек, ни «Книжная летопись» не отражают русский книжный репертуар этой эпохи. Нужны были нестандартные решения, чтобы достигнуть максимально возможной полноты состава. Если все предшествующие сводные каталоги-репертуары готовились в основном силами пяти–семи библиотек Москвы и Санкт-Петербурга, то здесь узкий круг участников оказался неприемлем. Нужен был общероссийский и международный охват.

Первоначально у администрации библиотеки вызывал возражения именно статус каталога как международного. Обычно он подразумевает сложную межнациональную организационную структуру, гранты и т.д. В данном случае речь шла о другом. Сектор сводных каталогов РНБ постарался самостоятельно разными способами собрать все сведения о книгоиздании первого послереволюционного периода и выяснить, в каких фондах находятся русскоязычные книги. Проект амбициозный, рискованный, но осуществимый.

Прежде всего перед составителями встал вопрос об эмигрантской литературе. Разумеется, эмигрантикой и до этого занимались библиотеки и отдельные исследователи, однако они ограничивались конкретными регионами или книгохранилищами. В данном случае нужно было охватить по крайней мере европейские страны и США. Не случайно эмигрантскую литературу называют «литературой русского рассеяния»: известны несколько десятков зарубежных городов, где издавались русские книги в 1918–1926 гг.; 77 географических названий принадлежит дальнему зарубежью и 85 — ближнему. Кроме того, наше пособие—БД показывает **распространенность** русской книги по книгохранилищам всего мира. География местонахождения русских изданий оказывается гораздо шире, чем география русского книгоиздательства. Благодаря появлению новых электронных каталогов, ресурсам Интернета мы узнали о русскоязычных книгах в библиотеках Испании, Китая, Турции, Бразилии, Греции, Новой Зеландии, Южной Африки. Круг источников расширялся постепенно. В этом тоже была своя методическая новизна и спорность. Обычно очень долгим оказывается подготовительный период. В течение нескольких лет накапливается материал, ведется организационная работа, а потом уже представляется результат в той или иной форме. Мы полагали, что начальную информацию пользователи должны получить как можно скорее. Первый том (2002) представлял сведения по 211 библиографирующим организациям (библиотекам, вузам, музеям, архивам) из 36 стран. К восьмому тому (2019) это число увеличилось до 1229 библиографирующих организаций из 41 страны.

Что же собирают библиографы РНБ? Составители каталога, как и составители предшествующих сводных каталогов, придерживаются такой точки зрения: русская книга — это книга на русском языке, где бы она ни издавалась.

Возникает также вопрос, что подразумевается под словом «книга». В МСК сохраняются общие принципы национальных сводных каталогов: универсальность содержания, отбор только по видам издания, т.е. книги отделены от картографических, нотных, изоизданий (кроме альбомов). Из сериальных — учитываются продолжающиеся издания. Листовые материалы (до пяти страниц) включены частично. Специфика настоящего каталога — объединение государственного книгопечатания, эмигрантской и белогвардейской литературы, т.е. речь идет о русской культуре «без границ».

Как решить столь масштабные задачи? У нас не было ни средств, ни организационных механизмов, чтобы предложить всем библиотекарям России и мира работать по нашей программе, по нашим правилам описания. Весь процесс ведется на бесплатной основе, на принципах профессиональной солидарности, поэтому методика

подготовки свода достаточно гибкая. Мы не требуем от наших составителей жесткой унификации присылаемых материалов, ее проводят уже составители РНБ (их в разные годы было шесть—восемь человек). Заметим также, что они параллельно работают над другими национальными библиографическими проектами, охватывающими 218 лет отечественного книгопечатания (правда, имеется в виду только гражданская печать).

Несколько слов о реальной форме Международного сводного каталога. Современные национальные сводные каталоги, как правило, готовятся параллельно в двух видах: в электронном и печатном. Электронный вариант МСК доведен до буквы «Я», но он в настоящее время отражает наиболее полно фонды РНБ и РГБ, т.е. основной массив данных уже в распоряжении читателя. Остальные библиотеки-участницы постепенно «подтягиваются». Составители полагали: надо дать пользователю, насколько возможно оперативно, главные сведения о литературе интереснейшего периода российской культуры. Фонды двух национальных библиотек страны в этом смысле представительны. Другое дело, что для репертуара этого недостаточно.

На декабрь 2019 г. БД «Международного сводного каталога» составила свыше 145 тыс. записей. Напомню: в печатном Сводном каталоге XVIII в. около 9 тыс. записей, в Сводном каталоге 1-й четверти XIX в. — около 12 тыс. Электронный каталог МСК почти ежедневно пополняется новыми записями и сведениями о местонахождении в библиотеках (сиглами-аббревиатурами учреждений), биографическими сведениями об авторах (раскрытие псевдонимов, имен, отчеств, дат жизни).

Тома печатного каталога (в алфавитном порядке) выпускаются гораздо медленнее. С 2002 по 2019 г. вышло восемь томов. Они охватывают записи с авторами и заглавиями на буквы А—И. Естественно, каждый том, соответствующий букве (буквам), имеет разный объем. Во всех томах есть предисловие, рассказывающее об изменениях в проекте, — своего рода хроника работы. Кроме того, каждый том снабжен списками составителей, которые могут меняться, списком новых подключившихся библиотек (или всех библиотек в первом, восьмом томе), списком использованной литературы (новых справочников), географическим указателем. Именной указатель на предшествующие тома помещен в третьем и седьмом томах. Такая мера уместна для ускорения процесса подготовки печатных томов и сокращения их объема.

Недостаток печатной формы в том, что каждый том содержит дополнения к предыдущим книгам, т.е. алфавитный ряд дробится. При этом печатный каталог дает возможность видеть контекст книги,

большой массив записей. Некоторым специалистам это необходимо. Однако применительно к некоторым буквам массив записей слишком велик. Скажем, записи на букву «К» вряд ли уместятся и в два тома (14 тыс. записей). При чтении записей подряд, воспринимая их как сплошной текст, можно найти много любопытного.

Главная цель нашего проекта — репертуарная, поэтому мы используем любые источники. Нереально сотрудничать непосредственно с 1200 учреждениями мира, поэтому мы используем разные варианты. В одних случаях это прямой контакт, в других — использование готовых электронных или печатных каталогов, сводных каталогов. Наконец, мы прорабатываем постоянно растущее число справочников и печатных каталогов. Вся эта система подвижна: кто-то из составителей отпадает, кто-то прибавляется. Ситуация в каждой библиотеке и в целом информационном пространстве ежегодно, ежедневно меняется.

Помимо репертуарной, проект решает каталогизационные и библиографические задачи. Описания книг МСК одновременно входят в главный электронный каталог РНБ, хотя существует и отдельный электронный каталог (в разделе сайта РНБ «Электронные каталоги»). Точнее, это поисковая система по коллекции — сводному каталогу. Система позволяет осуществлять поиск по автору (персоналии), заглавию, году издания, но не по предмету: эта ретроспективная часть каталога не прошла систематизацию, предметизацию.

Библиографическая ценность МСК в том, что он кумулирует сведения о множестве авторов, персоналий эпохи, которые не входят в известные энциклопедии, справочники, дополняет сведения алфавитного каталога РНБ. Библиография послереволюционного периода книгоиздания отражает значительное количество жертв политических репрессий. К этому прибавляются еще и военные потери. Даже энциклопедии, википедийные статьи зачастую приводят неточные даты смерти (расстрела), поэтому мы стараемся использовать источники, опирающиеся на архивные материалы. Например, на малоизвестную «Энциклопедию репрессированных авторов, 1917–1987» А.А. Матышева (пока вышло шесть томов), «Ленинградский мартиролог» А.Я. Разумова. Благодаря этим источникам мы уточняем библиографические данные Краткой литературной энциклопедии, справочника «Русские поэты XX века: Материалы для библиографии» (М., 2007) и др. Не всегда составитель справочника «Русские поэты» Л.М. Турчинский видел книгу, которую описал по библиографическим источникам.

Подготовка именного указателя МСК с обращением к оригиналам изданий позволяла также выявлять опечатки на титульном листе книги. Это прежде всего относится к сборникам с большим числом

авторов, где встречаются ошибки в инициалах. Книги 1920-х годов, особенно общественно-политические, неудобны для выявления сведений об авторах, выступающих с докладами, так как принято было имя-отчество заменять безличным словом «товарищ». В конечном итоге авторский ряд с именным указателем как бы образуют список-справочник «Лица эпохи», гораздо более обширный, чем любая современная энциклопедия. Понятно, что это лица, так или иначе отраженные в печатных изданиях.

В обнаружении утраченных, неизвестных книг, сведений об авторах, редакторах, художниках участвуют не только составители из других (кроме РНБ) отечественных и зарубежных библиотек, но и читатели, ученые, так что происходит взаимное обогащение информацией пользователей и библиографов. К сожалению, мега-базы, объединяющие данные по тысячам и сотням тысяч библиотек мира (OCLC, Карлсруэ), не несут ответственности за точность записи, особенно относящейся к ретроспекции, и за точность ответа на запрос. В миллионных записях путаются первоначальные издания и современные их перепечатки, славянские языки (русский, украинский, белорусский) и т.д. Все это надо перепроверять с помощью переписки, обращения к фондам конкретных зарубежных библиотек.

Труднее всего работать с эмигрантской книгой Азиатского региона. Правда, число справочников и литературы по теме постоянно растет. Однако полноценных сводных каталогов или баз данных по русской книге в Китае или Японии не существует. Японская БД CiNii Books (Национального института информатики Японии) охватывает только университетские библиотеки. Китайской БД, насколько нам известно, и вовсе не создано. Приходится ограничиваться фрагментарными справочниками.

Разумеется, в каждой стране своя ситуация с русскими эмигрантскими книгами, и степень их отражения в источниках различна. Книги, изданные в Германии, хорошо представлены в немецких каталогах, объединенных в мега-базе Карлсруэ, но много книг было уничтожено при фашизме. Правда, часть из них сохранилась в других странах. В национальной библиотеке Франции записи на русскоязычные книги этого периода, как правило, не внесены в электронный каталог. Сводные каталоги библиотек Франции и Италии пока отражают только часть национальных фондов, хотя объем их постоянно расширяется. В Венгрии и Румынии удалось выявить только единичные экземпляры русских книг, изданных там. В большинстве стран задача поиска и описания русских книг не ставилась. Исключение Чехия и Финляндия, исторически связанные с Россией. В то же время ценнейшая коллекция Русского заграничного исторического архива в значительной степени была вывезена

из Славянской библиотеки в Праге, но справочник по РЗИА, изданный ГАРФ [Фонды Русского заграничного архива, 1999], не дает возможности установить, имеются ли в архивных комплексах РЗИА печатные издания.

Надо различать реальное зарубежное книгоиздательство 1918–1926 гг. и его представленность в Интернете и печатных каталогах. Книги из американских книгохранилищ отражены в электронных каталогах наиболее полно, хотя менее доступны для российского пользователя.

Мы начали разговор о книге 1918–1926 гг. с эмигрантской литературы, хотя выявить литературу этого периода в российских региональных книгохранилищах не менее, а зачастую и более сложно. Как правило, она не выделена в особую коллекцию и, соответственно, в особый каталог. В региональных библиотеках старые книги нередко списывались. Многие редкие издания, отсутствующие в центральных библиотеках, находятся в областных архивах и областных краеведческих музеях, где они не полностью описаны. В известном смысле книги не профильны для этих учреждений.

Сводные каталоги-репертуары местной печати существуют только в небольшом количестве регионов (Сибирь и Дальний Восток, Самара, Сызрань, Вологда). Больше внимания уделяется в региональных библиотеках старопечатной книге до 1830-х годов в связи с участием в проекте «Книжные памятники РФ». Репертуары русских книг в республиках РФ и бывших республиках СССР также не созданы, хотя работа ведется, например, в Якутии, Грузии, Эстонии. Для республик приоритетны репертуары на национальных языках. Для якутской книги этого периода характерна печать с латинской графикой. Национальная библиотека Грузии выпустила пока только т. 1, отражающий книжные издания на русском языке за 1737–1917 гг. (Тбилиси, 2008).

Если посмотреть подряд библиографические записи последнего, восьмого тома МСК, мы увидим, что часть книг, отсутствующих в центральных библиотеках, выявлена по «Сводному каталогу сибирской и дальневосточной книги, 1918–1930 гг.» (Новосибирск, 2014), указателю «Спецфонд Книжкової палати України (1917–1921 pp.)» (Київ, 2003), фондам Архангельской, Вологодской, Кировской, Омской, Самарской, Томской областных библиотек, Владимиро-Суздальского историко-архитектурного музея-заповедника, библиотеке Красноярского края, Зональной научной библиотеке Саратовского государственного университета, Пермского и Тульского краеведческих музеев, Национального музея республики Карелия, Башкирской книжной палаты, Государственного архива РФ и Российского государственного архива литературы и искусства,

Национальной библиотеке Беларуси, Национальной библиотеке Украины им. В.И. Вернадского, Архивной библиотеке Эстонского литературного музея Тарту, Национальной библиотеке Германии (Лейпциг), библиотеке Гавайского университета, Славянской библиотеке в Праге, Библиотеке Свято-Троицкой православной семинарии в Джорданвилле. Есть также книги, обнаруженные благодаря библиографическому указателю к диссертации А.А. Димяненко по детской литературе, указателю «Книга Советского Туркменистана» и т.д. Очевидно, по географическому и учрежденческому охвату Международный сводный каталог не имеет аналогов в российской библиографической практике. Разумеется, OCLC включает во много раз большее число стран и библиотек, но это «рассеянная» информация, содержащая множество неунифицированных дублетов. Задачи библиографические перед американской мега-базой не стояли.

Достичь исчерпывающего репертуара по русской книге во всем мире практически невозможно, но с каждым годом процент отражения русской книжной печати повышается. Постоянное наращивание обследуемых библиотек и источников имеет отрицательные стороны (дробность структуры печатного каталога, необходимость возвращения пользователей к материалам на уже просмотренные буквы, замедление сроков выполнения работы), но другого пути нет. И другого пособия по русским книгам этого периода (мирового охвата), кроме МСК, тоже нет. Понимая это, заинтересованные читатели и специалисты присылают нам дополнительные сведения и уточнения. В свою очередь, такие уточнения иногда оказываются причиной новых разысканий.

Например, у читателя вызвала интерес книга С.А. Мальсагова «Адский остров» (Лондон, 1926). Возникло сомнение, существует ли русскоязычный вариант книги, изданной на английском и финском языках. Это первое исследование о лагере Соловецких островов. В БД МСК книга объективирована по двум книгохранилищам: Национальной библиотеки Республики Ингушетии и библиотеки Лондонского университетского колледжа. В первом случае мы включили сиглу по Сводному краеведческому каталогу Республики Ингушетии. Однако обращение к электронному каталогу НБ Республики Ингушетии помогло установить, что это книга на английском языке. В ресурсах Интернета сведения о существовании издания на русском языке противоречивы. Читатель послал письмо в Лондон и получил ответ: книга отнесена к русскоязычным ошибочно. В лондонском каталоге сделали исправление — из БД МСК запись была удалена.

Работа над репертуаром масштабна, но кропотлива. Порой выяснения по поводу одного издания занимают месяц. Например, из WorldCat (Всемирного каталога) стало известно, что в Вильно (Виль-

нюсе) была опубликована в 1925 г. знаменитая пьеса Н.Н. Евреинова «Самое главное». В Национальной библиотеке Литвы она не обнаружилась. Написали письмо в библиотеку Вильнюсского университета, но и в ней коллеги не смогли нам помочь. В национальной библиографии Литвы такой книги тоже не оказалось. Только обращение к «Библиографии польской» помогло установить: речь идет о переводе на еврейский Н. Дашевского с дополнительным титульным листом на русском языке [Bibliografia polska, 2016]. Книга есть в Библиотеке Ягеллонской (Краков). Аналогичных примеров многоступенчатого поиска можно набрать множество.

Однако пользователя (филолога, историка или книговеда) главным образом интересует, что он сможет почерпнуть для своей работы из «Международного сводного каталога русской книги, 1918–1926». Если говорить о пользе МСК, то специалист получит часть библиографии интересующего его лица (писателя, ученого, общественного деятеля XIX и XX вв.). Каталог проверялся по всем последним биографическим справочникам (в том числе «Русские писатели. Поэты», персональные иностранные биобиблиографические указатели по А.А. Богданову, Н.И. Бухарину, И.А. Бунину и т.д.). Перед составителями стояла задача выявить, насколько возможно, имена-отчества и даты жизни всех авторов, а также упоминаемых в записи лиц, поэтому каталог и прежде всего именные указатели в третьем и седьмом томах могут быть полезны при составлении комментариев к статьям и монографиям. Краевед по географическому указателю найдет литературу, изданную в определенном регионе. Каталог дает обширный материал для составления репертуаров местной печати, республиканских каталогов и сводных каталогов. МСК предоставляет возможность для различных статистических, социальных исследований: по тематике изданий, книгоиздательским приоритетам, наиболее популярным русскоязычным авторам в мире, истории книгоиздательств и т.д.

В свою очередь, диссертации, монографии, статьи, доклады, относящиеся к периоду первого послереволюционного десятилетия, дают дополнительную информацию для обогащения МСК. Мы просим специалистов присылать полезные сведения по авторам, изданиям, особенностям полиграфического исполнения на электронные адреса РНБ: svod@nlr.ru, sokolinskii_evge@mail.ru. Общими усилиями информация в каталоге будет максимально расширена.

Список литературы

1. Фонды Русского заграничного архива в Праге. М., 1999.
2. Bibliografia polska, 1901–1939. Warszawa, 2016.

Evgenii Sokolinskii

RUSSIAN BOOKS WITHOUT BORDERS

*National Library of Russia,
191069 Sadovaja, 18*

The article studies the creation of a national bibliographic resource by the Russian National Library (St. Petersburg) that reflects the history of the first post-revolutionary nine years in Russia. 'The international Union catalogue of Russian books, 1918–1926' is a database and a printed catalog. This work involves collections of over 1,200 libraries, museums, and archives. The article seeks to show how the concept of "Russian culture without borders" is implemented in bibliographic practice. The article defines the terminology, project methodology, and principles of material selection. The research foci are repertory, cataloguing, and bibliographic search. The author of the article reveals how the catalog supplements or clarifies traditional bibliographic sources (including encyclopedias). The nominal index to the repertoire forms a list of a short reference book 'People of the era', which is in fact more extensive than an encyclopedia. The article shows what a historian, philologist, bibliologist, and local historian can learn from a bibliographic resource.

Key words: Russian book; national bibliography; Russian emigration; reference books; union catalogues; search systems.

About the author: *Evgenii Sokolinskii* — Prof. Dr., Russian National Library (e-mail: sokolinskii_evge@mail.ru).

References

1. *Fondy Russkogo zagranichnogo arkhiva v Prage* [Funds of the Russian Foreign Archive in Prague.]. Moscow: *Russian Federation State Archive Publ.*, 1999.
2. *Bibliografia polska, 1901–1939*. Warszawa, 2016.

РЕЦЕНЗИИ

В.Г. Кульпина

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
АВТОРСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ:
СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ /**

Под общ. ред. Л.Л. Шестаковой. М.: Аквилон, 2018. 320 с.

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Рецензия посвящена сборнику научных трудов по проблемам авторской лексикографии. Основой книги стали материалы Международной конференции (8 декабря 2017 г.), организованной Институтом русского языка им. В.В. Виноградова РАН. В ней обсуждаются теоретические и методологические проблемы, описываются текущие проекты, обобщаются новые тренды и новые объекты авторской лексикографии.

Ключевые слова: авторская лексикография; терминография; стилистика; русский язык.

Сборник подготовлен Институтом русского языка им. В.В. Виноградова РАН под редакцией Л.Л. Шестаковой и содержит материалы Международной научной конференции «Современные проблемы авторской лексикографии» (8 декабря 2017 г.), освещающие традиционные направления лексикографирования языка известных писателей и менее «проторенные» аспекты авторская терминологии и терминографии, синтаксиса поэтического текста.

Первый раздел «Дискуссионные проблемы авторской лексикографии» посвящен языку писателей и открывается статьей А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского «Фразеология Достоевского: параметры лексикографического описания». К языку Достоевского обращена и статья И.В. Ружицкого «О “нелингвистичности” понятия “идиоглосса”». Раздел содержит также статьи «“Словарь языка А.Н. Островского”: проблемы и решения» А.А. Хуснутдинова и «Словарь языка Н.С. Лескова: послание в XXI век» В.С. Елистратова. Сопоставительные аспекты рассмотрены в статье В.К. Щербина «Категория ментальности как объект изучения сравнительной авторской лексикографии».

Кульпина Валентина Григорьевна — доцент кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vgrkulpina@mail.ru).

Проблемы терминографии затрагиваются в статье Н.В. Козловской «Философский термин как объект авторской лексикографии (на материале произведений Н.Ф. Федорова)». Проблемы терминологии обсуждаются также на материале трудов М.В. Ломоносова в статьях «Проблемы терминологии формирования словника в словаре “Риторика М.В. Ломоносова”» Е.М. Матвеева и «Полисемия русской и латинской лексики и ее представление в “Словаре языка М.В. Ломоносова”» А.С. Смирновой.

На языке поэзии лексикографы сосредоточились в статьях «Словарь традиционных поэтических образов: XI—XV вв.: принципы организации и возможности использования» Н.А. Афанасьева и «Окказиональные омонимы в неолексиконе Е. Евтушенко» В.В. Никульцевой. Синтаксис русской поэзии на протяжении веков проанализирован в статье Н.В. Патроевой «Синтаксический словарь русской поэзии от Кантемира до Лермонтова: теоретико-методологические проблемы создания и некоторые итоги». Метаязыку лексикографии посвящена статья О.А. Давыдовой «Ссылка — важный компонент структуры авторского словаря».

Во втором разделе сборника «Новые авторские словари и словарные проекты» внимание уделяется словарям энциклопедического типа, переводной и учебной авторской лексикографии. Творчеству Л.Н. Толстого посвящены статья Ю.В. Архангельской «Отражение креативности языковой и речевой личности Л.Н. Толстого в словаре нового типа» (с презентацией ее новой книги) и статья Д.А. Романова «Вопросы подготовки современного учебного словаря к художественному тексту XIX века (на материале романа Л.Н. Толстого “Война и мир”)».

Г.И. Шипулина в статье «К вопросу о концепции “Словаря языка Лермонтова: “Герой нашего времени”»» рассказывает о работе в области авторской лексикографии, ведущейся в Бакинском славянском университете.

Статья Л.Г. Самотик «Об энциклопедическом словаре-справочнике “Все произведения В.П. Астафьева (1951–1969)”» посвящена проекту создания словаря сибирского писателя.

Языку поэзии посвящены статьи: «О проекте “Словаря поэтического языка В.А. Жуковского”» Н.Л. Васильева и Д.Н. Жаткина, Бугаева К.Н. «“Словарь языка Андрея Белого”: архивные материалы» Н.Т. Тарумовой и Е.В. Наседкиной (о деятельности вдовы Андрея Белого по сохранению его наследия) и «К вопросу о словаре неологизмов Георгия Иванова» И.А. Тарасовой.

Переводная лексикография представлена в статье М.Л. Алексеевой «Новые словарные проекты авторских словарей: диахронические переводные словари языка писателей» о русско-немецких словарях-справочниках энциклопедического типа и статье О.М. Карповой «Энциклопедические словари Шекспира нового поколения».

В статье «Перевод “Лифляндской экономии” М.В. Ломоносова как объект лексикографического описания» А.К. Филиппов рассказывает о создании терминологического словаря на основе перевода М.В. Ломо-

носовым с немецкого языка труда С. Губерта «Stratagema oeconomicum» ('Экономическая стратагема'). Терминотворчеству М.В. Ломоносова посвящена также статья С.С. Волкова и Н.В. Каревой «Источники словаря "Грамматика М.В. Ломоносова"».

В статье М.А. Бобуновой «Региональная авторская лексикография: первый опыт и перспективы» описывается проект «Курское слово» по изучению региональных литературно-художественных явлений.

И.А. Самойлова в статье «Словарь новообразований И.М. Дзюбы на фоне развития украинской авторской лексикографии» описала проект словаря словоупотреблений ученого, предварив его обзором украинской авторской лексикографии.

В третьем разделе «По материалам авторских словарей» проблематика трансформации уже вышедших известных словарей в формат информационно-поисковых систем представлена в статье О.Е. Ивановой «"Словарь языка поэзии" и его реализация в виде поисковой системы» и статье З.Ю. Петровой, Н.А. Ребецкой, Н.А. Фатеевой «Проект создания информационно-поисковой системы на базе "Словаря метафор и сравнений русской литературы XIX–XXI вв."»

К «Словарю языка русской поэзии XX века» авторы обращаются многократно, например, в статье Л.Л. Шестаковой и А.С. Кулевой «Из опыта работы над седьмым томом "Словаря языка русской поэзии XX века"» и статье А.В. Гик «Любовь и дружба. Чувства человека начала XX века (по материалам "Словаря языка русской поэзии XX века")». Языку поэзии посвящены также статьи «Паронимические "формулы" в словарях поэтического языка и идиолектах поэтов XX–XXI вв.» О.И. Северской и «Из опыта создания и использования "Словаря корневых повторов в художественной речи М.И. Цветаевой"» А.М. Надежкина.

Идиоглоссе *общечеловек* в ее извлечениях из произведений Ф.М. Достоевского посвящена статья М.М. Коробовой «Слово, которого нет в словаре (материалы по истории слова "общечеловек")».

Использованию произведений авторской лексикографии в преподавании русского языка посвящена статья Е.В. Макеевой «Словари языка писателей в практике преподавания русского языка и русской литературы иностранным учащимся: из опыта работы».

В сборнике представлена разнообразнейшая и интереснейшая проблематика направления *авторская лексикография*: новые подходы к традиционным объектам изучения, новые литературные имена, отечественный и зарубежный опыт в области методологии авторской лексикографии, фразеологии и терминологии.

Важным направлением, представленным в сборнике, является совершенствование уже вышедших словарей, в том числе их переформатирование в информационно-поисковые системы. Сборник обязательно найдет своего читателя в виде специалистов и широкого читательского круга.

Valentina Kulpina

**CURRENT PROBLEMS OF AUTHOR LEXICOGRAPHY:
A COLLECTION OF RESEARCH ARTICLES.**

L.L. Shestakova (ed.). Moscow: Aquilo-Press, 2018. 320 p.

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

The paper reviews a collection of research articles on contemporary author lexicography. The collection is based on the materials of the international conference organized at the Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences on December 8th, 2017. The articles discuss theoretical and methodological problems, current projects, new trends in author lexicography studies.

Key words: author lexicography; terminography; stylistics; Russian language.

About the author: *Valentina Kulpina* — Prof. Dr., Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vgrkulpina@mail.ru).

М.В. Яковлев

**МАЛЫГИНА Н.М. АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ
И ЛИТЕРАТУРНАЯ МОСКВА: А.К. ВОРОНСКИЙ,
А.М. ГОРЬКИЙ, Б.А. ПИЛЬНЯК, Б.Л. ПАСТЕРНАК,
АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ, С.Ф. БУДАНЦЕВ, В.С. ГРОССМАН.
М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 592 с.; илл.**

*Государственный гуманитарно-технологический университет
142605, Московская область, г. Орехово-Зуево, ул. Зеленая, д. 22*

Анализируются структура и содержание новой монографии Н.М. Малыгиной об Андрее Платонове. Дается обзор композиции книги, научной методологии и историко-литературной проблематики, исследуемой ученым на обширном материале. Осмысляются литературные связи Платонова с А.К. Воронским, А.М. Горьким, Б.А. Пильняком, Б.Л. Пастернаком, Артемом Веселым, С.Ф. Буданцевым, В.С. Гроссманом и другими современниками. Устанавливается, что в книге Н.М. Малыгиной факты противоречивой реальности литературной Москвы 1920–1940-х годов герменевтически накладываются на знаковые тексты Платонова, благодаря чему хрестоматийно известные произведения прочитываются по-новому. На основе архивных источников в литературоведческую науку вводятся новые сведения, позволяющие исследователю существенно расширить представления о творческой судьбе писателя.

Ключевые слова: Андрей Платонов; Н.М. Малыгина; историко-литературный контекст; архивные источники; московский текст.

В декабре 2018 г. состоялось важное событие в научном филологическом сообществе. Вышла в свет новая книга об Андрее Платонове Нины Михайловны Малыгиной, одного из ведущих современных специалистов по творчеству А. Платонова и послереволюционному историко-литературному процессу в России.

Тема литературной Москвы разрабатывается Н.М. Малыгиной многие годы. Под руководством ученого более десяти лет проходил межвузовский научный семинар «Москва и “московский текст” в русской литературе»; его материалы публиковались в сборниках. В рамках этого семинара Нина Михайловна сообщала о важных научных открытиях, связанных с участием Платонова в жизни литературной Москвы. И вот исследования ученого обрели форму фундаментальной монографии, многие страницы которой могут быть положены в основу будущей платоновской энциклопедии.

Яковлев Михаил Владимирович — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Государственного гуманитарно-технологического университета (e-mail: 79104310619@yandex.ru).

При подготовке книги использованы документы ГАРФ, РГАЛИ, РГАЭ, Архива А.М. Горького при ИМЛИ РАН, ОР ИРЛИ, ОР ГИМ, РГАСПИ, из семейного архива В.С. Гроссмана и др. Издание сопровождается цветными иллюстрациями художника Л.Г. Саксонова к «Котловану», редкими фотографиями, предоставленными внуком Платонова А.М. Мартыненко, музеем А.М. Горького (Москва), внучкой А.К. Воронского.

Книга значительна не только уникальными архивными материалами, делающими ее летописью истории русской литературы советского периода, своеобразным историко-литературным паломничеством по пространству «московского текста» Платонова. Во всех своих научных сочинениях Н.М. Малыгина остается ярким и самобытным мыслителем, выстраивающим глубокую историко-литературную концепцию герменевтического типа. Контекст литературной Москвы 1920–1940-х годов, подобно магическому кристаллу, накладывается на хорошо изученные тексты Платонова, и благодаря этому хрестоматийно известные произведения прочитываются по-новому.

В разделе «От автора» Н.М. Малыгина говорит о «времени Андрея Платонова» не только в биографическом понимании, но и в более широком смысле — как насыщенном эпохальными событиями периоде русского литературоведения. Ученый называет веку, незаметную для массового, но важную для внимательного читателя: «В 2018 г. исполняется 60 лет со времени издания первой посмертной книги прозы Андрея Платонова. Ее издание означало, что Платонов перестал быть запрещенным писателем» (с. 3), поэтому «время» Платонова — не только история, но и живая читательская и научная современность.

Книга имеет строгую академическую структуру. Монография состоит из введения, пяти объемных историко-литературных глав, послесловия, библиографического указателя используемых в книге сокращений и именного указателя. Разделы организованы вокруг ключевых представителей литературной Москвы 1920–1940-х годов, их влияния на творчество и судьбу А. Платонова: А.К. Воронский, А.М. Горький, Б.А. Пильняк, Б.Л. Пастернак, Артем Веселый, С.Ф. Буданцев, В.С. Гроссман.

Во введении к исследованию формулируется базовое представление о том, почему Платонов занимает особое место в среде «профессиональных литераторов» послереволюционной Москвы: «Платонов не был репрессирован, но для него была избрана казнь, растянувшаяся на долгие годы: его имя вычеркнули из литературной жизни, современники боялись упоминать о нем, словно его уже не было в живых» (с. 15). По существу, ученый включает биографию советского литератора в модель духовного пути «пророка» в своем отечестве. И действительно, уникальные факты в книге Малыгиной вызывают в сознании читателя знаковые параллели — от фигуры пророка Аввакума до лермонтовского пророка: «Провозглашать я стал любви и правды чистые ученья: / В меня все ближние мои / Бросали бешено камня». Это с **полным мог???** сказать о себе и Платонов. Еще один современный Платонову литератор «вне литературы», кокетельский отшельник Волошин в стихотворении 1922 г. «На дне преисподней» писал о пути истинных избранников Логоса так: «Темен жребий русского поэта: / Неповедимый рок ведет / Пушкина под дуло пистолета, / Достоевского на эшафот». В этом

контексте новая книга Малыгиной о Платонове воспринимается не только как энциклопедическое исследование, но и как научный памятник Мастеру русского Слова.

Первая глава раскрывает напряженнейший контекст литературного процесса, главными действующими лицами которого являются Воронский, Горький и Пильняк. На основе редких архивных документов Н.М. Малыгина убедительно доказывает, что влияние Воронского на творческие судьбы ряда крупных писателей было более глубоким и последовательным, чем признавала официальная советская критика. Кроме Пильняка, среди этих художников оказываются Пастернак, Артем Веселый, Гроссман, Катаев и участники литературной группы «Перевал». С этими писателями поддерживал творческие связи и Платонов. Гонения на «перевальцев» не удерживали Платонова от встреч и литературного взаимодействия с близкими по духу людьми.

Фигура Горького в книге становится одной из знаковых. Его влияние на современников рассматривается не только в первой главе, но и по ходу всего исследования. Ученый развивает интересную гипотезу, объясняющую причины «невстречи» Платонова и Горького летом 1928 г. Сложное отношение Горького к «пролетарскому» писателю во многом объясняется неоднозначным положением самого Горького, прошедшего путь от босняка и стихийного нищешанца до идеолога литературы социалистического реализма, главного писателя монументального государства.

Во второй главе монографии впервые системно анализируются факты, позволяющие реконструировать историю взаимоотношений Платонова и Пастернака. Н.М. Малыгина справедливо отмечает, что в существующей истории литературы XX в. эти художники обычно представлены изолированно друг от друга. Однако писатели были не только лично знакомы, но и являлись соседями в писательском доме на Тверском бульваре. Приводя письмо Пастернака к Ахматовой, в котором он ссылается на разговор с Платоновым, Малыгина образно называет этот факт «звеном неизвестного сюжета» (с. 211). В книге устанавливаются причины и последствия того, почему «Пастернак до конца жизни хранил в тайне свои отношения с Платоновым» (там же).

Пересечение литературных судеб Платонова и Артема Веселого рассматривается в третьей главе. Н.М. Малыгина обнаруживает и анализирует сходство природы идеологических гонений, которыми подверглись журналы за публикации «контрреволюционных» произведений — платоновской «бедняцкой хроники» «Впрок» и отрывка романа Артема Веселого «Россия, кровью умытая». Символическое название романа созвучно с образностью сборника Эренбурга «Молитва о России» (1917), поэмой Блока «Двенадцать» (1918), докладом Волошина «Россия распятая» (1920) и его книгой стихотворений «Неопалимая Купина» (1923).

Символические названия советских журналов «Новый мир», «Молодая гвардия», «Красная новь» неожиданно обретают не идеологическое, а эсхатологическое содержание. В главе представлено сопоставление символики и мифопоэтики произведений Платонова и Артема Веселого, анализируются эксперименты с языком, словотворчество, проводятся аналогии с неомифологическим миром Хлебникова.

Своеобразной данью читательской и научной памяти «забытому писателю» С.Ф. Буданцеву становится четвертая глава книги. Н.М. Малыгина реконструирует творческий путь автора романа «Мятеж» (1925) и раскрывает природу его поэтики в системе эстетики авангарда и «символического реализма», типологически близкой Пильняку и Платонову. В рамках герменевтической концепции интересной и продуктивной представляется трактовка произведений «социалистического» реализма как «жизнетворческих». Реконструкция литературных отношений между Буданцевым, Пильняком, Пастернаком, Платоновым и другими участниками литературного процесса позволяет разработать методологические принципы современной оценки произведений о Гражданской войне и социалистическом строительстве. Образы инженеров в трактовке ученого воспринимаются как новый литературный тип.

Заключительная глава книги посвящена истории дружбы и творческому диалогу Платонова и В.С. Гроссмана. Впервые устанавливаются важные историко-литературные факты, объединившие писателей. Н.М. Малыгина убедительно подтверждает собственную гипотезу, высказанную ранее в научных докладах и статьях о влиянии Платонова на создание романа «Жизнь и судьба» (1954). В главе представлены открытые автором документы об участии Платонова в подготовке материалов для «Черной книги», представлявшей собой документ об уничтожении еврейского народа на оккупированных территориях СССР.

По наблюдениям литературоведа, кроме теплой человеческой дружбы, Платонова и Гроссмана связывала созидательная философия жизни. При осмыслении огромного фактического материала, приведенного Н.М. Малыгиной, складывается впечатление, что близкое обоим писателям понимание роли «инженеров» имело не только «производственное» значение. Оно предполагало участие в Общем Деле строительства Нового Мира. По мысли Малыгиной, в современном мире техники и производства оба писателя сохраняли вневременной «идеал человечности» (с. 558).

В послесловии автор формулирует своеобразный парадокс творческой судьбы Платонова, его роли и места в литературной Москве 1920—1940-х годов. Н.М. Малыгина отмечает, что Платонов «считал себя пролетарским писателем» (с. 560), «хотел быть советским писателем», но этому всегда что-то «мешало» (с. 567). Причиной конфликта с официальной литературой была творческая независимость, чувство призвания, талант, который, как известно, дается от Бога. Видимо, эта убежденность и делала писателя внутренне свободным и внешне стесненным в многоголовой «литературной Москве», сталкивая с идеологами от литературы и сближая с такими же одаренными, внутренне независимыми единомышленниками. Характерно, что одно из знаковых произведений мастера называлось «Счастливая Москва». Чувство счастья, пусть трудного и катастрофического, создается переживанием причастия к творимой истории, участия в общей жизни.

Книга Н.М. Малыгиной «Андрей Платонов и литературная Москва» — лучшее тому доказательство, ведь большой писатель обращается не только к современникам, но и к новым поколениям, творит судьбы своих читателей и исследователей, становится собеседником вечности.

Mikhail Yakovlev

**MALYGINA N. M. ANDREY PLATONOV
AND LITERARY MOSCOW: A. VORONSKY, A. GORKY,
B. PILNYAK, B. PASTERNAK, ARTEM VESYOLY,
S. BUDANTSEV, B. GROSSMAN.
Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018. 592 p.**

*Moscow State Regional Humanitarian University
142605, Moscow State Region, Orekhovo-Zuevo, Zelenaya Str., 22*

The article analyzes the structure and contents of a new monograph by N.M. Malygina about Andrey Platonov. It gives a review of the composition of the book, scientific methodology, historic and literary problematics investigated by the scientist on extensive material. Malygina makes judgements about literary contacts between Platonov and A. Voronsky, A. Gorky, B. Pilnyak, B. Pasternak, Artem Vesyoly, S. Budantsev, V. Grossman and other contemporaries. The article shows that in Malygina's book contradictory facts in the life of the literary Moscow in the 1920's–1940's are hermeneutically imposed on Platonov's symbolical texts and this gives his axiomatically famous works a new sounding. Malygina introduces new archival sources that enable the researcher to better understand Platonov's literary legacy.

Key words: Andrey Platonov; N.M. Malygina; historical and literary context; archival sources; Moscow text.

About the author: *Mikhail Yakovlev* — Prof. Dr., Department of Russian Language and Literature, Moscow State Regional University for Humanities (e-mail: 79104310619@yandex.ru).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Н.А. Ганина

**Международная научная конференция
«ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ РУКОПИСИ
И ДОКУМЕНТЫ ОТ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ
ДО НАЧАЛА НОВОГО ВРЕМЕНИ В СОБРАНИЯХ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ИЗУЧЕНИЕ,
КАТАЛОГИЗАЦИЯ, ЦИФРОВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ»**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье предлагается обзор докладов и мероприятий международной научной конференции, посвященной изучению, каталогизации и цифровой публикации западноевропейских рукописей и документов от поздней античности до начала Нового времени в собраниях Санкт-Петербурга, организованной Санкт-Петербургским институтом истории Российской академии наук в сотрудничестве с Германским историческим институтом (Москва) и рядом других учреждений науки и культуры.

Ключевые слова: палеография; кодикология; дипломатика; средневековые западноевропейские рукописи; западноевропейские грамоты; каталогизация; цифровая публикация; Санкт-Петербург.

С 19 по 22 сентября 2019 г. в Санкт-Петербурге состоялась международная научная конференция «Западноевропейские рукописи и документы от Поздней античности до начала Нового времени в собраниях Санкт-Петербурга: изучение, каталогизация, цифровая публикация», организаторами которой выступили Объединенный научный совет по общественным и гуманитарным наукам (Санкт-Петербургский научный центр РАН), Санкт-Петербургский институт истории РАН, Германский исторический институт (Москва), Российская национальная библиотека и Государственный Эрмитаж. Инициатором мероприятия был Германский исторический институт, тогда как практическая организационная работа проводилась главным образом СПбИИРАН. Главным спонсором конференции стал Германский исторический институт в Москве, финансовую поддержку также оказали СПбИИРАН, Объединенный научный совет по общественным и гуманитарным наукам при Санкт-Петербургском научном центре РАН и Государственный Эрмитаж.

Ганина Наталья Александровна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры германской и кельтской филологии МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ganina@philol.msu.ru).

Конференция имела своей целью налаживание кооперации российских библиотек и институтов с западноевропейскими исследовательскими центрами, равно как и активизации сотрудничества в работе над уже имеющимися проектами, прежде всего в сфере цифровой публикации западноевропейских рукописей с V по XIII в. Согласно концепции главного организатора, к.и.н. *В.И. Мажуги* (СПбИИРАН), взаимодействие основывалось на твердых научных традициях и осознанном стремлении использовать новейший опыт каталогизации и цифровой обработки исследуемых и публикуемых материалов.

Торжественное открытие конференции состоялось 19 сентября в здании Российской академии наук на Университетской набережной. С приветствием от Российской академии наук и Германского исторического института выступили действительный член РАН *Н.Н. Казанский*, директор Санкт-Петербургского института истории РАН член-корреспондент РАН *А.В. Сиренов* и научный сотрудник Германского исторического института к.и.н. *А.В. Доронин*. Первый день заседаний был посвящен общетеоретическим докладам, призванным послужить осмыслению международного опыта исследования, каталогизации и дигитализации библиотечных собраний. Своими идеями и опытом поделились признанные специалисты в области исследования рукописей и старопечатных изданий. *Ф. Сири* (Париж, Национальная библиотека Франции) обсудил в своем докладе механизмы международного сотрудничества в сфере исследования средневековых рукописей, *Э. Овергау* (Берлинская государственная библиотека «Прусское культурное достояние») изложил общие принципы каталогизации рукописей в Германии, *П. Кармасси* (Библиотека Герцога Августа, Вольфенбюттель) затронула методологические аспекты каталогизации средневековых рукописей из Гальберштадта и Гёттингена, *М. Штиглекер* (Австрийская академия наук, Вена) сообщила о текущих исследованиях средневековых рукописей в Австрийской академии наук, *А. Брайт* (Филиппс-Университет, Марбург; Австрийская Академия наук, Вена) представила марбургский международный центр передового опыта по изучению германоязычных рукописей Средневековья «Handschriftencensus», *Д. Мурано* (Финская академия и Университет Ювяскюля) предложила новый взгляд на библиотеку Пико делла Мирандола.

Последующие докладчики затронули различные аспекты исследования рукописей и старопечатных изданий в международном контексте: *Н.Ф. Палмер* (Сент-Эдмунд-Холл, Оксфорд) выступил с докладом о приобретении средневековых ксилографических книг русскими библиотеками в XVIII–XIX вв., представив свои исследования, позволившие установить факт приобретения “*Biblia pauperum*” Й.-Д. Шумахером и проследить библиографическую деятельность Р. Минцлова, *Т. Фальмань* (Национальная библиотека Люксембурга) обсудил вопросы изучения и каталогизации собраний рукописных фрагментов, в том числе в собрании СПбИИРАН, *А.В. Поволоцкая* (СПбГУ) в соавторстве с *М.В. Корогодиной* (БАН) и др. представила результаты мультианалитического исследования французского легендария XIII в. F. 403 из Библиотеки Российской академии наук. Первый день конференции завершился посещением Отдела рукописей БАН,

где участники конференции ознакомились с выставкой средневековых западноевропейских и древнерусских рукописей.

20 сентября 2019 г. заседания проходили в стенах Российской национальной библиотеки. С приветственным словом выступил заведующий Отделом рукописей РНБ *А.И. Алексеев*. Тематическим направлением дня стало исследование рукописей РНБ и родственных им рукописей в других собраниях. *Ф. Тронкарелли* (Университет Тушии, Витербо) посвятил свой доклад рукописи РНБ Lat.Q.v.I, 6—10, созданной в Виварии Кассиодора Сенатора, *Д.М. Ганц* (Берлинская государственная библиотека «Прусское культурное достояние») обсудил хранящийся в РНБ лекционарий Лат. Q.v.I. 16 из монастыря Корби с текстом Евангелий и Апостольских посланий в контексте рукописной традиции раннекарولينгских лекционариев. *Г.И. Борисов* (Тюбингенский университет) обобщил свои кодикологические и палеографические наблюдения над кодексом РНБ Лат. Q.v.II, 11 и рукописной традицией «Закона фризов» и «Закона тюрингов». *М.Г. Логутова* (РНБ) представила исследование инвентаря рукописных книг конца XII в., содержавшихся в монастыре св. апостола Петра в *Augia minor* (Вейсенану). *Е.В. Антонец* (МГУ имени М.В. Ломоносова) обсудила списки произведений римских авторов в Отделе рукописей РНБ. *И. Дреланс* (Национальный центр научных исследований, Париж) определила место рукописи РНБ Лат. Q.v.IX, 2 в рукописной традиции трактата «О порядке и положении звезд». *К. Браха* (Университет Яна Кохановского, Кельце) и *П. Новак* (Польская академия наук, Варшава; Университет Отто Фридриха, Бамберг) предложили обзор средневековых рукописей РНБ, происходящих из Польши, *Н.А. Бондарко* (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург) охарактеризовал кодикологические особенности, содержание и язык верхненемецких рукописей XIV—XV вв. в собрании РНБ, тогда как *Е.А. Власова* (РНБ) сделала сообщение о нижненемецком молитвеннике XV в. из Любека (Фонд 955, оп. 2, № 51). Тему исследования рукописей в родственных собраниях развивали *Н.А. Ганина* (МГУ имени М.В. Ломоносова) в докладе о средневековой немецкой рукописи из «Музеев города Юрьевца» «Кодекс Бардевика: теоретические и практические аспекты исследования» в контексте рукописей любекского права в России, в том числе в РНБ, *П.К. Кулагина* (Гумбольдт-Университет, Берлин) в стендовом докладе о сетевом регистре средневековых немецких переводов латинских гимнов и секвенций «*Berliner Repertorium*» (с привлечением рукописи РНБ Голл. О.v.I. 10 и *В.Л. Портных* (Новосибирский государственный университет) в стендовом докладе о средневековых западноевропейских рукописях в собрании Томского государственного университета. Затем участники конференции имели возможность посетить Отдел рукописей РНБ для исследований, экскурсии по Отделу и знакомства с выставкой средневековых западноевропейских рукописей.

21 сентября 2019 г. заседания проходили в Санкт-Петербургском институте истории РАН — историческом особняке Н.П. Лихачева. В рамках тематического направления по исследованиям грамот, их иллюминации, памятников эпистографии и юридических рукописей Средневековья и раннего Нового времени *Е.Р. Сквайрс* (МГУ имени М.В. Ломоносова) обсудила старейшие рукописи Новгородской Скры в контексте генезиса

важнейшего правового памятника Ганзы, *А.Е. Карначев* (СПбГУ) затронул проблему происхождения фрагментов латинских библейских текстов с Афона как возможного наследия библиотеки монастыря Амальфион, *Г.М. Воробьев* (СПбИИРАН) представил малоизученные фрагменты итальянских рукописей эпохи Возрождения в Архиве СПбИИРАН, *А. Мауль* (Филиппс-Университет, Марбург) показал научную ценность фотоматериалов марбургского Фотоархива древних оригинальных грамот до 1250 г. (Lichtbildarchiv) для исследования документов, *М.-Л. Хекманн* (Потсдамский университет) на примере Санкт-Петербургской грамоты Оттона I подчеркнула перспективы цифрового профилирования как нового метода дипломатики, *А.В. Чиркова* (СПбИИРАН) рассмотрела папские документы XII—XIII вв. из Архива Генуэзской республики в Санкт-Петербурге, *Д. Хекманн* (Тайный государственный архив «Прусское культурное достояние», Берлин) изложил результаты идентификации анонимных писцов из Пруссии эпохи Тевтонского ордена посредством анализа подписей нотариев, *С.В. Полехов* (Институт российской истории РАН, Москва) сообщил о находке пропавшего источника — донесения генерального прокуратора Тевтонского ордена при римской курии Петера фон Вормдитта Верховному магистру Ульриху фон Юнгингену из Пизы от 23 апреля 1409 г., *Т.Н. Таценко* (СПбИИРАН) обобщила основные аспекты исследования писем и грамот немецких князей XVI в. в Историческом архиве СПбИИРАН, а именно состав и происхождение коллекции, принципы описания документов, содержание, язык и стиль текстов.

Заключительное заседание конференции было посвящено обсуждению стендовых докладов *М.Л. Землякова* (НИУ «Высшая школа экономики», Москва) о палеографических и кодикологических особенностях рукописной традиции «Салической правды» с конца VIII по XVI в., *Е.В. Казбековой* (Институт всеобщей истории РАН, Москва) о раннем списке “Liber Extra” и “Glossa ordinaria” Бернарда Пармского из РНБ (Lat. F. v. II. 8), *В.А. Стасевича* (БАН) о “Stammbuch” маркграфа Бранденбургского Георга Альбрехта как рукописи из библиотеки Роберта Арескина, *Д.И. Вебера* (СПбГУ) о документах польских королей в «Лифляндском картулярии» Исторического архива СПбИИРАН, *Е.И. Носовой* (СПбИИРАН), *А.Ю. Лободы* и др. о матрице печати Ордена Госпитальеров, процессе ее изготовления и технологических характеристиках. Заседание завершилось подведением итогов научной программы конференции.

22 сентября 2019 г. состоялось посещение выставки средневековых западноевропейских рукописей в Научной библиотеке Эрмитажа, экспонаты которой произвели большое впечатление на участников конференции. В рамках культурной программы также была проведена экскурсия по Эрмитажу с гидом.

Масштабное научное мероприятие, объединившее под своей эгидой ведущих исследователей и молодых ученых из различных университетов и академических учреждений России и Западной Европы, наглядно показало широту и многообразие научной работы по исследованию средневековых рукописей и старопечатных изданий в Санкт-Петербурге и других собраниях России, раскрыло высокий научный потенциал исследователей, в том числе

молодых ученых, позволило ввести в научный обиход новые результаты исследований и определить конкретные пути и перспективы научного взаимодействия и кооперации в области исследования, каталогизации и цифровой публикации рукописей.

Natalija Ganina

**THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
'WEST EUROPEAN MANUSCRIPTS AND CHARTERS
FROM LATE ANTIQUITY TO THE EARLY MODERN PERIOD
IN SAINT PETERSBURG COLLECTIONS:
RESEARCH, CATALOGIZATION, AND DIGITIZATION'**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article offers a review of presentations and events at the International Scientific Conference 'West European Manuscripts and Charters from Late Antiquity to the Early Modern Period in Saint Petersburg Collections: Research, Catalogization, and Digitization' organized by the Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences in cooperation with the German Historical Institute (Moscow) and other scientific and cultural institutions.

Key words: palaeography; codicology; diplomatic; medieval Western manuscripts; Western charters; catalogization; digitization; Saint Petersburg.

About the author: *Natalija Ganina* — Prof. Dr., Department of Germanic and Celtic Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ganina@philol.msu.ru).

Л.В. Красильникова, В.А. Маркова

**VII Международная конференция
«ТЕКСТ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.
АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ В ЦЕЛЯХ ПРЕПОДАВАНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО»
(28–30 ноября 2019 г.)**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Традиционная научно-практическая конференция «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного» прошла в ноябре 2019 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова.

Текст как важнейшая коммуникативная единица является ядерным понятием при обучении русскому языку как иностранному и представляет особый интерес для обсуждения специалистами в области РКИ. Целью проведения конференции является рассмотрение ключевых проблем современной науки, связанных с изучением текста в аспекте преподавания русского языка как иностранного, а также с большим кругом лингвистических, культуроведческих и методических вопросов преподавания русского языка в иностранной аудитории.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; научный, деловой, художественный текст; медиатекст; звучащий текст; образовательные стандарты; учебник; функциональная грамматика; лингвокультурология; перевод; тестирование; лингвистическая текстология; лингводидактический аспект; дискурсивная функция лексики и словообразования.

Традиционная, седьмая по счету, Международная научная конференция «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного» состоялась 28–30 ноября 2019 г. на филологическом факультете МГУ. Конференция была организована кафедрой русского языка для иностранных учащихся филологического факультета при участии кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного. В конференции приняли участие русисты,

Красильникова Лидия Васильевна — доктор педагогических наук, заведующая кафедрой русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: likras@mail.ru).

Маркова Валентина Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: v.a.markova@hotmail.com).

методисты, преподаватели РКИ более чем из 20 стран: России, Австралии, Австрии, Армении, Беларуси, Германии, Израиля, Италии, Ирана, Казахстана, Китая, Латвии, Польши, Сербии, Словакии, США, Турции, Украины, Франции, Чили, Японии. Широко была представлена российская география: Москва, Санкт-Петербург, Барнаул, Владивосток, Волгоград, Воронеж, Елабуга, Казань, Калининград, Кемерово, Краснодар, Махачкала, Михайловск, Омск, Орел, Пермь, Петрозаводск, Псков, Ростов-на-Дону, Саранск, Саратов, Симферополь, Смоленск, Тверь, Томск, Тула, Тюмень, Хабаровск. Участники представляли самые разные вузы (только из Москвы в конференции приняли участие представители 20 высших учебных заведений), что позволило обсудить проблемы преподавания РКИ учащимся всех профилей обучения. Широкая представленность научной общественности на конференции обеспечивалась как очным, так и заочным участием. Благодаря такой возможности участниками конференции стали 261 человек, 103 из которых выступили с докладами.

Приятно отметить, что конференция вызвала интерес издательств, специализирующихся на выпуске учебной литературы по РКИ: в работе конференции приняли участие главный редактор Центра «Златоуст» А.В. Голубева (Санкт-Петербург) и заместитель главного редактора издательства «Русский язык. Курсы» Е.Н. Денисенко (Москва).

Предметом обсуждения на конференции стали актуальные вопросы преподавания РКИ: обучение владению языковыми средствами всех уровней, обучение различным видам речевой деятельности, формирование значимых для разных контингентов учащихся компетенций, создание государственных стандартов, учебников, материалов для тестирования, а также традиции в преподавании РКИ и новые вызовы времени. Общим для всех работ, представленных на конференции, было сосредоточение внимания на тексте, являющемся целью и средством обучения. О широте проблематики конференции, с одной стороны, и ее текстоцентричности, с другой, можно судить по названиям секций: 1. Научный и деловой текст как единица обучения русскому языку как иностранному; 2. Медиа́тэкст: лингводидактический потенциал; 3. Художественный текст в аспекте преподавания русского языка как иностранного; 4. Звучащий текст в практике обучения русскому языку как иностранному; 5. Образовательные стандарты, учебники по русскому языку как иностранному; 6. Функциональная грамматика и текст в аспекте преподавания русского языка как иностранного; 7. Дискурсивная функция лексики и словообразования: лингводидактический аспект; 8. Лингвокультурология и проблемы межкультурной коммуникации в аспекте обучения русскому языку как иностранному; 9. Проблемы перевода в преподавании русского языка как иностранного; 10. Проблемы тестирования по русскому языку как иностранному на современном этапе; 11. Лингвистическая текстология.

Ориентиры работе конференции задало пленарное заседание, на котором были представлены доклады почти по всем ее направлениям.

Открыл пленарное заседание доклад *Л.Г. Шипелевич* (Польша) и *А.Н. Бертяковой* (Москва). В докладе медиа́тэкст был квалифицирован как актуальный аутентичный материал обучения русскому языку, как источник

формирования у обучающихся креативного мышления, коммуникативно-когнитивной и исследовательской компетенций, аксиологических принципов и культуры речевого поведения. Доклад *О.И. Глазуновой* (Санкт-Петербург) был посвящен научному тексту и способам формирования у иностранных учащихся научного мышления. *А.В. Голубева* (Санкт-Петербург) и *Е.Н. Денисенко* (Москва) рассказали о современных учебниках по русскому языку как иностранному. *В.С. Елистратов* (Москва) проанализировал функционирование в речи иностранных учащихся незначительных частей речи и вводных слов («незначительные лингвомикробы»), которые, по мнению докладчика, могут рассматриваться в лингвокультурологическом аспекте, поскольку воспринимаются инофонами как проявление русской ментальности, как коммуникативно-контактоустанавливающие средства. Доклад *Л.П. Клобуковой* (Москва), *Н.С. Молчановой* и *Л.С. Головиной* (Псков) был посвящен текстам официально-деловой сферы общения как источнику отбора материала для лексического минимума к комплексному экзамену по РКИ (уровень «Иностранный работник»). *А.В. Величко* (Москва) рассмотрела в своем докладе особенности функционирования предложений фразеологизированной структуры в разных типах текста. Завершил пленарное заседание доклад *А.Г. Лилеевой* и *Е.М. Калло* (Москва), в котором был представлен опыт анализа поэтики текста «домашнего» журнала, который на протяжении 20 лет создавал М.В. Панов со своими учениками и друзьями.

Далее начали свою работу 11 секций конференции.

Участники первой секции затронули в своих докладах вопросы создания учебного пособия по научному стилю речи (*Е.Н. Тарасова, С.В. Киржанова, В.М. Касьянова*, Москва, и др.); изучения жанровых разновидностей научного и официально-делового стилей и обучения иностранных студентов составлению деловых и научных текстов разных жанров (*О.Е. Фролова; Л.В. Красильникова и Н.В. Доронкин; М.М. Калиновская*, Москва), а также проблемы современной наукометрии (*М.Ю. Сидорова* и др., Москва).

Доклады второй секции были посвящены анализу материалов СМИ в аспекте преподавания РКИ (*Е.Б. Авдеева, Н.А. Ванюшина* и др., Москва), компетенциям, формируемым при работе с медиатекстом (*Е.К. Столетова и М.М. Шенлебен*, Москва), приемам работы с медиатекстом на занятиях РКИ (*Е.А. Гасконь*, Тверь). Был представлен проект учебного пособия по работе с медиатекстом (*Н.Г. Нестерова, С.В. Фащанова*, Томск).

На заседании третьей секции были заслушаны доклады, посвященные различным аспектам работы с художественным текстом в иностранной аудитории (*Н.В. Баландина*, Москва; *Л.Ф. Крапивник*, Хабаровск и *Н. Мидзуками*, Япония; *А.А. Бурченкова*, Смоленск, *С.Ш. Юнусова*, Австралия; *М.К. Лопачева*, Санкт-Петербург, и др.), художественным и стилистическим особенностям произведений ряда писателей (*О.В. Чагина*, Москва; *Л.Л. Ружанская*, Италия, и др.), а также доклады, в которых художественные тексты рассматриваются с позиций компаративистики (*З. Садеги Сахлабад и М.Х. Тагизаде*, Иран, и др.).

Доклады четвертой секции были посвящены обучению иностранцев русскому произношению и интонации (*Е.В. Моисеева*, Москва, и др.), ме-

тодике работы со звучащим текстом на уроках РКИ (*Е.О. Акишина; Е.Л. Бархударова; М.В. Фокина*, Москва, и др.), использованию устного текста при проведении тестирования (*О.К. Грекова*, Москва), использованию песен и анимационных фильмов при обучении устной речи (*Н.А. Власова*, Воронеж; *Н.В. Нестер*, Беларусь).

На заседании пятой секции были заслушаны доклады о требованиях Государственного стандарта и их реализации в образовательном процессе (*Ма Лян*, КНР), о традициях преподавания РКИ в МГУ (*Акбаба Тюлай*, Турция-Россия), о создании учебных материалов в контексте новой образовательной парадигмы (*О.П. Быкова и В.Г. Сиромеха*, Москва), о соотношении электронного и бумажного учебников в образовательном процессе (*Е.Ю. Николенко*, Москва), о создании национально ориентированного учебника (*А.В. Голубева*, Санкт-Петербург) и русскоязычной версии национального учебника (*Н.Н. Конева и Д.А. Жигульская*, Москва), о необходимости усиления социокультурной составляющей в современных пособиях по РКИ (*Дастамуз Саиде*, Иран, и др.). Были представлены учебные пособия, обучающие разным видам речевой деятельности и адресованные учащимся разных профилей обучения (*А.В. Брыгина, В.Т. Марков, В.А. Маркова*, Москва; *Е.М. Шахова* и др., Симферополь).

Доклады шестой секции затрагивали вопросы описания грамматических средств общения в дидактических целях (*В.А. Кузьменкова*, Москва; *В.Н. Мусатов*, Орел; *В.А. Закревская*, Тюмень; *Ф.И. Панков, Т.Е. Чаплыгина, Т.В. Шустикова*, Москва, и др.), общеметодологические вопросы преподавания РКИ (*Т.Е. Владимирова*, Москва, и др.).

Доклады седьмой секции были посвящены описанию лексических средств в аспекте преподавания РКИ (*О.В. Зубова*, Москва), использованию лексических средств в обыденном общении и художественном тексте (*А.А. Сафронова*, Москва, и др.), учету макроконтекста при обучении чтению на занятиях РКИ (*Т.В. Веракша*, Санкт-Петербург).

На заседании восьмой секции речь шла о способах формирования у иностранных учащихся лингвокультурологической компетенции (*О.Н. Григорьева и Чжун Цзяюй, Е.С. Серова и Сунн Сяцин, Г.В. Николенко*, Москва), о влиянии учебных текстов на формирование у иностранных учащихся стереотипного представления о русских (*Н.И. Кряжева*, Франция), о специфике преподавания РКИ учащимся творческих специальностей (*А.А. Забуга*, Казань; *В.В. Калинина*, Латвия), об опыте создания лингвострановедческих словарей (*Л.А. Дунаева, Л.А. Нестерская и И.И. Яценко*, Москва; *Н.В. Бубнова*, Смоленск).

На заседании девятой секции были заслушаны доклады, посвященные переводу как виду речевой деятельности и как средству обучения (*Х. Лерхер*, Германия; *В.Г. Кульпина, Е.С. Мойса*, Москва; *Р.А. Урханова*, Италия).

Об использовании беседы-интервью в качестве материала для тестирования рассказали *Л.Н. Некрасова и Л.Н. Норейко* (Москва) в рамках заседания десятой секции.

На заседании одиннадцатой секции прозвучали доклады, посвященные проблемам истории русского языка и русскоязычного текста (*В.В. Каверина, Е.А. Кузьминова, Т.В. Пентковская*, Москва, и др.).

В рамках работы конференции был проведен Круглый стол, речь на котором шла об учебном литературном тексте и учебном художественном фильме как объекте и средстве преподавания русского языка в иностранной аудитории (руководитель — *И.В. Ружицкий*).

Третий день конференции был экскурсионным. Экскурсия «Храм Воскресения Христова в Сокольниках» была интересной и для тех, кто впервые приехал в Москву, и для тех, кто давно живет в этом городе.

Работа конференции носила творческий и конструктивный характер: были обсуждены ключевые проблемы преподавания РКИ и предложены разные пути их решения. Радует, что в конференции приняли участие магистранты и аспиранты российских и зарубежных вузов. Это означает, что будущее методики преподавания русского языка как иностранного — в надежных руках.

Материалы конференции были опубликованы в двадцатом, юбилейном выпуске сборника «Слово. Грамматика. Речь» (отв. ред. О.В. Чагина), выпускаемом ежегодно кафедрой русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ.

Lidia Krasilnikova, Valentina Markova

**VII INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
'TEXT: PROBLEMS AND PROSPECTS. ASPECTS
OF STUDYING FOR THE PURPOSE OF TEACHING RUSSIAN
AS A FOREIGN LANGUAGE' (November 28–30, 2019)**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The conference 'Text: problems and prospects. Aspects of studying for the purpose of teaching Russian as a foreign language' was held in November 2019 at the Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University. The focus was on text as the most important communicative unit and a core concept in teaching Russian as a foreign language. Predictably, the conference discussed a wide range of linguistic, cultural, and methodological issues.

Key words: Russian as a foreign language; scientific, business and literary text; media text; sounding text; educational standards; textbook; functional grammar; cultural linguistics; translation; testing; linguistic textology; linguodidactic aspect; discursive function of vocabulary and word formation.

About the authors: *Lidia Krasilnikova* — Prof. Dr., Head of the Department of Russian Language for Foreign Students, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: likras@mail.ru); *Valentina Markova* — PhD, Associate Professor, Department of Russian Language for Foreign Students, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: v.a.markova@hotmail.com).

А.В. Швец

**НАЦИОНАЛЬНАЯ КЛАССИКА
И КОНТЕКСТЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
(отчет о XXII Летней Международной школе
«Национальная классика и глобальный транзит:
новые задачи литературного образования»,
МГУ, 24–26 июня 2019 г.)**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье дается подробное описание заседаний XXII Летней Международной гуманитарной школы «Национальная классика и глобальный транзит: новые задачи литературного образования», которая проходила с 24 по 26 июня 2019 г. в Государственном музее Толстого (при поддержке программы Фулбрайта и фонда Михаила Прохорова) и была организована МГУ, НИУ ВШЭ и GMT. В работе школы приняли участие исследователи из нескольких городов (Москва, Казань, Санкт-Петербург, Екатеринбург) и ведущих российских вузов (МГУ, КФУ, НИУ ВШЭ, РАНХиГС и др.). Среди лекторов школы были как приглашенные иностранные ученые (Джейкоб Эмери, университет Индианы в Блумингтоне, Айра Надел, университет Британской Колумбии), так и отечественные коллеги из МГУ, НИУ ВШЭ, РГГУ, ИМЛИ РАН, ВГИК. Работа велась на стыке дисциплин, так как среди выступающих были филологи, социологи, киноведы, историки. Вывод, достигнутый в работе школы, — классический канон не стоит рассматривать эссенциалистски, как некий вневременно актуальный корпус ценностно значимых текстов. Напротив, конструктивистский подход позволяет видеть в классическом каноне не «что», а «как». В таком разрезе классика предстает как набор коммуникативных практик, организующих сообщество читателей. В ходе школы обсуждались и новые методологические новации («мировая литература» Дамроша и Казановой, «дальнее чтение» Моретти), и бытование классики в разных дисциплинарных изводах (японистика, синаистика, американистика, славистика), и конкретные педагогические проблемы преподавания классики в высшей школе и средней школе. Доклады и лекции, осуществленные в рамках летней школы, вывели в сферу обсуждения широкий перечень проблем — от конструктивистской ревизии канона до интеграции отдельных литературных традиций в преподавание литературы для детей.

Швец Анна Валерьевна — аспирант кафедры общей теории словесности филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (ananke2009@mail.ru).

Ключевые слова: классика; канон; мировая литература; социальный конструктивизм.

Что такое классика сегодня — в нынешнем глобальном мире, которые стремится устранить границы между литературными традициями и подвергнуть их (традиции) процессу диффузии? Можем ли мы по-прежнему трактовать классику эссенциалистски — как «сокровищницу» и «вневременный памятник»? Эти вопросы направляли работу XXII Летней Международной гуманитарной школы (при поддержке программы Фулбрайта и фонда Михаила Прохорова), устраиваемой МГУ, НИУ ВШЭ и Государственным музеем Л.Н. Толстого. Как было отмечено уже в анонсе, вряд ли удовлетворительным представляется понимание классики как «наиболее ценной и престижной части любой национальной культурной традиции, ее лучшего вклада в культуру мировую». Как можно по-новому помыслить это явление?

Ответы на этот вопрос частично предвосхищались в рамках (относительно) новых исследовательских проектов («новый историзм» Гринблатта, акторно-сетевая теория Латура, «мировая литература» Паскаль Казановой, «дальнее чтение» Ф. Моретти). Благодаря этим критическим технологиям можно заземлить в историческом контексте и подвергнуть вопрошанию само понятие традиции (каким бы незыблемым оно ни казалось) — так что классику можно увидеть как динамически формируемый, становящийся у нас на глазах конструкт. Такой взгляд фундируют реалии глобального культурного рынка — в его контексте становится очевидно, что классика сейчас — предмет перевода, адаптации, интерпретативного торга. В таком ключе возможно мыслить множество контекстов рецепции классики — и множество соответствующих этим контекстам аудиторий-публик (чаще — молодежных, ведь для молодого читателя овладение символическим капиталом представляется наиболее престижным). Очевиднее всего — дезинтеграция и распад некогда единого корпуса «великих книг» на огромное количество маршрутов культурного трансфера и транзита, в ходе которых становятся ситуативные «классические» образования, являющиеся таковыми для конкретной группы читателей, притом, что мерой в присвоении статуса классики нередко является их личный опыт.

Предваряя первые выступления Летней школы коротким вступительным словом, директор школы, Татьяна Венедиктова, обратила внимание аудитории на то, что, заново определяя базовые категории в разговоре о классике, мы пытаемся снова наметить линии раздела между элитарным и массовым, «своим» и «чужим», условно «классическим» и современным. Джейкоб Эмери (Индианский университет в Блумингтоне) в лекции «Сеть и панорама: мир сквозь призму литературы» продолжил эту мысль, предложив публике недавнее понятие «мировой литературы» (запущенное усилиями Д. Дамроша, Ф. Моретти, П. Казановой). «Мировая литература», по логике Эмери, не в последнюю очередь создается за счет логики коммодификации — классическими становятся те тексты, которые в большей степени потребляются и тиражируются уже в виде готовых схем. Когда литература становится предметом потребления, она рискует лишиться субъектности,

превращаясь в набор алгоритмов, кодов и объективируемых тропов — так что литературоведение (как проект в первую очередь герменевтический и работающий с восприятием субъекта) вынуждено реагировать на этот вызов, пытаясь и сохранить герменевтический пафос, и учесть новую логику бессубъектного — надсубъектного — потребления литературы.

Айра Надел (университет Британской Колумбии) и Антон Нестеров (МГЛУ) от теоретического посыла перешли к исторической конкретике, предложив аудитории парное выступление под названием «Политики канонизации и ревизии канона». В центре внимания обоих докладчиков был случай Эзры Паунда — поэта, скандально известного при жизни, канонизированного в качестве классика посмертно. Надел сосредоточился на парадоксальном контрасте реальной и посмертной жизнью Паунда, тщательно вскрывая работу механизмов канонизации — Нестеров же был сосредоточен на рецепции поэта в России и формировании облика «поэта-имажиста». Следующий круглый стол был выстроен сходным образом — контрастивно. Ведущие дискуссии, востоковеды Александр Мещеряков (ИВ РАН / РГГУ) и Илья Смирнов (РГГУ / НИУ ВШЭ) представили диалог «(Дальне)восточное направление культурного транзита», в ходе которого рассуждали о связях и обменах между восточными традициями и традицией русской. И китайская, и японская словесности не могут быть в полной мере ассимилированы, сошлись докладчики, — причиной тому является, по выражению Смирнова, «фундаментальная разница в культурных обстоятельствах», нетождественность структур литературных институций и ролей автора и читателя в их рамках. При подобном раскладе существует ряд ситуаций, когда понимание попросту «невозможно», как и полноценная работа перевода и адаптации — так что нередко произведение усваивается на уровне вчитываемой в него идеи или представления о культурном Другом.

Последующий круглый стол носил обратный характер: от конкретных исторических кейсов его участники — *Е. Островская* (НИУ ВШЭ), *Е. Дмитриева* (РГГУ / ИМЛИ РАН), Николай Поселягин (НИУ ВШЭ) — перешли к теоретической рефлексии. Елена Островская и Екатерина Дмитриева построили свои рассуждения на конкретном материале (история переводной мировой литературы в журнале «Интернациональная литература» и французский Пантеон как каноностроительная институция), а Николай Поселягин предложил помыслить канон как теоретический инструмент и сосредоточиться на противоречиях, организующих дискуссию о каноне (субъективное / объективное; вневременное / историческое; ценное / неценное). Канон — это идеологическая рамка, но при этом он является коммуникативной технологией, сближающей сообщества читателей и помогающей им обрести идентичность. В правильной прагматической калибровке канона заключен большой потенциал.

На следующий день Джейкоб Эмери снова открыл заседания школы, выступив несколько в другом жанре — предложив аудитории семинар «“Толстоевский” в Америке», в центре которого были адаптация и апроприация текстов двух классиков (Толстого и Достоевского) в виде набора представлений, рецептивных схем и коммуникативных стереотипов. В ходе дискуссии участники школы пришли к выводу, что, обсуждая подобные

случаи бытования классических текстов, мы всё меньше говорим о механике текста и присущих ему структурах, и всё больше — об опыте (или опытах) чтения, индивидуальных или обобщаемых в виде некоего универсального опыта. Напряжение между универсальным опытом чтения и индивидуальным актом обращения с классическим произведением рассмотрел в своей лекции «С Пушкиным на дружеской ноге: о “профанизации” классических текстов» Михаил Строганов (ИМЛИ). Докладчик представил аудитории экскурс, в ходе которого анализировались анекдоты, песенные адаптации и пародии творчества Пушкина. Лектор заключил, что подобное «профанное» взаимодействие с классическими текстами вовсе не заслуживает негативной оценки — это ещё один вариант циркуляции классического текста в культуре, только в данном случае речь идёт о «серой» зоне приватного, частного чтения, не кооптированной властью литературных институций.

Следующий круглый стол «Иностранная классика и национальные культуры экрана (три киноадаптации романа У. Фолкнера “Святылище”», в рамках которого выступали Сергей Каптерев (ВГИК), Дмитрий Салынский (ВГИК), Полина Рыбина (МГУ), Диана Немец-Игнашева (МГУ), также имел отношение к опыту прочтения классического текста. Докладчики предложили свои варианты рефлексии о том, что происходит при адаптации классического текста на языке кино. Адаптируется в конечном счете опыт чтения, а не сам текст в его сложности — и каждый раз процесс адаптации зависит от конкретного коммуникативного контекста общения режиссера и его публики. В ходе стола обсуждалось несколько киноадаптаций романа Фолкнера — от более-менее следующей тексту «История Темпл Дрейк» (1933) С. Робертса до радикального перепрочтения А. Балабанова «Груз 200», в котором фолкнеровский роман трудно узнать за современными декорациями.

О процессах осовременивания классики говорили А. Борисенко (МГУ) и Г. Юзефович (НИУ ВШЭ) на круглом столе «Западные классики XIX в. в современной “упаковке”». Докладчицы кратко прошли по произведениям массовой литературы, в которой какой-либо классик викторианской литературы фигурирует в качестве персонажа, а его текст нередко становится объектом стилистической пародии. В таком случае опыт чтения классического текста интегрируется в новый, современный художественный текст и выступает в роли медиатора-посредника между читателем и воображаемым «каноном».

Закрывая второй день заседаний, Гасан Гусейнов (НИУ ВШЭ) снова перешел к модусу теоретического рассуждения в рамках круглого стола «Классика в сослагательном наклонении». «Классический» статус текста, акт присуждения подобного статуса тексту, по мнению ученого, вписан в определённую культурную инфраструктуру письма и чтения — в «уклад» письменных и рецептивных практик, не одинаковый, скажем, в случае культуры античной и буржуазной культуры XIX в. Сейчас мы снова наблюдаем очередной сдвиг и даже взрыв в медийно-технологическом пространстве — что неизбежно повлечет к модификации и уточнению понятия «классики». Тот классический канон, который уже существует (как и любой канон), напоминает миф: миф значит нечто только тогда, когда соотносится с си-

стемой представлений о мире — без нее он превращается просто в историю. Возможно, это ждет ныне существующий корпус «великих книг».

Заключительный день летней школы — третий — также открывался семинаром Джейкоба Эмери «Классы и классики», в ходе которого обсуждение сосредоточилось на том, как преподавать классику. Американской педагог предложил обратить внимание на связь между каноном и логикой рынка — именно этот механизм, включенный в работу аудиторий и институций, отвечает за перераспределение отношения между «высоким» и «низким», элитарным и популярным. «Классическое» становится на границе этих противоположностей — за счет поиска баланса между абстрактным классовым вкусом и совокупностью индивидуальных опытов чтения. Следующее выступление — лекция социолога Любовь Борусяк (НИУ ВШЭ) «Классика родная и иностранная в восприятии современного подростка» — было убедительной иллюстрацией. Докладчица представила корпус задокументированных читательских пристрастий подростков — как в синхронической, так и в диахронической перспективе — и показала, как в классики выходят те или иные писателя за счет счастливого совпадения обстоятельств (так, отметить стоит набравшего популярность в 1990-е Ремарка — автора текстов с понятной аксиологической установкой, востребованных в нестабильном социополитическом контексте).

Следующие два круглых стола — круглый стол учителей «Иностранная классика в российской школе» и преподавателей вузов «“Зарубежка” в российском вузе: традиции и векторы возможных перемен» — были посвящены общей теме: конкретным проблемам преподавания зарубежной классики молодёжной аудитории. Первый круглый стол, которым руководил А. Скулачев (Школа 1514), состоял из коротких — пятиминутных — докладов учителей московских школ, в ходе которых демонстрировались те или иные методические ходы введения зарубежной литературы в преподавание литературы в школе (например, сближение Чехова с Ибсеном на уроке по «новой драме» и прицельная работа с функцией ремарки). Зарубежная литература при этом воспринималась как фактор, стимулирующий образовательный процесс, так как она не отягощена интерпретативными клише и потому более привлекательна для школьника. Обсуждение вузовских преподавателей — О. Пановой (МГУ), А. Голубкова (НИУ ВШЭ) и Ю. Ивановой (НИУ ВШЭ) — привело к иным выводам. Ольга Панова обратила внимание аудитории на присутствие единого стандарта преподавания зарубежной литературы в преподавании как профильным специалистам, так и неспециалистам, пришедшим за досуговым просвещением. Это не может не тревожить, поскольку девальвирует ценность предмета. Андрей Голубков перешел к преподаванию зарубежной литературы неспециалистов, сделав упор на практиках интерактива и популяризации предмета — только это поможет адаптировать зарубежную литературу для аудитории, не обладающей профессиональными компетенциями. Иванова же предложила перепрофилизацию преподавания зарубежной литературы, которая бы заключалась в дроблении предмета на ряд узкоспециальных курсов антропологического толка («Литература и визуальное», «литература и повседневность»).

Последнее мероприятие школы — встреча с театральным режиссером А. Левинским «Зарубежная классика на русской сцене: театр как школа культурного диалога» — выглядело логичным завершением интенсивной трехдневной работы. Оно началось с вопроса-провокации: сейчас — как показали обсуждения школы — преподаватели-трансляторы «классики» находятся между авторитетом «знания» и творчески продуктивной «игрой», которая авторитетом знания не обладает. «Знание» — умение владеть рядом контекстов и опознавать текстуальные механизмы — без игры вырождается в начётничество и перебор фактов, в то время как игра — вольная адаптация текста — в отрыве от знания перестает достигать педагогических целей. Как можно их совместить? — и можно ли? Левинский не предложил однозначного ответа на этот вопрос, однако отметил, что классика — как основной материал, с которым работает режиссёр, — нуждается в перепрочтении. Режиссер заявил, что главное при постановке классики — «сбить заданность материала», остранисть, сделать незнакомым и чужеродным знакомый текст, чтобы он не утратил актуальность. Подобное прочтение в каком-то смысле делает чтение классики формой протеста — против устоявшихся культурных иерархий и институциональных механизмов.

Подводя итог, можно отметить важный перелом: от понимания классического канона как вневременного корпуса текстов и ценностных смыслов — к пониманию канона как коммуникативной модели, площадки, на которой оформляются и циркулируют практики и опыты чтения текстов. Пока трудно сказать, как подобный сдвиг скажется на дисциплине филологии (и смежные дисциплинах) и на конкретных педагогических практиках. Однако надо отметить, что подобное направление рефлексии обещает продуктивный пересмотр устоявшихся рамок и категорий.

Anna Shvets

**XXII SUMMER INTERNATIONAL SCHOOL
‘NATIONAL CLASSICS AND GLOBAL TRANSIT:
NEW CHALLENGES OF LITERARY EDUCATION’,
Lomonosov Moscow State University, June 24–26, 2019**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article overviews the proceedings of XXII International Humanities Summer School ‘National Classics in Global Transit: New Challenges for Literary Studies’ at the Leo Tolstoy State Museum on June 24–26, 2019. The school gathered philologists, sociologists, cinema scholars, and historians from Moscow, Kazan, Saint Petersburg, Ekaterinburg, and other Russian cities who enjoyed, among others, lectures of prominent visiting scholars, Jacob Emery, Indiana University Bloomington, and Ira Nadel, University of British Columbia.

The presentations and lectures touched upon a wide spectrum of problems, from a constructivist revision of the canon to integrating some literary traditions into the teaching process at school. The school attendants concluded that the classical canon should not be regarded through an essentialist lens, it should embrace a constructivist stance, seeing not the “what” but the “how” of the classical canon. It can be seen as a set of communicative practices creating a reading community. The participants were discussing new methodological lenses (“world literature” by Damrosch and Casanova, “distant reading” by Moretti), the ways of communicating the canon in various disciplines (Japan, Chinese, American, Slavic studies), applications of teaching classics in school and college.

Key words: classics; canon; world literature; social constructivism.

About the author: *Anna Shvets* — PhD Student, Discourse and Communication Studies Department, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ananke2009@mail.ru).